E41
560

А. Бубнов

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РКП

из книг
Л. М. Кагановича
№ 875

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

Ф 1861
1,88

335.5к
Б90.о.
Е-11560

А. БУБНОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РКП

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

из книг
Л. М. Кагановича
№ 875

Ср. 1961
488

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1925 . . ЛЕНИНГРАД

Государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР
1233406

Главлит № 36183. Гиз № 9627. АП. № 188. Тираж 10.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Пименовская ул., д. 1/1

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-му ИЗДАНИЮ.

Основной частью сборника являются статьи, написанные в 1921 и 1923 гг. В них были рассмотрены и освещены общие вопросы истории нашей партии. В настоящем издании к этой основной части присоединены статьи, и доклады 1924 года.

Эти последние статьи делятся на две группы: в первой из них („Уроки Октября" и троцкизм" и „Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма") рассмотрены некоторые вопросы, связанные с нынешним ревизионистским уклоном в рядах нашей партии; а во второй — освещен ряд основных проблем теории Ленина, при чем освещение этих проблем дано в историческом разрезе.

Несмотря на такое расширение первого издания, общее заглавие сборника сохранено старое, так как по сути дела все статьи 1924 года посвящены рассмотрению тех вопросов, которые являются „основными вопросами истории РКП".

К сожалению, приходится в настоящее время констатировать, что до сих пор мы не имеем еще настоящей истории нашей партии.

За последние годы работа по собиранию и проверке исторического материала, несомненно, сделала большие шаги вперед. Но до сих пор нет еще систематической разработки вопросов методологии, связанных с историей партии.

Наша партия, особенно молодые партийные поколения, должна иметь такую книгу, в которой давалось бы не только описание того, как развивалась партия, но и анализ этого развития, т.-е. вскрытие его закономерности, давалось бы то, что может быть названо „философией истории" Российской Коммунистической Партии.

Статьи настоящего сборника вплотную подходят к темам именно этого порядка.

А. Бубнов.

8 апреля 1925 года.

I.

Основные моменты в развитии коммунистической партии в России.

1. Три периода в развитии партии.

На протяжении целого ряда лет партия революционного пролетариата в России называлась социал демократической рабочей партией. Развиваясь далее, она фактически стала известна под наименованием „большевиков" — большевистской партии. После Февральской революции это название за ней укрепилось. И, наконец, после Октябрьской революции партия приняла название коммунистов- большевиков — „Российской Коммунистической Партии (большевиков)".

История коммунистической партии в России от ее зарождения до настоящего времени прошла три основные момента:

Первый — создание социал-демократической партии, как пролетарской партии, ставящей себе ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой".

Второй — возникновение и развитие большевизма: борьба внутри с.-д. партии и рабочего движения двух тенденций, двух направлений, двух партий — революционной пролетарской и оппортунистической мелкобуржуазной, т.-е подготовление элементов коммунистической партии, как партии, ставящей своей непосредственной задачей борьбу за социализм.

И, наконец, третий момент — образование коммунистической партии, борющейся за власть и строящей пролетарское государство.

В соответствии с этим, развитие партии делится на три периода. Первый период берет свое начало во второй половине 70-х годов („Южно-русский рабочий союз" и „Северно-русский рабочий союз") и заканчивается II съездом российской с.-д. рабочей партии (в 1903 г.). Это путь от рабочего кружка, только еще начинающего освобождаться от народнической теории, к с.-д. рабочей партии.

Второй период обнимает собой время от 1903 г. по 1917 г.,

в течение которого революционный пролетарский авангард в жесточайшей борьбе с меньшевизмом, ликвидаторством и социал-шовинизмом отстоял основы революционного социализма и в теории, и в практике движения, создал партию „большевиков" — большевистскую партию, — тем самым подготовил образование коммунистической партии и обеспечил победу рабочего класса над буржуазией в октябре 1917 года.

Третий период начинается после Февральской революции 1917 г. и продолжается по настоящий день. В течение его образовалась коммунистическая партия, сначала ведущая непосредственную борьбу за власть, а затем, после Октября, строящая советское государство.

2. От рабочего кружка к социал-демократической партии (пол. 70-х гг.—1903 г.).

Революционная пролетарская партия росла вместе с развитием рабочего движения. В течение десятилетий русский рабочий вел упорную борьбу с царизмом—этим отвратительнейшим пережитком старого, докапиталистического порядка. В условиях этой борьбы и складывалась социал-демократическая партия. И чем глубже и правильнее понимал рабочий класс конечную цель своей борьбы; чем яснее усвоивал он в практике массовых, вначале стихийных, неорганизованных столкновений со своими классовыми врагами -капиталистами и помещиками—связь политической свободы с борьбой за социализм; чем нагляднее вскрывалась перед рабочей массой необходимость — для успешности этой борьбы — создания массовой всероссийской рабочей организации, — тем резче оформливался остов пролетарской партии, тем быстрее складывалась, росла и крепла социал-демократическая партия.

Бросая взгляд назад, на историю нашей партии, в настоящее время можно утверждать, что социал-демократическая партия в России зародилась в рабочих кружках второй половины 70-х годов. В то время рабочий класс был еще очень малочислен и слаб; распыленный по огромной стране, зажатый в тисках варварской эксплоатации российских Тит-Титычей, забитый отвратительным режимом царизма, русский рабочий еще не мог сознательно и организованно вести борьбу с царем, помещиком и капиталистом. Против гнета и бесправия выступали тогда лишь незначительные группы интеллигенции — студентов, врачей, учителей и т. д. Эти группы интеллигентов-народников рассчитывали исключительно на силу крестьянства; думали, что из хозяйственного уклада крестьянской жизни может вырасти социализм; они не понимали значения политической свободы для борьбы за социализм, они надеялись сразу, одним махом, избавиться от всякого гнета, свалить и экономическое рабство, и варварский царизм. Но, по словам Г. Плеханова, „идя к рабочим, не то, чтобы против воли, а, так-сказать, п р о т и в т е о р и и", и не умея разъяснить рабочему, „в чем заключается его собственная задача, со-

циально-политическая задача пролетария", интеллигенты-народники помогали рабочим организовываться и, тем самым, тоже против своей воли, помогали им „додумываться собственным умом" до постановки и разрешения таких задач, которые, будучи разрешены рабочими по-своему, „ужаснули всех правоверных интеллигентов"...

В рабочих кружках, организованных народниками, всегда смутно бродило недовольство такими взглядами, всегда проскальзывало стремление додуматься до понимания целей и способов борьбы, которые вывели бы рабочую массу из невыносимо тяжелых условий экономического гнета, бесправия и произвола. С наибольшей силой и яркостью обнаружилось это в созданной столяром Степаном Халтуриным и слесарем Обнорским в Петербурге в 1878 г. самостоятельной рабочей организации, названной ими „Северно русский рабочий союз". Объединив отдельные рабочие кружки, организованные народниками-землевольцами, „Северно-русский рабочий союз" стремился к созданию всероссийской рабочей организации. Вожаки союза прекрасно понимали значение массовой организации для успешного ведения борьбы; они решительно разорвали с народническим предрассудком о ненужности политической свободы и стали на ту точку зрения, что для борьбы за социализм прежде всего нужна политическая свобода, которая обеспечивает рабочей массе возможность организоваться и укреплять свою сознательность.

И если рабочий Петр Алексеев в своей речи на суде в 1877 г. засвидетельствовал глубочайшее убеждение пролетария в грядущей великой роли рабочего класса, а его сопроцессник, ткач Семен Агапов, заявил на суде же, что цель его пропаганды заключалась „в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции", то Степан Халтурин уже создает чисто-рабочую организацию и ясно понимает ее значение в освободительной борьбе рабочего класса, как „оплота", дающего „рабочему населению" „ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы" (см. программное воззвание союза „К русским рабочим").

Если бы была надобность в том, чтобы отыскать предшественников коммунизма в России, то одним из них и, пожалуй, крупнейшим следовало бы назвать Степана Халтурина и его „Северно-русский рабочий союз".

Эта первая самостоятельная рабочая организация возникла на почве первого массового всплеска рабочего движения. И хотя рабочее движение того времени развернулось довольно быстро, оно носило еще оборонительный стихийный характер, свидетельствовало о слабости, распыленности, малой сознательности рабочего класса. Не было еще и ясности в понимании путей и способов борьбы, которые могут привести пролетариат к свержению капиталистического ига. Все это и отразилось на „Северно-русском рабочем союзе".

Он распался, а его первый руководитель, Степан Халтурин,

вопреки своей программе, ушел от массовой организации к единоличным способам борьбы — в террор. Однакоже, можно утверждать, что рабочая струя в народничестве 70-х годов нашла свое завершение именно в „Северно-русском рабочем союзе“, и одновременно с этим именно здесь следует искать первых истоков революционной пролетарской партии в России: здесь зародилась социал-демократическая партия. Но в то время, в конце 70-х годов, в России не было ни развитого капитализма (он делал лишь свои первые шаги), ни организованного рабочего движеняя (оно носило неорганизованный, стихийный характер), ни выработанной в практике своей борьбы проверенной, научной революционной теории (она еще не могла освободиться от понятий „самобытного“ интеллигентско-крестьянского социализма), а потому и не могла родиться, возникнуть социал-демократия. В то время могли быть и действительно были, намеки на возможность в дальнейшем развитии борьбы возникновения классовой партии российского пролетариата, но самой партии не было и быть не могло.

Социал-демократия возникла в России в 90-х годах, а оформилось и сложилось в с.-д. рабочую партию в 900-х годах, когда подъем капитализма на высшую стадию создал базу для широкого организованного размаха рабочего движения, для распространения и победы над мелкобуржуазным народничеством теории марксизма. Путь от 70-х годов к 90-м лежал через 80-е годы и группу „Освобождения труда“.

Эта группа, которую образовали в 1883 г. в Швейцарии несколько бывших революционеров-народников — Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Дейч и В. Игнатов, продолжала дело „Северно-русского рабочего союза“.

Восьмидесятые годы были годами промышленного застоя (1882—1887 гг.), аграрного кризиса (падение хлебных цен) и реставрации крепостного режима. Реакция царила безгранично. Рабочее движение по своему основному характеру являлось продолжением стихийного движения второй половины 70-х годов. На этой почве развернулось окончательное банкротство народничества.

В начале 80-х годов самодержавное правительство разгромило партию „Народной Воли“. После этого народничество уже не смогло подняться и собрать свои разбитые в бою силы. Более чем когда-либо стало ясно, что неудачи, разгром, распад народничества — не случайность, что они свидетельствуют о бессилии народничества, о непонимании им настоящих, действительно правильных путей и способов борьбы с гнетом и бесправием.

Этот опыт революционного движения предыдущего десятилетия и был учтен основателями группы „Освобождение труда“. В своем проекте программы, составленном в 1887 г. и напечатанном в 1888 году, группа окончательно освободилась от основных народнических положений и целиком приняла основы программы научного социализма. Задачу свержения самодержавия группа выдвинула как свою очередную главную задачу. Она

твердо провозгласила положение, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, что руководящую роль в грядущей революции может и будет играть рабочий класс, что главным средством борьбы является массовое движение, а террористические действия могут сыграть лишь подсобную роль в момент решительного натиска на самодержавно-крепостническое правительство.

„Народная Воля" была агонией социализма 70-х годов,—говорит М. Н. Покровский (в 4-м томе „Русской истории"). Агония эта началась полнейшим крахом „хождения в народ", крупнейшей более чем неудачей „единственной попытки массового движения" (Чигиринское дело), а закончилась разгромом „Народной Воли" и распадом народовольчества.

На истории группы „Освобождение труда" можно наблюдать последнюю стадию изживания шатаний, заблуждений и бессилия интеллигентского народничества и дальнейшее развитие заветов рабочих групп в „самобытном" социализме 70-х — 80-х годов. Для этого нужно лишь сравнить два проекта программ группы „Освобождение труда" (1884 и 1887 гг.). Оба проекта почти в одинаковых выражениях формулируют основные положения социал-демократии. Общи для обоих проектов как требование прямого народного законодательства, так и пункт о государственной помощи производительным ассоциациям. Но имеются в них и крупные различия, свидетельствующие об эволюции взглядов самой группы. В проекте 1884 года чуть ли не первенствующее значение признается за „социалистической интеллигенцией", тогда как проект 1887 г., почти целиком устраняя пункты об интеллигенции, резко выдвигает положение, что „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих". Помимо этого, в проекте 1884 года твердо заявляется, что группа „признает необходимость террористической борьбы против абсолютизма", а проект 1887 г. в том месте, где говорится об „общем решительном нападении" на правительство, добавляет лишь, что при этом рабочие революционные организации „не остановятся и перед так-называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы".

Таким образом, группа „Освобождение труда", изживая и отбрасывая последние пережитки народничества, заканчивала целый период исканий и борьбы, характерных для рабочих кружков и революционных организаций предыдущего десятилетия. В то же время своей работой она заложила прочный теоретический фундамент для революционной пролетарской партии и в этом смысле является родоначальницей социал-демократии в России. Но группе „Освобождение труда" не удалось сыграть роль практического организатора,— для этого не было достаточно подходящих условий. Восьмидесятые годы были годами промышленного застоя и самой разнузданной, черной реакции. Рабочее движение было очень слабо.

На-ряду с группой „Освобождение труда", существовавшей за

границей, во многих промышленных центрах возникали — и под ударами правительственных репрессий исчезали — отдельные социал-демократические кружки, по своим основным взглядам подобные „группе". Первой по времени образования была Благоевская группа в Петербурге (в 1883 г.), которая была связана с группой „Освобождение труда". Все они были очень невелики, связь их с рабочими была очень часто весьма непрочна, но в общей своей массе эти кружки являлись уже вполне оформившимися зародышами будущей социал-демократической партии. Слабый размах и стихийный характер рабочего движения этого времени отражались на ходе зарождения социал-демократической партии: он развертывался с чрезвычайной медленностью. Таким образом, в 80-х годах налицо имелись условия для зарождения социал-демократии, но не было еще всех необходимейших предпосылок для ее рождения. Это произошло в последующее десятилетие, в эпоху 90-х годов.

В первую половину этого десятилетия развертывается кропотливая работа по созданию с.-д. рабочих кружков. Она ведется и в Петербурге, и в Москве, и в Иваново-Вознесенске, и в Туле, и в Н.-Новгороде, и в Киеве, и в Минске, и в Одессе. В то же время сторонники учения Маркса вступили в открытый теоретический бой с народничеством и нанесли ему ряд тягчайших ударов (1894 — 1895 гг.). В широких кругах революционной молодежи обозначился резкий перелом в сторону марксизма.

Голод в 1891 году ухудшил положение рабочей массы и толкнул ее на борьбу, и в начале 90-х годов уже развертывается широкое стачечное движение. Наступивший после кризиса гигантский экономический подъем, сопровождавшийся быстрым численным ростом крупных фабрик, грандиозным строительством железных дорог и развитием промышленных центров, создал почву для небывалого еще размаха рабочего движения.

Широкое организованное стачечное движение охватывает крупнейшие города во всех концах России: Петербург, Москву, Иваново Вознесенск, ряд городов в Польше, Северо-Западном крае, Прибалтике и на юге России.

Если за трехлетие 1878 — 1880 гг. имелись данные о 29 стачках с 35 тыс. участников, если за шестилетие 1881 — 1886 гг. количество стачек (о которых имелись сведения) выражалось числом 40, а число стачечников — 80 тысяч, то за шестилетие (с 1895 по 1899 гг.) число стачечников дошло до цифры свыше 450 тысяч, при чем за 1896 — 1897 гг. стачками было захвачено свыше 170 тысяч рабочих.

Создаются условия, при которых с.-д. работа начинает расти и шириться: от кропотливой пропагандистской работы в кружках она переходит к агитации среди масс. Отдельные с.-д. рабочие кружки начинают объединяться, и постепенно в ряде городов создаются довольно крупные для того времени социал-демократические организации, постепенно связывающиеся с массовым рабочим движением. В 1895 г. создается в Петербурге „Союз

борьбы за освобождение рабочего класса". В 1897 г. в Москве, Киеве и Екатеринославе оформливаются с.-д. организации такого же типа. В то же время возникают и оформливаются так называемый „Бунд" („Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше и Литве", в 1897 г.) и „Союз русских социал-демократов" за границей (в 1895 г.), в который вступает и группа „Освобождение труда". Задача объединения всех с.-д. организаций в социал-демократическую партию выдвигается как очередная задача.

В 1898 г. в Минске собирается I партийный съезд. На нем были представлены петербургский, московский, киевский и екатеринославский „Союзы борьбы", „Бунд" и „Рабочая Газета". Первый съезд выпустил „Манифест российской социал-демократической рабочей партии", разрешил ряд организационных вопросов и избрал Центральный Комитет. Он положил основание социал-демократической партии, но партии не создал. Немедленно же по окончании съезда избранный им Центральный Комитет был разгромлен, и многие делегаты были арестованы киевским жандармом Новицким. Создать фактическое объединение социал-демократических групп и кружков в единую всероссийскую социал-демократическую организацию не удалось.

Но препятствия к созданию партии лежали не только в этом. В то время (1897 — 1900 гг.) среди социал-демократов возникло и укрепилось особое течение, получившее название „экономизма". Сторонники этого направления отрицали необходимость постановки задачи борьбы с самодержавием, как очередной ближайшей задачи рабочего движения; они проповедывали, что перед русским рабочим, в виду его несознательности, надо ставить лишь такие задачи, которые лежат в плоскости его повседневных экономических нужд. В соответствии с этим „экономистам" фактически не нужна была единая, централизованная политическая организация пролетариата — самостоятельная пролетарская партия; они крепко отстаивали кружки и кассы, на деле держались раздробленной кустарнической организации.

Наиболее откровенные из „экономистов" договаривались, как известно, до отрицания возможности образования в русских условиях самостоятельной рабочей партии, проповедывали положение: рабочим — экономическая борьба, либералам — политическая, т.-е. фактически скатывались к подчинению рабочего движения влиянию буржуазного либерализма.

Для создания революционной социал-демократической партии надо было разбить „экономизм", вытеснить его из социал-демократических организаций. В объявлении группы „Освобождение труда" (в 1899 г.) эта задача была формулирована так: „Борьба с ними (т.-е. с „экономистами". А. Б.) — это борьба за существование социал-демократии в современной России". Борьба с „экономизмом" была борьбой за революционную классовую партию пролетариата. Она была теснейшим образом связана с преодолением кустарничества, кружковщины и организационного разброда, с борьбой за создание централизованной с.-д. рабочей партии.

В этом была коренная, насущная задача времени. Она была осуществлена в начале 900-х годов. И если в атмосфере победоносной схватки марксизма с народничеством и массового организованного экономического рабочего движения произошел переход от кружковой пропагандистской работы к широкой массовой агитации и к созданию таких с.-д. организаций, как „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса"; если на I съезде в 1898 г. было положено основание российской социал-демократической рабочей партии, то образование ее относится к последующему периоду, к началу 900-х годов.

Громадная работа в деле образования партии была проделана группой „Искры". Эта группа организовалась за границей в конце 1900 г. Она основала газету „Искра", в состав редакции которой входили: Г. Плеханов, П. Аксельрод и В. Засулич (члены группы „Освобождение труда"), а также Н. Ленин, Мартов и Потресов. Группа „Искры" поставила перед собой задачу собирания всех революционных социал-демократических сил. Она это делала не только путем кропотливой, трудной работы по созданию в промышленных центрах социал-демократических организаций и по подготовлению их объединения в единую, сплоченную, централизованную партию, но и путем беспощадной борьбы со всякими колебаниями и прежде всего с той вредной путаницей, которую вносил в рабочее движение „экономизм". Газета „Искра" и журнал „Заря" сыграли громадную роль в деле образования социал-демократической партии и подготовке 2-го партийного съезда. „Искра" отзывалась на все крупнейшие события русской жизни, она неуклонно выдвигала на первый план политические задачи социал-демократии, беспощадно разоблачая мелкобуржуазную соглашательскую сущность „экономизма".

„Заря", первый номер которой вышел в 1901 году, вела неустанную теоретическую борьбу с различными либерально-соглашательскими попытками исказить революционную теорию Маркса, вышелушить из нее революционное содержание.

Могучий размах массового революционного рабочего движения начала 900 х годов создавал для этой работы благоприятнейшую почву. 1900—1902 годы ознаменовались жестоким промышленным кризисом, который высоко поднял волну рабочего движения, прокладывающего себе путь в условиях самодержавно-полицейского режима. Стачки этих годов сплошь и рядом принимали политический характер, рабочая масса выходила на улицу и с красными знаменами демонстрировала свою решимость до конца бороться с царизмом. Гигантский размах приобрело стачечное движение в 1902 году в Ростове-на-Дону, а также в 1903 г., когда в целом ряде крупнейших центров юга России развернулась всеобщая забастовка уже не десятков, а сотен тысяч рабочих. В движение этого времени, особенно в политические уличные демонстрации, были втянуты и широкие массы революционной учащейся молодежи. На протяжении 1901 и 1903 годов развернулось и крестьянское движение (особенно в Полтавской и Харь-

ковской губерниях). Зашевелились и либералы,—в 1902 г. выходит за границей орган либералов „Освобождение", в 1903 году, опять-таки за границей, происходит съезд „освобожденцев".

В такой обстановке работа „Искры" стала быстро давать положительные результаты. Постепенно ей удалось завоевать перевес в социал-демократических организациях в России. Организационная работа по подготовке партийного съезда быстро подвигалась вперед. В 1903 г. был созван за границей (сначала в Брюсселе, а потом в Лондоне) II съезд российской социал-демократической рабочей партии, на котором присутствовало 43 делегата с решающим и 14 с совещательным голосом. Съезд выработал и принял программу партии, создал устав партии, заложил основы тактической линии российской социал-демократии. На нем была завершена борьба с кустарничеством и организационной раздробленностью, кружки и группы исчезли, растворились в едином целом—пролетарской партии.

Борьба против кружковщины за единую, централизованную партию на съезде принимала нередко чрезвычайно резкие формы и сопровождалась такими эпизодами, как уход со съезда и выход из партии „Бунда". Несмотря на это, „искровцам" удалось одержать полную победу над всеми элементами кустарничества, разброда и мелкобуржуазных шатаний. „Искра" создала партию",—скажем мы словами одного из делегатов съезда. В это же время, в начале 900-х годов, „Искре", как авангарду образующейся партии, пришлось начать борьбу с интеллигентской партией социалистов революционеров. Эта партия продолжала заветы народничества, в крестьянских массах пыталась она найти опору своим мещанским, якобы, социалистическим вымыслам. Но, принужденная считаться с „духом времени", эта партия мелкобуржуазного социализма шла в рабочее движение. Проповедью террора, аграрной программой, построенной на мелко-собственнической „уравнительности", и заигрыванием с оппортунистической „критикой" революционной теории Маркса социалисты-революционеры вносили путаницу и разврат в рабочее движение. Борьба „Искры" с этой партией мелкобуржуазной революционности внутри рабочего движения была одним из условий, в которых складывалась и закалялась партия революционного пролетариата в России.

В течение около тридцати лет русский рабочий класс напряжением всех сил, в неустанной тяжелой борьбе выковывал древко для своего боевого красного знамени, которое он и развернул над стройными рядами своей пролетарской партии. От рабочих кружков, организуемых народниками во второй половине 70-х годов, от „Северно-русского рабочего союза",—этой первой самостоятельной рабочей организации, через группу „Освобождение труда" 80-х годов, через „Союз борьбы за освобождение рабочего класса" и I съезд социал-демократических организаций России—к „Искре" и II съезду партии,—так шел путь от рабочего кружка к социал-демократической партии. Создание социал-демократии, как пролетарской партии, ставящей себе „ближайшей

задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой",—таков был великий результат рабочего движения трех десятилетий.

Этим был сделан первый шаг по пути образования коммунистической партии в России. Социал-демократия явилась завершением многих лет революционной работы и борьбы, начавшейся со второй половины 70-х годов; одновременно с этим она является не чем иным, как зародышем будущей коммунистической партии, первым периодом в ее развитии.

3. Возникновение большевизма и основные этапы его развития (1903—1917 гг.).

II съезд, закончивший процесс образования социал-демократической партии, в то же время положил начало борьбе внутри партии и рабочего движения двух течений, двух направлений, в сущности говоря, двух партий,—соглашательской мелкобуржуазной, с одной стороны, и революционно-пролетарской—с другой. Первая известна под названием „меньшевистской" (меньшинство на II съезде), вторая—„большевистской" (большинство на II съезде). И хотя обе они на протяжении указанных пятнадцати лет нередко существовали в рамках единой организации, но почти все время они были оформлены, как фракции; имели каждая свои руководящие центры, свои отдельные денежные кассы и свои собственные печатные органы. Разногласия среди русских социал-демократов существовали, как мы видели, и раньше, но только с образованием партии, с 1903 года, начинают они приобретать постоянный и все более и более глубокий характер. „Меньшевики" и „большевики",—разногласия между ними обнаружились на II съезде, а затем в течение пятнадцати лет они все более и более оформлялись и углублялись.

Теперь, после опыта последних трех лет борьбы, все знают, что меньшевики—это мелкобуржуазная контр-революционная партия, оказывавшая поддержку и фактическое содействие генеральской контр революции. Но нужно было пройти долгим годам, прежде чем, скатываясь со ступеньки на ступеньку, меньшевики оказались в одном лагере с бывшими царскими генералами и обнаружили свою доподлинную физиономию. Вот это постепенное обнаружение контр-революционной сущности мелкобуржуазного меньшевизма и происходило в течение 1903—1917 гг. Путь этого обнаружения таков: в 1903—1907 гг., в предреволюционные и революционные годы, меньшевики развернули в полной мере свои взгляды на все важнейшие организационные и политические вопросы, доходя до тактики, которая фактически вела к отказу от гегемонии рабочего класса. Затем в годы реакции (в 1908—1910 гг.) они отреклись от нелегальной революционной пролетарской партии и превратились, как их тогда стали называть, в ликвидаторов, чтобы в 1914—1917 гг. скатиться до прямой поддержки грабительской войны, стать социал-шовинистами.

Большевистская партия складывалась, развивалась и завоевывала рабочие массы в ходе непрерывной борьбы с меньшевизмом, ликвидаторством и социал-шовинизмом. В этой борьбе партия, складываясь как партия большевиков, тем самым выковывала основы коммунистической партии. Вождем ее был В. И. Ленин.

Разногласия между „большевиками" и „меньшевиками" начались с организационных вопросов. На II съезде партии и в борьбе после съезда эти разногласия оформились в полной мере.

Прения на съезде развернулись вокруг вопроса о § 1 устава партии. Проект тов. Ленина, кроме признания программы и материальной поддержки, требовал от члена партии „личного участия в одной из партийных организаций", а проект Мартова ограничивался лишь тем, что член партии оказывает ей „регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций". Таким образом, дело шло о том, как строить партию.

„Меньшевики", во главе с Мартовым, думали, что нужно строить партию таким образом, чтобы она была широкой и доступной не только для рабочих, но и для интеллигентов. Они не требовали от каждого признающего себя социал-демократом обязательного участия в одной из партийных организаций. В то же время они побаивались сильных, обладающих большими правами и полномочиями, партийных центров. Большевики же, во главе с Лениным, отстаивали сплоченную, выдержанную, централизованную партию. Партия, говорили они, должна включить в свой состав только действительных социал-демократов; нужно не облегчать, а затруднять доступ в партию колеблющимся одиночкам-интеллигентам; нужно, чтобы партия не на словах, а на деле могла контролировать всех членов; для этого нужно, чтобы член партии был обязательно членом организации. Партия, говорили большевики, чтобы быть сильной, должна быть централизованной, иметь действительно полномочные центры.

Г. Плеханов боролся на съезде вместе с т. Лениным против мартовского проекта, отстаивал ленинскую формулировку § 1 устава; он говорил, что рабочим „не страшна дисциплина", что из-за нее „побоятся войти в партию многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом", что „проект Ленина может служить оплотом против их вторжения в партию", и что „уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма" (см. протоколы, стр. 245—246). И именно в таком настроении нашей партии лежал залог ее гранитной крепости. Нам теперь, в настоящее время, ясно, что только так организованная партия могла повести массы к победе над буржуазией в октябре 1917 г. и выдержать в течение трех лет натиск мирового империализма. Но тогда, семнадцать лет тому назад, очень многим казалось, что организационные споры большевиков с меньшевиками не стоят выеденного яйца. Теперь вполне ясно, что большевики в 1903 и последующие годы боролись за такое устройство партии, которое обеспечивало бы ей

действительно революционный, пролетарский характер. Основы большевистских взглядов на такое устройство партии были развиты В. И. Лениным в замечательной брошюре „Что делать?", изданной за границей в начале 1902 года.

На II съезде обнаружились разногласия и по вопросу об отношении к либералам. Большевики выдвигали на первый план, что надо разоблачить контр-революционную сущность буржуазного либерализма, а меньшевики пытались определить те условия, на которых с либералами можно заключить соглашение, и к нему, к такому соглашению, стремились. И несомненно, что здесь в зародыше заключено все последующее поведение меньшевиков по отношению к кадетской партии, к созываемым царским правительством государственным думам и т. д.

В полной мере контр-революционность этой тактики обнаружилась после Февральской революции 1917 г., когда меньшевики на деле заключили соглашение с буржуазией, действовали в союзе с ней, открыто разорвали с поднимающимся на борьбу за власть Советов рабочим и беднейшим крестьянином и тем самым превратились в явных изменников делу социализма. Теперь для нас ясно, что многолетняя борьба большевиков против таких взглядов закаляла партию, учила массы правильной революционной тактике и тем самым подготовляла одно из главнейших условий великой октябрьской победы.

После II съезда борьба между большевиками и меньшевиками приняла самые резкие формы,—образовались две самостоятельные организации, имевшие свои руководящие центры, издательства и т. д. На съезде „большевики" были в большинстве, но в последующие годы это большинство в партии приходилось завоевывать очень упорной борьбой. Большевики боролись за созыв партийного съезда, которому всячески препятствовали меньшевики. III съезд был созван весной 1905 г. Меньшевики не захотели участвовать на нем и устроили свою меньшевистскую конференцию. Большевистский съезд и меньшевистская конференция в своих постановлениях полностью развили свои взгляды на все важнейшие вопросы партийного строительства и массовой революционной борьбы. А эта массовая революционная борьба уже развертывалась на улицах городов России. Если 1901—1903 годы были периодом непрерывно растущего революционного движения, то с 9-го января 1905 г. это движение превратилось в революцию. Все классы и группы вышли на открытую арену решительной массовой схватки. Дело шло к вооруженному восстанию против царизма. Своеобразие условий, при которых развертывалась эта борьба классов, определяло особенности буржуазно-демократического переворота в России.

Несмотря на общую экономическую отсталость России (в 1900 г. доход на душу населения всего лишь 67 руб.,— в 3 раза менее, чем в Германии, например), крупный капитализм в ней достиг в первое пятилетие XX столетия весьма значительного развития: в 1902 г. заводов-гигантов (свыше 5.000 рабочих) насчитывалось

35, с общим числом рабочих в 207 тыс., в одном Петербурге их было 14 с 132 тыс. рабочих, т.-е. таких заводов в России было больше, чем во всей Германии... Таким образом, перед революцией 1905—1907 гг. в России имелся относительно многочисленный, сплоченный на крупнейших предприятиях рабочий класс. Одновременно с этим российская буржуазия зависела, главным образом, от заграничного капитала и самодержавно-крепостнического правительства, что обусловливало ее слабость и дряблость. Многомиллионное же крестьянство страны находилось в полукрепостнической зависимости от помещика. В силу всего этого борьба против самодержавно-крепостнического правительства развертывалась в весьма своеобразной обстановке, и революционной партии пролетариата, которая к тому времени вполне оформилась, приходилось намечать тактику в невиданно-сложных условиях. Приходилось вести борьбу и против самодержавия крепостнического государства, и против предательской либеральной буржуазии, а внутри рабочего движения приходилось бороться с вреднейшим влиянием мелкособственнической соглашательской партии социалистов-революционеров, умея в то же вредя держать с ними единый фронт в деле борьбы с царским самодержавием.

Партии пролетариата надо было дать ясные, точные ответы на вопросы: с кем итти борющемуся пролетариату, кто его союзники, и как итти, какие способы борьбы являются наиболее целесообразными?

Большевики говорили, что только союз пролетариата с крестьянством может сбросить царское самодержавие. Они твердо и последовательно стояли за вооруженное восстание, говоря, что довести революцию до конца в состоянии лишь революционный союз рабочего и крестьянина, что, свергнув вооруженной рукой царизм, отбросив буржуазию, этот союз создаст временное правительство, которое явится революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Они утверждали, что чем решительнее будет победа над царизмом, тем шире расчистит пролетариат дорогу для борьбы за социализм. Меньшевики проповедывали союз с буржуазией. Они кричали караул при одной мысли, что рабочие с крестьянством могут взять власть в свои руки. Большевикам пришлось в течение 1905—1907 гг. вести борьбу против этих меньшевистских взглядов, которые выступали наружу при решении всех вопросов: и о государственной думе, и о тактике с.-д. фракции в государственной думе, и о вооруженном восстании, и об аграрной программе и т. д. Меньшевики тянули к соглашению с либеральной буржуазией, проповедывали единый фронт всех оппозиционных партий; большевики же проводили тактику „левого блока“, стремясь вырвать все партии революционной мелкой буржуазии, связанные в той или иной мере с крестьянством, из-под влияния буржуазного либерализма. Одновременно с этим большевики оказывали постоянное сопротивление меньшевистским планам создать „широкую рабочую партию“ и тем самым разрушить революционную выдержанность,

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

сплоченность и крепость революционной партии пролетариата. В этой борьбе большевики укрепляли свои ряды и воспитывали в боевом духе массы рабочего класса.

Уже в начале 1905 г. перед пролетарским авангардом встал во весь свой рост вопрос о временном правительстве, т.-е. вопрос о революционной власти. В решениях этого вопроса, данных III съездом (большевистским) и I обще-русской конференцией (меньшевистской), обнаружились в полной мере глубочайшие разногласия между большевиками и меньшевиками, обнаружилась доподлинная натура меньшевизма.

III съезд встал на ту точку зрения, что временное правительство победившей революции должно быть революционной властью, немедленно осуществляющей программу-минимум и беспощадно подавляющей всякие контр-революционные попытки, т.-е. должно явиться органом революционной диктатуры. Меньшевики же на своей конференции решительно отказались от такой постановки вопроса; они выступали против захвата власти рабочим классом совместно с крестьянством, отводили пролетариату лишь роль „крайней оппозиции", т.-е. отказывались от осуществления революционной диктатуры. В их резолюции содержалась одна замечательная формулировка, вскрывавшая полный отказ от действительно марксистского взгляда на государство. Говоря о задаче „ликвидации всего сословно-монархического режима", резолюция меньшевистской конференции утверждала, что временное правительство должно будет осуществлять эту задачу, „регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации". Таким образом, здесь меньшевики полностью скатились к формуле, что „государство есть прежде всего организация порядка" (дана П. Струве в 1894 г. в книге „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России"). Революционные марксисты утверждали, что государство есть орган классового господства, классового насилия; мелкобуржуазные оппортунисты, будущие контр-революционные соглашатели, меньшевики уже в 1905 году отказались от этого взгляда, уже тогда государство рассматривалось ими, как „регулятор", а не как орган классового насилия. На этом отказе, в сущности говоря, и базировалась вся их тактика в революции 1905—1907 гг.

Следует отметить, что в первую русскую революцию рабочий класс создавал свои Советы. И меньшевики уже тогда обнаружили полное непонимание того, что такое Советы. Они видели в них лишь „беспартийные пролетарские организации". Большевики же рассматривали Советы, как органы власти.

В 1906 году на Стокгольмском съезде большевики, формально объединившись с меньшевиками, оказались в меньшинстве. В 1907 г. на Лондонском съезде, на котором были и большевики, и меньшевики, первым удалось добиться большинства. За время революции партия чрезвычайно выросла: на Лондонском партийном съезде были делегаты до 150 тысяч членов партии. На съезде были представлены вошедшие в РСДРП—Бунд, польская с.-д.

и латышская с.-д. Борьба между меньшевиками и большевиками, формально объединенными в это время в одну партию, не прекращалась, а, наоборот, становилась все более и более обостренной.

В годы реакции они разошлись, чтобы более уже никогда не сходиться.

Царскому самодержавию удалось раздавить первую русскую революцию. Оно сделало некоторые уступки буржуазии и задушило героическое сопротивление рабоче-крестьянских масс. Наступили тяжелые годы кровавой реакции. Революционную борьбу приходилось вести в новой обстановке, в условиях господства помещика-крепостника, делающего еще один шаг по пути превращения самодержавно-крепостнического государства в буржуазную монархию. Большевики остались на своем боевом посту. Меньшевики покатились дальше по наклонной плоскости; они заявили, что революция закончилась, что надо бросить революционную подпольную партию, организоваться открыто, выбросить вон все революционные требования нашей программы.

Их программа была программой „разрушения классовой самостоятельности пролетариата". За это они и получили название „ликвидаторов".

В декабре 1908 г. на всероссийской партийной конференции и в январе 1910 года на пленуме Центрального Комитета большевиками были сделаны последние попытки объединиться с меньшевиками на основе нашей старой революционной программы. Из этого ничего не вышло. Меньшевики на деле не отказались от своих ликвидаторских взгладов. В трудной обстановке пришлось большевистской партии собирать свои ряды. Им пришлось нелегальную революционную работу партии приспособлять к новой обстановке борьбы,—оставаясь в подполье, сохранять связь с массами пролетариата. Им пришлось вести непрерывную беспощадную борьбу с ликвидаторами, постоянно пытавшимися сбить с правильного пути передовой пролетарский отряд и посеять смуту в широких рабочих массах.

„Ликвидаторы,—писал тов. Ленин в 1913 году,—это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду. Ликвидаторы — изменники марксизма и изменники демократии". В той же статье он говорит: „Ликвидаторство не есть только оппортунизм... Ликвидаторство есть такой оппортунизм, который доходит до отречения от партии" (обе цитаты см. сб. „Марксизм и ликвидаторство", ч. II, ст. 3 и 9).

Борьба большевиков за классовую пролетарскую партию в эти годы была чрезвычайно трудной и упорной, так как в самих большевистских рядах наблюдались колебания: имели место „примиренческие" настроения (большевики-примиренцы), имело место выделение из большевизма особого направления, так-называемого „отзовизма" (оформился в конце 1908 года), в дальнейшем объединившего все оттенки этого типа (отзовизм, ультиматизм)

в газете „Вперед“ (1909 г.). Большевикам-ленинцам приходилось бороться с ними, как с „ликвидаторством слева“. Ибо впередовцы фактически отказывались от использования думской трибуны, разных открытых рабочих организаций (профсоюзов, клубов, различных съездов и пр.) и тем самым тянули партию на такой путь, где она неизбежно бы отрывалась от массы и превратилась бы в кучку заговорщиков.

С 1910 г. начинается оживление в рабочих массах. В январе 1912 г. за границей состоялась конференция большевистских организаций, которая была объявлена общепартийной; был избран ЦК, редакция ЦО и представитель в Международное Социалистическое Бюро; этим был завершен процесс организационного оформления большевистской партии.

В марте 1912 г. ликвидаторы объединяют вокруг себя все небольшевистские элементы (от ликвидаторов до впередовцев). В августе этого же года на Парижской конференции они создают так-называемый „августовский блок“ (без партийцев плехановцев), после этого ликвидаторские ряды непрерывно редеют.

В 1912 г. после ленского расстрела снова по всей России проносится ураган массовых политических стачек. Над массами снова веет красное знамя. Упорная работа большевиков приносит свои плоды. В течение 1911—1913 гг. создаются и существуют сначала еженедельная легальная газета „Звезда“ (№ 1 „Звезды“ вышел в декабре 1910 г.), а потом (с апреля 1912 г.) ежедневная газета „Правда“; начинается открытая массовая революционная работа; ликвидаторы изгоняются со всех ответственных постов; в правления профессиональных союзов, в страховые учреждения избираются представители большевистской партии или, как тогда говорили в рабочих газетах, последовательные марксисты. В 1914 г. волна революционного подъема продолжает неудержимо расти, явно для всех массовое движение идет к революции. В июле 1914 г. петербургский пролетариат с оружием в руках выходит на улицу и строит баррикады.

Начавшаяся империалистическая война обрывает дошедшую до революции волну массового рабочего движения.

Социал-демократические партии почти всех воюющих государств переходят на сторону буржуазии, провозглашают лозунг: надо защищать отечество, надо помогать своей буржуазии вести грабительскую войну, так как эта война, якобы, „освободительная“ война. II Интернационал распадается. Меньшевики, превратившиеся в ликвидаторов, бегут вприпрыжку за желтым Интернационалом и готовы сделать все, что угодно, для содействия войне, ведущейся царем, помещиком и капиталистом (участие в военно-промышленных комитетах, поддержка контр-революционной гос. думы, выступления против стихийно развертывающегося массового революционного рабочего движения и т. д.). Таким образом, они проделывают свое последнее за этот пятнадцатилетний период превращение: из ликвидаторов становятся социал-шовинистами, т.-е. открытыми прислужниками буржуазии

и буржуазно-помещичьего государства. Снова большевики ведут борьбу с попытками бывших меньшевиков, ныне социал-шовинистов, сбить с толку рабочие массы, отвлечь их от задач революционной борьбы. Они объявляют войну войне, выдвигают лозунг „превращения империалистической войны в войну гражданскую", в подполье сплачивают передовые отряды пролетариата, развертывают боевое красное знамя. И пролетариат идет за своей революционной большевистской партией.

Громадную работу в это время выполняет большевистская думская фракция (во главе с тт. Мурановым и Петровским). В 1915 г. за границей начинается собирание всех большевистских групп, а затем (в 1915 и 1916 гг.) большевики, во главе с тов. Лениным, начинают сплачивание всех интернационалистских элементов в международном масштабе. Так в течение пятнадцати лет меньшевизм ведет политику, основанную на отречении от марксистского учения о государстве и диктатуре, и шаг за шагом обнаруживает свою контр-революционную мелкобуржуазную сущность. И так в течение этого же периода в неустанной борьбе с меньшевиками, ликвидаторством и социал-шовинизмом возникает, складывается и оформливается большевистская партия, которая продолжает революционное дело социал-демократической партии и закладывает фундамент коммунистической партии.

Здесь лежат корни великой октябрьской победы. „Большевизм,—говорит т. Ленин,—не победил бы буржуазию в 1917—1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 годах, беспощадно изгонять из партии революционного авангарда и побеждать меньшевиков, то-есть оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов".

Незначительность размаха колебаний и расхождений внутри нашей партии в 1917—1920 гг. обусловливается именно решительностью и беспощадностью этой очистки партии революционного пролетариата от всех элементов мелкобуржуазного шатания и разброда. Гранитная крепость РКП (большевиков) покоится на этой основе.

4. Образование РКП (б.).

Российская Коммунистическая Партия образовалась после свержения царского самодержавия, после того, как перед пролетариатом встала задача непосредственной борьбы за социализм.

С февраля по октябрь 1917 года большевистская партия, не принявшая еще названия коммунистической партии, ведет борьбу за власть, организует массы под лозунгом „вся власть Советам".

В октябре 1917 г. российский пролетариат при поддержке крестьянских масс свергает помещиков и буржуазию. Наша партия из партии, борющейся за власть, превращается в партию, строящую пролетарское государство. В марте 1918 г. собирается VII съезд партии. На нем единогласно принимается решение именоваться „Российской Коммунистической Партией (большевиков)".

В 1919 г. на VII съезде РКП принимается программа партии, а на всероссийской партийной конференции в декабре этого же года—устав партии. Так образовалась Российская Коммунистическая Партия (большевиков), которая строит социализм и стремится к коммунизму.

Если в течение предыдущего пятнадцатилетнего периода складывалась и оформливалась большевистская партия, то уже в конце этого периода, в годы империалистской войны, она, в сущности говоря, начинает превращаться в коммунистическую партию.

Империалистская война 1914—1918 гг., произведя колоссальные разрушения производительных сил, уже после первых военных лет поставила Европу перед грозной опасностью хозяйственного распада и вырождения, в гигантской степени ускорила процесс подготовления предпосылок социалистической революции, выдвинула ее перед международным пролетариатом в качестве очередной задачи. Это не могло не наложить сильнейшего отпечатка на характер и ход развития Февральской революции 1917 г. в России, тем более, что и социально-экономические условия, и классовые отношения в стране за время с 1905 по 1917 год решительно изменились.

За время реакции 1907—1914 гг. в области сельского хозяйства произошли следующие перемены: сократилось дворянское землевладение (за четырехлетие 1906—1909 гг. на $5^1/_2$ милл. дес.), усилилось капиталистическое производство (помещик-капиталист), и возросло в деревне значение кулацких слоев крестьянства при продолжающемся обнищании крестьянских масс. В промышленности за то же время вполне обозначилось нарождение высших форм капитализма (финансовый капитал); после 1905 года процесс синдицирования и трестирования чрезвычайно усилился, происходило подчинение промышленности банковому капиталу и возрастание связи его с крупнейшими европейскими финансово-капиталистическими группами. А масса промышленного пролетариата, благодаря аграрному законодательству царского министра Столыпина, разрывала свои последние связи с землей и своим нищенским хозяйством в деревне. Таким образом происходило усиление капиталистических элементов в сельском хозяйстве и развитие финансового капитала в промышленности.

Война толкнула вперед это развитие и обострила классовые противоречия и в городе, и в деревне.

На одном полюсе сплачиваются все капиталистические слои и группы под главенством финансово-капиталистической буржуазии, преисполненной империалистскими вожделениями, на другом—пролетариат и широкие массы крестьянства. Война и империалистские интересы бросают в объятия друг-друга финансово-капиталистическую буржуазию и дворянское землевладение. Пролетариат с еще большей резкостью, чем в 1905—1907 гг., выдвигается как вождь революции.

Февральская революция, сбросившая царизм, дала власть

в руки буржуазии. Образовались Советы рабочих и солдатских депутатов. Центральный аппарат государства находился в руках временного правительства. Петроградский Совет непосредственно опирался на вооруженных рабочих и солдат, в руках которых фактически и была власть. Во главе как Петроградского, так и других Советов стоял блок меньшевиков и социалистов-революционеров, выдвинувший лозунг поддержки временного правительства и „революционной обороны".

Установился режим „двоевластия". Вопрос о дальнейшем развитии революции, о характере ее, об основных задачах пролетариата и его партии при сложившихся условиях выдвинулся, как очередной насущнейший вопрос.

После Февральской революции большевистская партия, росс. с.-д. рабочая партия (большевиков), так она тогда называлась, вышла из подполья, развернула широкую революционную работу в пролетарской массе. И хотя громадное большинство большевистских организаций сразу же заняло твердую революционно-пролетарскую позицию, но в то же время в рядах партии в течение первых недель (март) наблюдались значительные колебания, и имела место неясность основной линии поведения (в вопросе о войне, о временном правительстве, о Советах, об отношении к меньшевикам и т. д.). Эти колебания и неясность нашли свое отражение на мартовском совещании 82 Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде. По вопросу о временном правительстве на этом совещании состоялось „соглашение различных течений на одном общем проекте", в котором заключался призыв „оказывать поддержку временному правительству". При этом представитель фракции большевиков в своей речи заявил о несогласии „с некоторыми деталями резолюции", в то же время указал, что „в виду согласия с ее общим направлением" фракция „готова голосовать за нее, оставляя за собой право критики в печати" (цитаты взяты из кн. „Социалисты о текущем моменте", изд. „Дело" 1917 г., стр. 58—59).

Партийная линия была окончательно выпрямлена на апрельской конференции (24—29-го апреля 1917 года). Но насколько было трудно вырвать даже передовые, действительно революционные, пролетарские элементы из цепких объятий мелкобуржуазной меньшевистской идеологии,—показывает хотя бы тот факт, что еще 21-го мая 1917 года Московское областное бюро нашей партии решает вопрос „об отношении к объединенным организациям". В принятой резолюции отмечается, что в Центрально-Промышленной области „на-ряду с определенными, чисто-большевистскими организациями" имеются „как организации, не успевшие еще определиться, так и организации объединенные", при чем объединенные распадаются на два типа: „организации, объединяющие большевиков и меньшевиков-интернационалистов, и организации смешанные, в которых представлены все течения: как интернационалисты, так и оборонцы".

И только теоретическая выдержанность, революционный за-

кал и организационная сплоченность, выкованные в напряженнейшей пятнадцатилетней борьбе с меньшевиками, помогли большевистской партии найти правильную тактическую линию, развернуть боевое знамя коммунизма.

Колоссальную роль в этом сыграли замечательные „тезисы" т. В. И. Ленина. Они были оглашены им (4-го апреля 1917 г., тотчас же по приезде из-за границы) на собрании делегатов только-что закончившегося всеросс. совещания Советов Раб. и Солдатских Депутатов (сначала большевиков, а затем большевиков и меньшевиков). Эти краткие тезисы (10 пунктов) содержали всю программу „второго этапа" революции, они четко и ясно намечали линию поведения партии революционного пролетариата. Разоблачение войны, которую продолжало временное правительство, как „грабительской империалистской войны"; резкая критика так-называемого „революционного оборончества"; определение развертывающейся революции, как революции переходной к социализму (не „введение социализма, как наша непосредственная задача..."); выставление лозунга: „не парламентарная республика, а республика Советов" и формулировка задачи „создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против центра...", — вот содержание этих тезисов. „И тезисы, и доклад мой,—писал сам т. Ленин,—вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции „Правды" (см. предисловие В. И. Ленина и др. „Письма о тактике", изд. „Прибой", 1917 года). Эти разногласия проявились и на апрельской конференции большевиков, которая в развитии наш й партии имеет громадное значение.

На этой первой после свержения царского самодержавия партийной конференции присутствовало 133 делегата с решающим голосом и 18—с совещательным, представлявших 79.174 члена партии. Значение конференции заключается в том, что она была крупнейшим шагом в деле оформления нашей партии, как партии коммунистов-большевиков (РКП).

Апрельская конференция поставила вопрос о пересмотре партийной программы и наметила направление, в котором должен быть произведен этот пересмотр.

Программа нашей партии была принята на II съезде (в 1903 г.), в ней было совершенно правильно поставлен вопрос о революционной диктатуре пролетариата (этот основной вопрос в марксизме, на котором, как писал Ленин, „надо испытывать действительное понимание и признание марксизма"), но она, по понятным причинам, устарела в 1917 году и требовала целого ряда крупнейших исправлений. Конференция указала главнейшие из этих исправлений и в том числе „исправление положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарско крестьянской республики"... До начала 1919 года, до VIII партийноог съезда, наша партия не имела писаной программы, но в то же время в самые острые моменты борьбы и строительства мы имели

точную, ясную, определенную программу, которая дала возможность нашей партии сорганизовать массы и повести их к октябрьской победе. Эта программа и дана в постановлениях апрельской партийной конференции.

В области политической, как выше было уже указано, выставлялось требование перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, т.-е. в руки Советов.

В области аграрной партия высказывалась за „немедленную и полную конфискацию" всех земель, советуя „крестьянам брать землю организованно" и требуя „национализации всех земель в государстве". При этом партия советовала добиваться „образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое велось бы на общественный счет советами депутатов от с.-хоз. рабочих".

В области экономической, в виду „неотложности ряда практически назревших шагов к социализму", партия выставляла следующие требования: 1) национализация земли, 2) установление государственного контроля за всеми банками и крупнейшими синдикатами и 3) отстаивала переход „к осуществлению всеобщей трудовой повинности". При этом отмечалось, что все эти мероприятия в общегосударственном масштабе могут быть проведены лишь „при условии перехода всей власти к пролетариям и полупролетариям".

В резолюции о войне конференция выставила лозунг „демократического мира" без аннексий и контрибуций, подчеркнув, что войну можно кончить таким миром лишь при условии победы международной революции.

В резолюции по национальному вопросу выставлялось требование признания за всеми нациями „права на свободное отделение и образование самостоятельного государства". По вопросу о меньшевиках и эсерах (мелкобуржуазном оборонческом блоке) конференция постановила: признать объединение с партиями и группами, проводящими политику мелкобуржуазной измены социализму, „безусловно невозможным".

Беспощадно критикуя меньшевистскую тактику поддержки временного правительства и участия в коалиционном министерстве, конференция указывала, что „необходима длительная работа по проявлению классового пролетарского сознания к сплочению пролетариев города и деревни против колебания мелкой буржуазии" (курсив мой). При этом подчеркивалось, что „только такая работа" обеспечит усиленный переход государственной власти в руки рабочих и беднейших крестьян. Но апрельская конференция не только дала партии основную линию поведения и боевые лозунги, она обнаружила в партии известные колебания. Анализируя их в настоящее время, мы можем отметить незначительность размаха этих расхождений и колебаний, а также и то, что эти колебания были колебаниями меньшевистско-образного типа.

Это было одно из проявлений мелкобуржуазной стихии в партии революционного пролетариата. Если на конференции

т. Ленин в намечаемой им линии исходил из положения, что „социалистическая революция, нарастающая на Западе, в России непосредственно не стоит в порядке дня, но мы уже вступили в переходное к ней состояние", то другая точка зрения основывалась на убеждении, что „наша революция не принадлежит к числу классически-буржуазных революций, тем не менее, по существу своему она не может быть иной, как буржуазной" (цитаты из отчета о конференции в „Правде", курсив отчета). Несомненно, что из этой последней точки зрения и исходила та группа делегатов конференции, которая не голосовала за предлагаемые резолюции. Просматривая все голосования на конференции, видим такую картину: резолюция о войне была принята большинством при 7 воздержавшихся; резолюция о временном правительстве при 6 воздержавшихся и 7 против; резолюция по земельному вопросу—при 11 воздержавшихся; резолюция о текущем моменте—при 8 воздержавшихся; резолюция о коалиционном министерстве — при 2 воздержавшихся и, наконец, резолюция об Интернационале была принята всеми при 6 воздержавшихся. Вот эта группа, численность которой колеблется между двумя и тринадцатью делегатами, и отражала колебания, которые мы назвали меньшевистско-образными, и которые, и по сути дела, были именно таковыми. В факте незначительности этих колебаний сказался тот революционный закал, который был приобретен большевистской партией за пятнадцатилетний период борьбы с меньшевиками, ликвидаторами и социал-шовинистами.

Апрельская конференция дала партии знамя, с которым она и ринулась в массы.

Настойчивая революционная работа нашей партии и стихийно поднимающееся движение масс приводили к тому, что под лозунгом „вся власть Советам" сплачивались все революционные классы.

На I всероссийском съезде Советов (в июне месяце) большевики были в незначительном меньшинстве (приблизительно 120 человек из свыше 1.000 делегатов с решающим и совещательным голосом); несмотря на это, они сумели твердо и ясно заявить свою революционную программу требований. В своей ответной речи министру Церетели В. И. Ленин сказал, что партия большевиков „каждую минуту готова взять власть целиком".

После июльских дней власть фактически оказалась в руках империалистской буржуазии, при чем партии с.-р. и меньшевиков „оказались фактическими участниками и пособниками контрреволюционного палачества". Началась повсеместная ожесточеннейшая травля большевиков. Часть вождей партии находилась в тюрьме, т. Ленин принужден был скрываться от ищеек военной клики.

VI съезд партии (25-го июля—3-го августа 1917 года), на котором было представлено до 200 тысяч членов, работал в полулегальных условиях. На нем, применительно к создавшимся усло-

виям, была развита линия, явившаяся продолжением программы, установленной на апрельской конференции. В своих резолюциях съезд разрешил все основные вопросы текущего момента. В резолюции об экономическом положении съезд развернул целую программу экономических мероприятий, выставив боевым лозунгом лозунг „рабочего контроля", как первого шага по пути „полного регулирования производства". В резолюции о политическом положении выдвигалась задача направить все усилия „на организацию и подготовку сил" к тому решительному моменту, когда задачей революционных классов явится „напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки"; лозунгом момента выдвигался лозунг свержения диктатуры контрреволюционной буржуазии, ибо „в настоящее время мирное развитие революции и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны".

Август—сентябрь—октябрь были периодом все более и более нарастающего революционного кризиса. Массовое движение развивалось,—крестьянство было „доведено до восстания", на фабриках и заводах кипела ожесточеннейшая „гражданская война" между капиталистической администрацией и рабочими, выступавшими под лозунгом „рабочий контроль над производством".

Наша партия, переживавшая после июльских дней остановку в росте, даже нередко упадок, после заговора Корнилова, с сентября месяца начинает расти с ускоряющейся быстротой.

„В сентябре,—читаем мы в отчете Московского обл. бюро,—началось массовое обращение в большевизм".

31-го августа Петроградский Совет впервые принимает большевистскую резолюцию об общем политическом положении, 6-го сентября такая же резолюция проходит в Московском Совете. 6-го же сентября меньшевистско-эсеровский президиум Петроградского Совета заявляет о сложении своих полномочий. 8-го сентября избирается большевистско-лево-эсеровский президиум рабочей секции, а 13-го числа такового же состава президиум солдатской секции Петроградского Совета, и, наконец, председателем Совета избирается Л. Троцкий.

Вопрос о вооруженном восстании против правительства Керенского становится в порядок дня. 7-го октября большевики выступают с декларацией на 1-м заседании „совета республики" и всей фракцией покидают его.

8-го октября (письмо опубликовано в № 250 „Правды") т. Ленин, между прочим, писал: „Переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще".

На заседании 10 го октября ЦК партии принимает резолюцию о постановке вооруженного восстания в качестве очередной задачи текущего дня.

Перед октябрьской победой и тотчас же после нее в нашей партии опять имели место колебания. И опять они были незначительны, ограничивались узким партийным кругом. В этом еще раз сказалась революционно-пролетарская выдержка нашей партии, выкованная в предыдущий пятнадцатилетний период, проверенная и закаленная в напряженной борьбе в течение апреля—октября 1917 года.

Эти колебания, по определению т. Ленина, шли „в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и социалистов-революционеров“... Они завершились тем, что шесть ответственнейших товарищей тотчас же после октябрьской победы (4-го ноября 1917 года) сложили с себя ответственные советские и партийные обязанности,—четверо вышли из Совнаркома и пятеро из ЦК партии. Это было в период, связанный с именем Викжеля (Всеросс. Исп. Комитета железнодорожников), который, угрожая всеобщей жел.-дор. забастовкой, взял на себя инициативу добиться составления „однородного правительства, в создании которого должны принять участие все социалистические партии, от большевиков до народных социалистов включительно“ (см. телеграмму Викжеля от 29 го октября).

В своих заявлениях, направленных в ВЦИК, Совнарком и ЦК партии, шесть товарищей высказывались против „сохранения чисто большевистского правительства“, выступая с лозунгом: „Да здравствует правительство из советских партий. Немедленное соглашение на этом условии“ [1]). Несомненно, что колебания подобного типа были тоже меньшевистско-образными; в то же время они являлись продолжением той линии колебаний, которая наметилась на апрельской конференции (здесь можно даже установить персональную преемственность).

Широких кругов партии эти колебания совершенно не затронули, они прошли мимо нее. Партия большевиков твердой рукой брала государственное управление огромной страной.

В течение полугода настойчивой, кропотливой работы и ожесточенной борьбы она сплотила четверть миллиона сознательных рабочих, выработала и в горниле борьбы проверила свою боевую коммунистическую программу, повела за собой массы к октябрьской победе и из партии борющихся за власть превратилась в коммунистическую партию, строящую пролетарское государство.

Вопрос о мире был центральным вопросом, ставшим во весь рост перед партией после завоевания пролетариатом государственной власти. И здесь Советской республике пришлось столкнуться с австро-германским империализмом.

Мир или война? Этот вопрос вызвал в партии разногласия. Наметились три течения: за скорейшее заключение мира на пред-

---

[1]) Под заявлением в ВЦИК и Совнарком имеются подписи еще семи ответственных большевиков. Термин „советских партий“ означал партии, входящие в Совет Раб. и Солд. Депутатов.

ложенных условиях; за непринятие этих условий и ведение революционной войны; за то, чтобы насильнического мира не подписывать, но и войны не вести (в январе 1918 года). Часть крупнейших партийных организаций (Урал, Москва) были против подписания мира, одно время в ЦК партии большинство стояло на этой же точке зрения. „Левые коммунисты", как они тогда назывались, образовали особую группу в партии, расхождения были значительные, но партия осталась единой. Если колебания нашей партии „вправо" мы характеризовали как „меньшевистскообразные", то колебания „влево" („левый коммунизм") надо характеризовать, не боясь упрека в поспешности, как „отзовистскообразные". Таким образом, и в коммунистической партии наметились те же два основных типа колебаний, которые имелись в предыдущий период партийного строительства.

На VII съезде партии (в марте 1918 года) был решен утвердительно (большинством 28 при 12 против и 4 воздержавшихся) вопрос о подписании Брестского мира, а также, как мы уже указывали, партия постановила именоваться „Российской Коммунистической Партией (большевиков)".

Революционный пролетариат и его коммунистическая партия стали перед задачей практического строительства социализма. Здесь следует отметить, что группа „левого коммунизма" выступила в это время (в апреле 1918 года) со своей экономической программой, которая еще ждет своей оценки.

С половины 1918 года начался период гражданской войны, который продолжался до 1921 года. В течение этих лет партии и государству пришлось всю свою работу подчинить военной задаче. Это в значительной степени предопределило общую линию государственного строительства, которое вылилось, в совокупности всех своих мероприятий в форму военного коммунизма. Работа партии за это время носила ударный характер, ибо партии приходилось с величайшим напряжением отражать вооруженный натиск генеральской контр-революции, окружавшей железным кольцом республику Советов.

VIII съезд партии, собравшийся в марте 1919 года, завершил процесс оформления РКП (б.). На нем была принята программа партии. Кроме этого, съезд решил два основных вопроса: о военном строительстве и о работе в деревне (отношение к среднему крестьянству). Эти два вопроса являлись важнейшими для грядущей полосы гражданской войны. VIII съезд установил основные принципы военного строительства и тем самым дал в руки государства предпосылку, без которой оно не смогло бы планомерно развернуть работу по созданию Красной армии и отражению натиска вражеских дивизий. Решение вопроса об отношении к среднему крестьянству давало партии возможность взять правильную линию к тому слою населения, который составлял преобладающее большинство в деревне, и от позиции которого зависел в значительной степени исход вооруженной борьбы. VIII съезд показал значительный рост рядов нашей партии,—на

съезде было представлено 313.766 членов партии. 1919 год был годом гигантского обострения гражданской войны. Партии и государству приходилось напрягать все силы для отражения натиска врагов.

IV съезд партии собирается после блестящих побед на военном фронте. Тов. Ленин в своей вступительной речи говорил, что „мы можем теперь со спокойной и твердой уверенностью приступить к очередным задачам мирного, хозяйственного строительства". Порядок дня состоял из главнейших вопросов: задачи хозяйственного строительства, работа партии на транспорте, профдвижение, отношение к кооперации, переход к милиционной системе, задачи Ком. Интернационала и пр. Съезд показал расширение рядов партии за самый острый период гражданской войны,—на съезде было представлено 611.978 членов партии. После IX съезда партии не удалось сразу перейти от войны к миру и хозяйственному строительству: война с Польшей и необходимость быстрейшей ликвидации Врангеля отодвинули эту задачу еще на год. К началу 1921 года гражданская война была закончена. Целый ряд обстоятельств привел к тому, что при переходе к непосредственным задачам экономического строительства в обессиленной гражданской войной стране партии и государству пришлось принять за основу ту линию экономической политики, которую партия намечала в первой половине 1918 года, и изменение которой в сторону военного коммунизма последовало исключительно под непосредственным давлением задач военной обороны от натиска генеральско-империалистской контр-революции. Эта политика, под названием новой экономической политики (нэп), и была принята на IX съезде партии, собравшемся в марте 1921 года. На съезде было представлено 705.245 членов партии. IX съезд партии проходил под знаком изживания тех течений, которые наметились в партии год тому назад (по вопросам советского строительства, партийного строительства и пр.) Во второй половине 1920 года эти течения оформились в несколько групп (группа „демократического централизма", группа „рабочей оппозиции"). В предсъездовской кампании основным вопросом партийной дискуссии был вопрос о профсоюзах. Несмотря на всю остроту происходившей в партии дискуссии, на самом съезде преобладающая часть делегатов сплотилась в компактное большинство, поведшее за собой весь съезд. Партия не дрогнула в своем закаленном годами единстве. 1921 год, на-ряду с основной задачей,—задачей хозяйственного строительства, был заполнен ликвидацией бандитизма. Проведение в жизнь новой эконом. политики потребовало от партии и государства перестройки всех хозяйственных органов применительно к новым условиям работы (хозрасчет, денежное обращение, частично возрождавшиеся капиталистические отношения). Эта перестройка была закончена в основном ко второй половине 1922 года. Как результат частичного восстановления капитализма в рамках советской системы, и выявилась в первые месяцы 1922 г. оживленная деятельность остатков старой бур-

жуазной интеллигенции, и создался так-называемый идеологический фронт (возрождение буржуазной идеологии). На-ряду с задачами хозяйственными выдвинулась на почетное место задача народного просвещения.

На XI партийном съезде (в марте 1922 года) тов. Ленин в таких словах определил основную директиву на ближайший период:

„Отступление кончено. Главные приемы деятельности, как с капиталистами работать, намечены. Есть образцы, хотя бы в ничтожном количестве.

Перестаньте умничать, рассуждать о нэп'е,—стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты. Но экономисты, не рассуждайте о нэп'е, а увиличивайте число этих обществ, проверяйте число коммунистов, которые умеют поставить соревнование с капиталистами.

Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую съезд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец Успокойтесь, не мудрствуйте, это будет засчитываться в минус. Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов. Капиталисты создают смычку с крестьянством экономическую, чтобы обогатиться; ты же должен создать смычку с крестьянской экономией, чтобы усилить экономическую власть нашего пролетарского государства".

И еще раз, подытоживая свой доклад, он говорил:

„А теперь в чем гвоздь? Этот гвоздь представляет собой, к чему бы я и хотел подвести и подытожить свой доклад,—гвоздь не в политике, в смысле перемены направления; об этом говорят неимоверно много в связи с нэп'ом. Все это говорят впустую. Это—вреднейшая болтовня! В связи с нэп'ом у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это—вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения—в людях, в подборе людей".

И вся работа в 1922 г. проходила под знаком этого лозунга. Недаром XII партийный съезд отметил, что „начинается период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при нэп'е".

XII съезд (в апреле 1923 г.) работал без Владимира Ильича. Главнейшими вопросами порядка дня съезда были вопрос „о промышленности" и „национальные моменты в партийном и государственном строительстве".

В области хозяйственной перед XII съездом стояли три вопроса: вопрос о промышленности, вопрос о плане и вопрос об экспорте хлеба.

1923 год проходил под знаком трех важнейших моментов: 1) новая волна международной революции (Германия, Болгария, Польша), 2) кризис сбыта („ножницы") и 3) внутрипартийная дискуссия. Через ряд достижений и побед и одновременно поражений и неудач 1923 года мы подходили к XIII партсъезду значительно более крепкими и сильными, чем год назад.

21-го января 1924 года умер В. И. Ленин. На Красной площади

выросла могила, которая веками будет приковывать к себе взоры всего человечества.

XIII партийный съезд в полной мере отразил настоящий момент в развитии нашей партии.

В докладе мандатной комиссии было указано, что на съезде присутствовало 748 делегатов с решающим и 416—с совещательным голосом. Число рабочих среди делегатов, сравнительно с прошлым съездом, выросло до 63,2% (на XII съезде—53%), в том числе 11,4% рабочих от станка. Число делегатов с низшим образованием увеличилось на 17%: на XII съезде—49,8%, а на XIII съезде—66,8%. И докладчик мандатной комиссии подчеркивал, что „у нас в этом году на съезде присутствует громадное количество низовых работников—рабочих от станка, секретарей ячеек, завкомов и представителей других партийных низовых организаций".

В этом нашло свое отражение то громадное событие в жизни партии, которое называется „ленинским призывом".

Тов. Зиновьев на съезде оценивал это событие так: „До сих пор наша партия жила в общем тем зарядом, который мы получили накануне Октября и в Октябре из недр рабочего класса, таким, каким он был до революции", а „теперь нам удается укрепить неразрывную и органическую связь с послереволюционным пролетариатом—со всеми его слабостями, но и со всеми его славными сторонами". „Ленинский призыв" в известном смысле начинает новую главу в истории нашей партии.

Вторым моментом, отразившим состояние партии, был на съезде характер голосований по важнейшим съездовским вопросам.

Все основные постановления XII съезд принял единогласно, без единого голоса против, не было даже воздержавшихся. И это—после внутрипартийной дискуссии, в которой, может-быть, впервые принимал участие наш партийный молодняк.

XIII партийный съезд единогласно подтвердил резолюции XIII всесоюзной партконференции „о партийном строительстве" и „об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне", съезд вынес полное одобрение ЦК партии „за твердую и большевистскую непримиримость, проявленную ЦК во время дискуссии в защите основ ленинизма против мелкобуржуазных уклонов".

Без Ленина съезд и партия непоколебимо стояли под знаменем ленинизма.

Наша партия, как гигантская пролетарская организация, концентрирует в себе весь опыт многолетней борьбы рабочего класса с царским самодержавием, буржуазией и мелкобуржуазными колебаниями, уклонами и изменами социализму внутри рабочего движения.

На этом опыте и покоятся непоколебимая сила и сплоченность коммунистической партии.

И каждый коммунист, развертывая страницы истории нашей партии перед любым рабочим и крестьянином, должен ему сказать: могучее здание нашей партии скреплено кровью лучших

представителей рабочего класса. Сам рабочий класс своими собственными руками создал свою пролетарскую партию. На опыте ее истории учитесь правде коммунизма и становитесь стойкими бойцами за великое дело мировой коммунистической революции.

5. Несколько итоговых замечаний.

В заключение необходимо подвести главнейшие итоги, чтобы дополнительно отметить и подчеркнуть основные черты и особенности в развитии коммунистической партии в России. Это развитие, как уже указано, прошло три основных момента и распадается на три периода.

Всем им обще то, что партия на притяжении всех трех периодов неуклонно стояла на признании краеугольного камня революционного марксизма—революционной диктатуры пролетариата, имея конечной целью своей борьбы коммунизм, т.-е. общество, где не будет ни классов, ни государства. В этом смысле можно и должно говорить о единой истории коммунистической партии в России. Но в то же время каждому из трех основных периодов истории партии присущи свои особенности, которые делают каждый из предыдущих периодов подготовлением к следующему.

Особенности каждого из трех моментов в истории партии обусловливаются тем, что партии пролетариата на протяжении всей ее истории, от зарождения до последних дней, приходилось действовать в различные исторические моменты перехода от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму, в зависимости от чего и менялись ближайшие задачи, стоящие перед пролетарской партией.

В России революционной партии пролетариата приходилось начинать и развивать свою работу в обстановке, где „сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства“ (см. программу РСДРП, принятую на II съезде партии в 1903 г.). „Самым значительным из всех этих пережитков,—говорит партийная программа 1903 года,—и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие“.

В соответствии с этим партия своей ближайшей целью ставила „низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой“. При этом последовательная революционность методов борьбы, направленных к осуществлению этой ближайшей цели, обусловливалась тем, что конечной целью партия ставила „социальную революцию пролетариата“.

Но до создания партии с так формулированной программой русскому пролетариату пришлось проделать довольно-таки продолжительную историю высвобождения от различных чужеродных влияний.

В течение периода с конца 70-х по конец 80-х годов происходит процесс высвобождения рабочих групп из-под влияния народнической идеологии, т.-е. мелкобуржуазного интеллигентско-крестьянского социализма („Северно-русский рабочий союз" 1877—1879 гг., группа „Освобождение труда" с 1883 г., Благоевская группа с 1884 г., первая с.-д. группа в России). Этот процесс, в сущности говоря, завершается к половине 90 х годов, когда образуются первые связанные с массой с.-д. организации („Союз борьбы за освобождение рабочего класса"). В течение всего этого времени, говоря словами Ленина, „социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития" (курсив мой).

В половине 90-х годов (с 1894—1895 гг.) происходит расширение практической деятельности социал-демократии, переход от кружковщины к массовой агитации. Говоря опять словами тов. Ленина, „социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия" (курсив мой). Как известно, завершением работы этого времени является I съезд российской с.-д. рабочей партии. К этому же моменту (1897—1898 гг.) относится возникновение „экономизма", первой формы буржуазного влияния на пролетариат в России („легальный" марксизм был его теоретическим предшественником). Он стоял преградой на пути к созданию с.-д. партии, его надо было преодолеть. Революционный пролетарский авангард эту задачу выполнил: в 1903 г. на II съезде процесс создания с.-д. партии был закончен, партия была создана [1]).

Обе социал-демократические программы этого двадцатипятилетнего периода (от „Северно-русского рабочего союза" 1878 г. до II съезда РСДРП 1903 г.) твердо стоят на признании революционной диктатуры пролетариата.

В „Проекте программы русских социал-демократов" (составлен в 1887 г., напечатан в 1888 г.) читаем: „Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплоататоров, и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контрреволюционеров и положить конец существованию классов и их борьбе" (курсив проекта программы).

В партийной программе 1903 года, составленной в период предреволюционный, пункт в диктатуре изложен в таких весьма ясных и определенных словах: „Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. заво-

---

[1]) В начале 900-х годов возникла и была отброшена рабочим движением так-называемая „зубатовщина".

евание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров".

Вопрос о диктатуре есть самый кардинальнейший вопрос в марксизме. „Марксист лишь тот,—говорит тов. Ленин,—кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа" (см. кн. „Государство и революция", стр. 46).

И хотя партийная программа на съезде была принята единогласно, но некоторая борьба и некоторые не лишенные интереса „инциденты" около нее были.

К программе делегатами заграничного „Союза русских социал-демократов" были предложены целых 22 поправки, отвергнутые в комиссии. Сам автор поправок говорил о них, что „все мои поправки будут иметь целью изменить с а м ы й д у х п р о г р а м м ы" (курсив мой). На съезде тов. Троцкий говорил: „его (т.-е. Акимова. *А. Б.*) пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт". И далее „отрицая диктатуру, тов. Акимов впадает в обычный социал-реформизм" (см. протоколы, стр. 132). А тов. Ленин констатировал: „...они (т.-е. тт. Акимов и Мартынов. *А. Б*) дошли и до „опровержения" теории обнищания, и до „оспаривания" диктатуры пролетариата..." (см. протоколы, стр. 131).

Весьма показательные оттенки возникли в дебатах по вопросу об „абсолютной ценности" демократических принципов. Делегат съезда тов. Посадовский заявляет: „Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии" (далее он развивает эту мысль). Тов. Плеханов присоединяется к этой точке зрения и добавляет следующее: „И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением п р е с т у п н о было бы остановиться" (курсив мой). И далее он, между прочим, заявляет: „Если бы выборы (в парламент. *А. Б.*) оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели".

Во время речи тов. Плеханова раздаются рукоплескания и шиканье.

Егоров (член группы „Южный Рабочий") встает и заявляет: „Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать", а в своей речи он утверждает: „Тов. Плеханов не принял во внимание, что законы войны одни, а законы конституции—другие. Мы пишем свою программу на случай конституции" (все предыдущ. цитаты см. протоколы, стр. 169—170).

Таким образом на съезде были отдельные голоса, „оспаривавшие" диктатуру пролетариата, а в выше процитированных словах тов. Егорова вскрылся еще, может-быть, тогда плохо сознаваемый, но уже достаточно определенный мелкобуржуазный уклон в сторону отказа от революционной диктатуры.

Но в то же время массовое движение практически еще не

подошло к вопросу о революционной диктатуре, а поэтому и колебания в теоретической постановке этого вопроса носили еще чрезвычайно неясный характер. И нужны были революция 1905—1907 гг., реакция 1908—1914 гг. и мировая война, чтобы „егоровская" точка зрения, обнаруживая все с большей и большей ясностью свою сущность, докатилась, наконец, до прямого отказа от диктатуры пролетариата.

Обостреннейшая массовая революционная борьба в России, 1905—1907 год, практически поставила на очередь дня вопрос о диктатуре революционных классов и тем самым вдвинула историю партии в новое русло.

Ближайшая задача партии осталась прежней (низвержение царизма, замена его демократической республикой), но ее реализация подошла к такому пункту, что партия пролетариата должна была выдвинуть лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. „...Это будет,—писал тов. Ленин,—разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма" (см. „За 12 лет", изд. Петроградского Совета, стр. 439—440). В то же время „только в случае полной победы демократической революции у пролетариата не будут связаны руки в борьбе против непоследовательной буржуазии, только в этом случае он не „растворится" в буржуазной демократии, а положит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарско-крестьянский отпечаток" (там же, стр. 442).

С этой точки зрения и вопрос о борьбе „за конечные цели социализма" принимал чрезвычайно конкретный, вместе с тем глубоко активный и действительно революционный характер. Он ставился, как вопрос о „возможности поднять Европу", и разрешился в том смысле, что надо „давать практические лозунги, и не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения" (курсив автора, стр. 460).

Революционному пролетариату России указывалась активная задача—„победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу" (там же, стр. 459). Такую постановку и такое разрешение вопроса давал большевизм, который явился продолжателем революционного дела социал-демократии. И если большевизм в течение пятнадцатилетнего периода (1903—1917 гг.) в своих тактических и организационных планах на деле, практически отстаивал учение о диктатуре пролетариата, то меньшевизм в течение пятнадцатилетнего периода (1903—1917 гг.) скатывался к откровенному отказу от революционной диктатуры.

На II съезде партии, при возникновении большевизма и меньшевизма, имели место лишь организационные разногласия, тактические были в самом зачаточном состоянии, программных не было. Тактические разногласия явственно обозначаются в конце 1904 года в связи с земской либеральной кампанией (план меньш-

шевистской „Искры“ и критика его тов. Н. Лениным); они вполне оформливаются в период революции, в 1905—1907 гг. В дальнейшем меньшевизм превращается в ликвидаторство (1908—1914 гг.) и, наконец, в социал шовинизм (1914—1917 гг.).

В 1917—1919 гг. меньшевизм в полной мере обнаруживает свою контр-революционную сущность. При этом все меньшевистские тактические планы находят свое практическое осуществление (поддержка временного правительства, коалиция с буржуазией и пр.). Развитие организационных и тактических взглядов меньшевизма есть постепенное обнаружение того, что сущностью меньшевизма является отказ от признания революционной диктатуры.

В 1903 году меньшевизм выступал с планом расширения понятия партии и облегчения доступа в нее мелкобуржуазным элементам (§ 1 устава); в 1905—1907 гг. он доходит до организационных проектов, ведущих к растворению революционной с.-д. партии в беспартийной политической организации пролетариата (рабочий съезд), и, наконец, в 1908—1914 гг. на сцену выступает ликвидаторство, т.-е. попытка разрушить нелегальную пролетарскую партию.

В основе подобного рода планов лежало признание, что непосредственное практическое руководство выступающими в событиях массами не может и не должно быть обязательной задачей партии...“, т.-е., в конечном итоге, отказ от революционной диктатуры (цитаты взяты из ст. тов. Мартова, см. „Общественное движение“, т. III, кн. 5, стр. 549).

В области тактики меньшевизм (в 1905—1907 гг.) проповедывал линию, которая вела к отказу от гегемонии пролетариата, а ликвидаторство (в 1908—1914 гг.) прямо провозгласило отказ от гегемонии пролетариата (тт. Мартов, Потресов, Левицкий с его формулой: „не гегемония, а классовая партия“ и т. д., и т. д.).

И все это было ступеньками, ведущими и приведшими меньшевизм к выступлению против диктатуры пролетариата. Эпоха 1914—1917 гг. была тем моментом, когда превратившийся в ликвидаторство меньшевизм скатился к лозунгу „защиты отечества“ в империалистской войне, т.-е. к прямой измене программным положениям революционного марксизма.

Пятнадцатилетняя борьба большевизма с меньшевизмом, ликвидаторством, социал-шовинизмом и была подготовлением элементов такой пролетарской партии, которая смогла бы непосредственно руководить классовой борьбой пролетариата в эпоху, переходную от капитализма к социализму, т.-е. смогла бы повести непосредственную борьбу за диктатуру пролетариата, а затем развернуть практическую программу строительства социализма.

Образование РКП и явилось завершением дела большевизма. После свержения царского самодержавия партия большевиков, на основе гигантского революционного опыта всей предыдущей истории, выдвинула лозунг „вся власть Советам“, под этим знаменем сорганизовала рабоче-крестьянские массы и привела их к октябрьской победе.

В проекте партийной программы, относящейся к концу апреля—маю 1917 года, читаем: „В переживаемый Россией момент... перед партией пролетариата встает непосредственная задача борьбы за государственное устройство, наилучше обеспечивающее как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможности наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности"; и далее: „Партия борется за более демократическую пролетарско-крестьянскую республику...".

После июльских дней в революции VI партийного съезда ближайшая политическая задача формулируется таким образом: „В настоящее время мирное развитие революции и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контр-революционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контр-революционной буржуазии" (см. п. 7 резолюции „О полит. положении").

„Эту власть,—писал после июльских же дней тов. Ленин,—надо свергнуть" (см. Ленин, „К лозунгам", стр. 12).

А в начале октября в порядок текущего дня был поставлен вопрос о вооруженном восстании против правительства Керенского.

В течение этого периода (апрель—октябрь 1917 г.) партия вела непосредственную борьбу за власть, т.-е. шла к осуществлению диктатуры пролетариата.

Октябрьская победа завершает этот период. И здесь следует отметить тот факт, что политический опыт и прозорливость партии в то время (в первые же часы и дни после победы) сказались, между прочим, и в чрезвычайно правильном шаге—включении в декрет о земле крестьянского наказа, составленного на основании 242 местных крестьянских наказов, „как выражения безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России".

В своем вступительном слове к этому декрету (на II съезде Советов) тов. Ленин сказал:

„Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен эсерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ними были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда".

К такой линии крестьянской политики партия наша была подготовлена всей предыдущей историей большевизма. Продолжением ее явился и курс „на середняка", принятый VIII съездом партии.

1918 год был годом развертывающейся гражданской войны, ломки основ буржуазно-капиталистического общества и социалистического строительства.

На VIII съезде партия, уже формально принявшая название РКП, принимает программу, которая является не чем иным, как инструкцией к практическому строительству социализма.

Таким образом в течение сорока лет создавалась, крепла и боролась коммунистическая партия в России. Своеобразие экономического развития и классовых соотношений в стране находят свое отражение в каждый период ее истории. Она борется за низвержение капитализма. Она развивается и крепнет в непрерывной борьбе с громадным централизованным аппаратом самодержавно-крепостнического государства, с дряблой, уже в конце 1905 года перешедшей в лагерь контр-революции, буржуазией и с сильным напором мелкобуржуазной стихии в своих собственных рядах. Это—главнейшие враги, в борьбе с которыми складывалась и росла наша партия. Ее опорой является пролетариат промышленных центров, сконцентрированный на крупнейших капиталистических предприятиях и в силу своей классовой сознательности и дисциплированности ведший за собой массы крестьянства, выбрасываемого на путь революционной борьбы тяжелым гнетом полукрепостнического режима.

II.

Общие вопросы истории РКП.

При изучении истории РКП прежде всего необходимо выяснить целый ряд основных вопросов, которые дадут возможность полнее, всестороннее, глубже и точнее ориентироваться в той громадной массе исторических фактов, событий, обстоятельств, поворотов, наступлений и отступлений, побед и поражений, которые столь характерны для истории партии революционного пролетариата в России.

Каждому, даже чрезвычайно поверхностному наблюдателю исторического пути нашей партии бросается в глаза одна характерная особенность, которая делает историю РКП историей единственной во всем мире пролетарской партии. Этой характернейшей особенностью истории нашей партии является то, что она прошла через три исторических эпохи: эпоху добуржуазной революции (до начала XX столетия); эпоху буржуазной революции (1903—1905—1916 гг.) и эпоху начала и первой победы пролетарской революции. Ни одна партия в мире не имеет такого опыта и такой истории.

То обстоятельство, что наша партия в своем развитии прошла через различные исторические моменты перехода от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму, превращает историю партии в историю грандиознейшей маневренной войны.

В период добуржуазной революции, т. е. в период сформирования партии пролетариата, как партии, ставящей своей ближайшей целью низвержение самодержавно-крепостнического режима и замену его демократической республикой, — уже в этот период партии пришлось начать выработку тех основных начал, которые легли в основу ее дальнейшей тактики. Уже в течение этого времени партии пришлось выдержать борьбу с народническими мелкобуржуазно-интеллигентскими утопиями,— начала эту борьбу в 80-х годах группа „Освобождение труда“, возникшая в 1883 г., а затем, с 90-х годов (с 1893—1895 гг.), марксизм принял открытый бой с народничеством и разбил его наголову. И здесь же партии пришлось впервые пережить столкновение мелкобуржуазной и пролетарской линии в своих

собственных рядах. Борьба с „экономизмом" была этим первым столкновением, которое (с 900-х годов) развернулось в поход „Искры" против оппортунизма в теории и практике социал-демократии. Но эти факты исторического развития до революции 1905—1907 гг. были лишь репетицией, если можно так выразиться, к тем маневрам, которые партия совершила с момента первой буржуазной революции в России, когда все классы русского общества столкнулись в открытой борьбе. Партии рабочего класса пришлось вести борьбу с царизмом, опираясь на массы рабочего класса, стремясь вести за собой крестьянство, придавленное кабалой дворянина-помещика. В плоскости взаимоотношений политических партий партии приходилось в борьбе против своего главнейшего в данный момент врага не только стремиться к единому фронту с партией с.-р., но по мере возможности использовать всякое оппозиционное, т.-е. либеральное, движение, ежели оно в той или иной мере могло пригодиться в деле свержения основной враждебной силы—царизма. В то же время партии приходилось вести ожесточенную борьбу с либеральной буржуазией, ибо она уже и тогда, в эпоху буржуазной революции, боясь массового движения, руководимого пролетариатом, поворачивала против революции, стремясь к сделке с царизмом. В то же время партия вела борьбу против своих союзников в деле борьбы с царизмом, против различных народнических партий и групп (эсеры, трудовики и пр.), так как они, во-первых, обнаруживали колебание в деле борьбы с царизмом, т.-е. нередко свихивались, как буржуазные революционеры, а во-вторых, будучи мелкобуржуазными социалистами, являлись с точки зрения пролетарской партии врагами нашей партии, когда они пытались завоевывать влияние в рабочих массах и вести за собой рабочее движение. Это был, как видим, довольно сложный и трудный маневр, опирающийся на союз рабочего и крестьянина, направляющийся против дворянского самодержавия вместе с партией с.-р. и трудовиков, не отвергающий помощи либералов против царизма, одновременно борющийся против партии с. р. в рабочем классе и рабочем движении и одновременно борющийся и с мелкобуржуазной партией меньшевиков в рабочем движении и внутри самой партии,—так складывалась тактическая линия нашей партии на протяжении всего периода буржуазной революции в стране. Эта тактика развилась в условиях побед и поражений, подъемов и отливов массового революционного движения.

1905—1907 гг.—высочайший подъём революции: партия большевиков постепенно добивается большинства, на Лондонском съезде она в большинстве. 1908—1910 гг.—реакция, период идейно-организационного разброда, резкий упадок массового движения, партия опять в меньшинстве. 1912—1914 гг.—подъем революционного движения, движение идет к революции. Партия развертывает грандиознейшую работу; в результате ликвидаторы (так назывались в тот период меньшевики) изгоняются со всех

опорных пунктов легального движения, где не так давно они чувствовали себя полными господами.

Крах II Интернационала во время империалистской войны поставил партию большевиков в безмерно тяжелые условия. В труднейшей обстановке начала она собирание действительно революционных пролетарских элементов.

Партия быстро учла те изменения, которые произошли в общем положении (внутреннем и международном) в связи с империалистской войной. Она продолжала свою основную тактику предыдущих лет, но в то же время, в связи с изменившимися условиями, партия начала уже поворачивать острее своей борьбы против капитализма и выдвинула лозунг превращения империалистской войны в гражданскую. Под этим лозунгом она мобилизовала не только большевистские элементы внутри страны, но и последовательные революционно-пролетарские элементы в международном масштабе (в 1915 г. и в 1916 г.)—так называемая „левая Циммервальда". Этим уже закладывались первые камни в фундамент III Коммунистического Интернационала. И одновременно этот период (1914—1916 гг.) был переходным моментом в постановке перед партией основных задач, к переходу к грандиозной эпохе, начавшейся свержением царизма в марте 1917 г. Этот момент начинает собой новый период в той маневренной войне, которую наша партия вела на протяжении многих лет своего существования.

С апреля 1917 г. партия, вместо лозунга: буржуазно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, выдвигает, в связи с изменившейся обстановкой, новый лозунг: социалистическая диктатура рабочего класса, поддержанного полупролетарскими слоями деревни, т. е. диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства. Против капиталиста и мелкого буржуа в городе, против помещика и кулака в деревне,—такова была общая тактическая линия партии. Это была линия перехода от капитализма к социализму, к непосредственному штурму, направленному против правительства капиталистов и помещиков, превращающегося с апреля по июль—август в явную империалистическую диктатуру. До октября 1917 года партия прошла несколько этапов: сначала она терпеливо, упорно, напряженно и в то же время широко вела работу прояснения классового сознания в широких рабочих массах, откола пролетарских элементов от мелкобуржуазного оборонческого блока; затем она напрягала всю свою энергию на внесение максимума организованности в стихийно поднимавшуюся на борьбу с правительством массу рабочих, солдат и крестьян, и, наконец, она повела непосредственную подготовку к вооруженному восстанию против правительства Керенского, завершив ее в октябре блестящей победой. В течение того периода партии приходилось вести борьбу и против кадетской партии, главнейшей партии капиталистической контр-революции, и против мелкобуржуазного оборонческого блока меньшевиков и эсеров, служивших подлую службу

лакеев на запятках империалистской контр-революции Милюкова, Рябушинского, Гучкова и Корнилова. В октябре партия одна целиком брала власть в свои руки, она делала это, опираясь на рабочие массы, имея поддержку крестьянства в целом. В дальнейшем в годы гражданской войны, перед ней, как главнейшая стратегическая задача, встала задача привлечения на свою сторону в борьбе с генералами, капиталистами и помещиками многомиллионной массы среднего крестьянства.

1918 год вывел нашу тактику на поля гражданской войны, начав собой годы прямой вооруженной схватки со всеми врагами пролетарской революции. Эта война велась по двум направлениям: против генеральских армий и против кулацких восстаний, руководимых белогвардейскими офицерами. Эта линия красной нитью проходит через все годы гражданской войны. Все эти обстоятельства усложняли общее соотношение сил, несколько видоизменяли основной маневр, не меняя его сущности, основного характера и главных линий удара. Брестский мир (март 1918 г.) был тоже маневр. Нэп опять-таки является не чем иным как стратегическим маневром пролетарской революции в обстановке затягивающейся международной революции и при колоссальном разорении страны. Таким образом, мы видим, что наша партия является единственной партией, имеющей исключительную по своему разнообразию опыта и сложности тактических проблем историю. В этом смысле можно утверждать, что грандиозный революционный опыт нашей партии имеет громаднейшее международное значение.

Это—первый ряд тех общих вопросов, которые должны быть выделены при изучении истории РКП.

Грандиозность той маневренной войны, которая велась нашей партией на протяжении десятилетий,—это одна сторона дела; другая состоит в том, что наша партия развилась в стране, исторический путь которой имеет много своеобразных черт.

Россия вступила на путь капиталистического развития в такой период, когда капитализм в Европе уже подходил и даже непосредственно начинал организацию высших форм капиталистического развития,—эпоха империализма или финансового капитала.

Страна была экономически отсталой, с гигантским преобладанием крестьянского населения (в начале 900 х годов доход на душу населения в России был в три раза ниже, чем в Германии), туземное накопление капитала развивалось слабо, иностранный капитал (заграничный кредит) играл в промышленном развитии страны крупную роль, а одновременно с этим возникали и развивались высшие формы капитализма (финансовый капитал), росли заводы-гиганты с количеством рабочих свыше 5 тысяч. Сравнивая Англию XVII века с Россией конца XIX века, М. Н. Покровский говорит: „Там буржуазия держала в руках кошелек правительства, у нас последнее держало в руках кошелек буржуазии". На-ряду с этим существовал в стране относительно многочисленный, сконцентрированный на крупнейших, последней

европейской формации, предприятиях промышленный пролетариат. Многочисленное крестьянство было опутано и закабалено пережитками крепостничества. „Самым могучим оплотом всего этого варварства" являлось царское самодержавие. В этом лежали корни той тактики, которая в течение всего периода буржуазной революции приводилась РКП.

Борьба с царизмом и с буржуазным либерализмом, крестьянство, как единственный союзник в борьбе с самодержавно-крепостническим порядком, союз пролетариата и крестьянства в качестве силы, единственно способной довести до конца буржуазную революцию, которая „в известном смысле... более выгодна пролетариату, чем буржуазия" (Ленин),—вот главное направление нашего маневра в эпоху буржуазной революции, которое строилось на действительном учете соотношения классовых сил в стране. Это—второй ряд общих вопросов, теснейшим образом связанных с историей РКП.

Из двух первых построений, как вывод, вытекает то обстоятельство, что весь исторический путь развития пролетарской партии в России следует рассматривать как единый процесс развития единой партии, прошедшей через различные стадии перехода от крепостничества к капитализму и от капитализма к социализму и в силу этого естественно разбивающийся на три периода: история социал-демократии (до начала 900 х годов), история большевизма (пятнадцатилетие от 1903 до 1917 г.) и история РКП (большевиков). И дело тут не в названии, а в смене исторических эпох, каждая из которых имеет новое соотношение классовых сил и тем самым обусловливает изменение ближайшей цели, т.-е. основного для данного периода стратегического плана. Но на протяжении всей своей истории партия имеет единую конечную цель борьбы—к коммунизму через диктатуру пролетариата.

Это—третий ряд общих вопросов, разрешение которых облегчает понимание истории РКП.

Наконец, четвертый ряд вопросов, на которых я остановлюсь в настоящей статье,—эти вопросы, связанные с пятнадцатилетней борьбой большевиков с меньшевиками (до Февральской революции 1917 г.).

История этой борьбы выдвигает вопрос об основах того расхождения между этими двумя партиями, который подводит нас вплотную к вопросу о диктатуре революционных классов.

Расхождение, как известно, началось с организационных вопросов. На протяжении всех пятнадцати лет меньшевики выступают с планами создания „широкой" партии, с облегченным доступом в нее мелкобуржуазным элементом, т.-е. фактически стояли за такое построение партии, которое лишило бы ее возможности непосредственно руководить массовым натиском пролетариата на позиции своих классовых врагов.

Сам Мартов констатировал это обстоятельство в следующих выражениях; он говорил, что в основе подобных организацион-

ных проектов лежало признание того, что „непосредственное практическое руководство выступающими в событиях массами не может и не должно быть обязательной задачей партии“ („Общественное движение“ т. III, кн. 5, стр. 549).

И ясно, что так поставленный спор корнями своими уходил, несомненно, в вопрос о признании революционной диктатуры. Ибо еще и партия ставила перед собой задачу завоевания власти, захвата государственного аппарата, то она должна была и строиться таким образом, чтобы быть способной руководить фактически всеми революционными массовыми выступлениями, вплоть до вооруженного восстания. А ежели она от этого на деле отказывалась, то само собой разумеется, что это было не чем иным, как отказом от диктатуры революционных классов. И, следовательно, когда на II съезде партии в 1903 г. шли споры о § 1 „устава партии“, то это по сути дела было спорами о том, сумеет ли партия повести на деле рабочие массы к завоеванию власти, т.-е. к диктатуре пролетариата. Отказ от диктатуры был отказом от социализма, прямой изменой делу коммунистической революции.

Тактические взгляды меньшевизма то же самое в конечном итоге покоились на отказе от учения Маркса о диктатуре. Нет надобности следить за всеми изменениями тактических лозунгов меньшевизма на протяжении пятнадцати лет, прошедших от II съезда до Февральской революции. В период буржуазной революции они сводились к постановке задачи объединения всех сил национальной оппозиции против царизма, т.-е. к фактическому отказу от гегемонии пролетариата в революционной борьбе.

Все это в полной мере было подтверждено действиями меньшевиков после Февральской революции и борьбой против правительства пролетарской диктатуры после октября 1917 года.

Это—п о с л е д н и й р я д общих вопросов, понимание которых должно каждому члену партии дать возможность правильно взвесить и оценить каждый факт двадцатипятилетней истории нашей партии.

III.

История без „философии".

(По поводу книги В. Невского).

Вопросы истории нашей партии привлекают в настоящее время исключительное внимание. И это интерес не только теоретический, но имеющий глубочайшее практическое значение, ибо история РКП—это гигантский концентрированный опыт классовой борьбы, медленных подъемов, крутых поворотов, наступлений и отступлений, побед и поражений, сочетания различных приемов действия и т. д.

История нашей партии поистине есть история грандиознейшей маневренной войны. И вполне естественно, что всякая работа по истории партии вызывает повышенный интерес, который к весьма многому обязывает и весьма многого требует. И требует, прежде всего, чтобы давалось не только изложение фактов, не только описание, как развивалась партия, но анализ этого развития, обнаружение его закономерности, т.-е. давалась бы „философия истории". Эта тема о „философии истории" РКП с особенной остротой ставится выходом в свет книги В. Невского „Очерки по истории РКП (большевиков)".

Эта книга написана на основании не только обширного печатного материала, но и непосредственных архивных изысканий. Стоит только просмотреть данные в приложении библиографические обзоры, чтобы сразу же убедиться, что в книге тов. Невского мы впервые имеем попытку дать „Очерки истории РКП" на основе того исторического материала, который накоплен Истпартом за последние 4 года. Тем выше требование к такой книге. Тем большего в праве ждать от нее наш читатель и наша партия. В такой книге должен быть не только материал, не только описание, но и систематизация фактов, анализ, теория, обобщение, устанавливающие основную линию развития партии, ее периоды, этапы, вехи. Отказ от этого неизбежно превращает книгу в складочное место для исторического материала. Недоговоренность, неясность, путаница в этом отношении чрезвычайно понижают ценность книги. И особенно, если автор книги сознательно идет на почти полный отказ или обнаруживает колебание в этом отношении,—

тогда неясность и даже путаница неизбежны. Книга В. Невского является в этом отношении ярким примером. Тов. Невский пишет не историю социал-демократии, а историю РКП, и в то же время он не дает себе труда охватить единым пониманием всю массу фактов и событий истории партии за 40 лет ее существования (если считать с 1883 года, т.-е. с группы „Освобождения труда").

Единственное замечание, относящееся ко всей сорокалетней (по меньшей мере) истории нашей партии, имеется в самом начале введения. Введение начинается утверждением, что „наша партия развилась и выросла из левого крыла развития социал-демократической рабочей партии, а левое крыло, в свою очередь, было только частью большого политического образования, вполне оформившегося и сложившегося уже в начале первой четверти XX века". Из этого положения вытекает такая схема: 1) до „начала первой четверти XX века возникло и к этому началу „вполне" оформилось и сложилось некоторое „большое политическое образование", 2) частью этого „политического образования" было „левое крыло Российской Социал Демократической Рабочей Партии" и 3) из этого „левого крыла" развилась и выросла „наша партия". Тотчас же вслед за выше цитированным положением В. Невский разъясняет его следующим образом: „Стало-быть, чтобы понять и изучить те источники, откуда начинается могучее идейное течение, вылившееся, в конце-концов, в то, что мы называем коммунистической партией,—точнее, чтобы определить те течения и направления революционной мысли, которые могли и должны были пойти особым потоком, превратившимся, в конце-концов, в могучую коммунистическую струю, необходимо обратиться к изучению тех условий и причин, в каких и по каким развивалась российская социал-демократия". Отсюда можно сделать тот вывод, что российская социал-демократия является тем „источником", откуда вылилась „в конце-концов" коммунистическая партия. Если отбросить в сторону нарочито таинственную манеру, которой придерживается в цитированном изложении В. Невский, то в результате такой расшифровки получится следующее: в начале нынешнего столетия вполне оформилось и сложилось то, что называлось Российской Социал-Демократической Рабочей партией, из этой партии в начале XX века вырос большевизм — большевистская партия, и, наконец, из большевистской партии, в конце-концов, вылилось то, что мы называем коммунистической партией,—точнее РКП (большевиков). Эта схема развития коммунистической партии в России совершенно точная, ясная и понятная; не знаю только, зачем тов. Невскому понадобилось путать ее своей туманной терминологией, в роде „большое политическое образование", „левое крыло" и т. д. Но тов. Невский не ограничивается тем, что путает своего читателя туманной терминологией. Он сбивает его окончательно с толку тем, что в конце своей книги самым энергичным образом возражает против подобного деления истории нашей партии на периоды и даже больше того: вообще не счи-

тает целесообразным деление истории партии на периоды, а в довершение этого придерживается той схемы развития российской социал демократии, которая дана была В. И. Лениным в „Что делать?". Остановимся на этом подробнее. На стр. 519 книги тов. Невского читаем: „Мы поэтому считаем неправильным деление истории нашей партии на те три периода, которые предлагает тов. Бубнов". А следует сказать, что в своей брошюре „Основные моменты в развитии коммунистической партии в России" я установил деление нашей партии на те три периода, которые получились в результате моей расшифровки неясных положений тов. Невского. И раз В. Невский возражает против моих трех периодов, то, естественно, он должен возражать и против моей расшифровки. Отсюда же должен быть сделан один единственный вывод, а именно, что В. Невский отказывается от того, чтобы единым пониманием, как я уже говорил, охватить всю историю нашей партии.

Почему же, спрашивается, тов. Невский считает неправильным то деление нашей партии на три периода, которое было дано в „Основных моментах развития РКП"? „Мы делим,—пишет он,—историю нашей партии на периоды, как их наметил В. И. Ленин в послесловии в известной книге „Что делать?". Думается, что деление научно оправдывается и подтверждается историей нашего хозяйства и рабочего движения". В дальнейшем В. Невский кратко мотивирует указанное деление и делает вывод, что в силу этого мое деление „Истории партии" на три периода неправильно (он так и пишет: „Мы поэтому считаем неправильным и т. д."). Но, ведь, „Что делать?" было написано в начале 1902 года, и тов. Ленин мог говорить, естественно, только о промежутке времени до 1902 года, т.-е. только об истории социал-демократии. Мы же в настоящее время имеем позади себя, по меньшей мере, 40 лет партийного развития, имеем коммунистическую партию, уже в течение более 6 лет держащую государственную власть в своих руках; да и сам В. Невский пишет не историю социал-демократии, а историю РКП (большевиков), т.-е., очевидно, предполагает довести ее до нашего времени. И совершенно непонятными являются те мотивы и соображения, по которым В. Невский противопоставляет ленинское деление истории социал-демократии до 1902 года тому делению, которое охватывает всю историю нашей партии от половины 70-х годов до последних лет. Кроме неясностей, тов. Невский допускает массу небрежностей. Он пишет про меня: „Он в своих „Основных моментах развития коммунистической партии" три первые ленинские периода объединяет в один (1883—1903 гг.), считая, что весь этот период есть развитие от народнического кружка к социал-демократической партии". Во-первых, неверно, что я беру время с 1883 г.,—первый период, согласно моей схеме, охватывает время с половины 70-х годов и до 1903 года; во-вторых, я говорю не о развитии „от народнического кружка к социал-демократической партии", а текстуально следующее: „От рабочих кружков,

организуемых народниками во второй половине 70-х годов, от „Северно-русского рабочего союза", — этой первой самостоятельной рабочей организации, через группу „Освобождение труда" 80-х годов, через „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса" и I съезд социал-демократических организаций России — к „Искре" и II съезду партии,—так шел путь от рабочего кружка к социал-демократической партии" (см. выше стр. 19). Сравнивая период 1894—1898 гг. с периодом 1898—1903 гг., В. Невский спрашивает: „Как же возможно смешивать такие два резко различные периода?". А кто же их „смешивает"?—спрошу я, в свою очередь, тов. Невского. Я, во всяком случае, в этом грехе совершенно неповинен, ибо я не смешиваю этих периодов, а утверждаю, что время от 70-х годов до 1903 года представляет из себя единое целое, входящее, как часть, в историю развития коммунистической партии в России. И при этом я в своей брошюре не только не отрицаю возможности установить ряд этапов в партийном развитии за этот период, но в своей брошюре даю достаточно точные указания на то, как эти этапы я себе представляю. И, таким образом, все возражения, выдвинутые тов. Невским против меня в этом пункте, являются или недоразумением, или небрежностью. Довод же, что с 1903 до 1917 года это—период большевизма, явление, какого не знал период с 1883 до 1903 г., мало убедителен, потому что, если внимательно просмотреть работы Ленина „Что такое друзья народа" и „Задачи русских социал-демократов", то и там можно найти (и он есть) зачаток позднейших взглядов Ленина, который, ведь, и является наилучшим выразителем большевизма" [1]),—так пишет Невский, продолжая свои возражения против утверждения, что время с половины 70 х годов до 1903 года является некоторым совершенно законченным периодом в развитии нашей партии. И здесь тов. Невский, который на словах хочет следовать в своей истории схемам партийного развития, установленным Лениным, на деле выступает против того понимания истории РКП, которое было развито вождем большевизма. В. Невский берет „Что делать?", но в то же время он по совершенно непонятным причинам проходит мимо еще одной работы В. И. Ленина, в которой он весьма подробно останавливался на вопросах истории нашей партии,—я имею здесь в виду книгу Ленина „Детская болезнь „левизны" в коммунизме". Мне кажется, что если бы тов. Невский при установлении своих периодов принял во внимание то, что Ленин писал в этой книге об истории большевизма, он бы, думается мне, не рискнул бы выступить с цитированным выше положением.

В книге „Детская болезнь „левизны" в коммунизме" В. И. Ленин время с 1903 по 1917 год выделяет как особый период в истории нашей партии. „Большевизм существует, — читаем мы на стр. 9, — как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года". На следующей странице это же положение

---

[1]) Курсив везде в тексте мой. *А. Б.*

повторяется в такой формулировке: „С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе марксизма"; и несколькими строками ниже: „с другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете". По Ленину, большевизм, „как политическая партия", возник в 1903 году, и его „практическая история" измеряется пятнадцатилетним периодом с 1903 по 1917 г.

Таким образом, малоубедительный для В. Невского довод, „что с 1903 до 1917 года—это период большевизма" он может найти в цитированной выше книге Ленина. И для меня совершенно непонятно, в силу каких соображений В. Невский, приступив к написанию книги по истории РКП (б.) (а не только РСДРП), ограничился использованием исторических указаний Ленина, изложенных им в „Что делать?", и не принял во внимание подобных же указаний в „Детской болезни"... Я уверен, что если бы он это сделал, то ему, пожалуй, не пришлось бы спорить против моих „трех периодов" и не зачем бы было противопоставлять их периодам, намеченным В. И. Лениным в 1902 году.

Но тов. Невский повинен не только в том, что он слишком узко понял свою задачу, как историка партии, и не использовал всех исторических указаний В. И. Ленина, а также и в том, что он чересчур формально отнесся к целому ряду ленинских положений.

Он берет три периода: 1884—1894 гг., 1894—1898 гг. и 1898—1903 гг. Но, ведь, это—лишь рамки. Сам В. Невский первый период начинает с 1883 г. (гр. „Освобождение труда" выступила в 1883 г.), а В. И. Ленин в статье „О нарушении единства, прикрываемом криками об единстве", третий период берет в рамках 1895—1903 гг. В этой статье мы читаем: „именно в борьбе течений внутри марксизма сказалось мелкобуржуазно-интеллигентское крыло социал-демократии, начиная с „экономизма" (1895—1903), продолжая „меньшевизмом" (1903—1908) и „ликвидаторством" (1908—1914 гг.) (см. Н. Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 460). Почти то же самое повторено В. И. Лениным в статье „Идейная борьба в рабочем движении" (см. т. XII, ч. II, стр. 466—467). Суть вопроса не столько в рамках, сколько в содержании каждого периода, в том основном характерном, что данный период отличает от другого, предшествующего и последующего. И в этом отношении стократ был прав тов. Зиновьев в своей „Истории РКП (б-ов)", когда он, говоря о датах, с которых можно формально начинать историю нашей партии, замечает: „Я нарочно привел целый ряд дат, желая показать, что важен не формальный второстепенный вопрос, 20 или 25 лет, а тот факт, как в живой действительности складывается партия". (См. Г. Зиновьев. „История РКП (б.)", стр. 19—20), т.-е. добавлю я, как происходит соединение рабочего движения с коммунистической теорией, которое и есть образование коммунистической партии.

Что является основным для первого периода? А именно то, как читаем мы у Ленина, что „социал-демократия" существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс „утробного развития", т.-е. это — период зарождения социал-демократии. В 70-х годах не имелось ни рабочего движения, ни революционной пролетарской теории (в России), а следовательно, и не могло быть и не было социал-демократии. В 80 х годах появилась первая социал-демократическая программа, но рабочее движение отсутствовало, а поэтому социал-демократия переживала лишь „процесс утробного развития".

Далее, второй период: „социал-демократия,—пишет Ленин,— появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс".

Именно в этом характернейшее для периода 90-х гг.

И, наконец, третий период. О нем Ленин пишет так: „Это — период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается, вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос"... — „Но, продолжает Ленин, брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед".

Третий период был, ведь, не только периодом „экономизма", но и периодом „Искры" и подготовки II съезда. И мы знаем, что именно „громадные шаги вперед", которые делало „само движение", и обусловили собой победу „искровства", которое отражало этот громадный подъем движения. В этом основное в периоде начало 900 х годов (до революции 1905—1907 гг.).

В. Невский берет деление Ленина истории русской социал-демократии на три периода слишком формально.

На стр. 541 своих „Очерков" тов. Невский пишет: „...изучать историю партии, деля на периоды, указанные Лениным, удобнее потому, что это—естественное деление, потому, что, деля именно так, можно яснее и лучше оттенить как-раз именно революционную струю социал-демократии уже в ранний период ее существования, в девяностые годы, а это и нужно сделать, чтобы показать, что большевизм — не выдумка праздных голов, а естественное и неизбежное следствие революционного массового рабочего движения".

Оказывается, что В. Невский делит историю социал-демократии на указанные периоды по трем соображениям: первое, потому, что в силу этого „удобнее" изучать историю партии, во-вторых, потому, что это „естественное деление" (что сие означает?) и, в-третьих, потому, что В. Невскому надо доказать, что „большевизм — не выдумка праздных голов" (кому это надо доказывать и зачем это историку нашей партии понадобилось заниматься подобным.. времяпрепровождением).

Таким образом, тов. Невский не только не дал единого понимания всей истории РКП (б.) (от конца 70-х годов до последних лет), не только не сумел по существу использовать исторические указания В. И. Ленина, но и скатился к явно путанному подходу

к вопросу о делении истории партии на периоды, которое он сам признал нужным.

Все это, несомненно, отразилось и на первом томе „Очерков по истории РКП (б.)", охватывающих время с 1893 по 1898 г. Не разбирая всего первого тома под этим углом зрения, ограничусь лишь несколькими примерами.

В книге дается история образования „Северно-русского рабочего союза" (1877—1878 гг.), выясняются роли и значение в нем Халтурина и Обнорского, но читатель не найдет здесь выяснения связи этой замечательной рабочей организации 70 х гг. не вообще с рабочим движением, а с рабочим движением конца 70-х гг. Ведь, Союз возник на почве первого массового всплеска рабочего движения, который отмечен такими знаменательными стачками, как стачки на Новой Бумагопрядильне (на Обводном канале) в 1878 и в 1879 г. Распад Союза и уход Степана Халтурина могут быть понятны только из характера рабочего движения 70 х гг., и странно читать утверждение, что „Союз погиб жертвой провокации" (см. стр. 172). Разве только в этом было дело? И разве на таком объяснении можно остановиться, особенно в книге, претендующей на столь крупный объем?

Далее, не дано сравнения движения 70-х годов с движением 80-х годов. Не проанализирована связь Союза с группой „Освобождение труда". Не выяснено, почему в 80-х годах задача создания пролетарской партии была неосуществима. Не выяснено также, почему гр. „Освобождение труда" не смогла сыграть роли практического организатора. Здесь В. Невский выступает с довольно-таки сомнительным объяснением: непосредственная задача — создание партии в России из рабочих — пока была неосуществима, так как главная организационная сила группы, Л. Дейч, был арестован" (см. стр. 192). Организационная связь и преемственность революционных организаций 70-х, 80-х и 90-х годов В. Невским установлена безусловно (здесь он имел возможность воспользоваться всем, что сделано Истпартом и его местными органами за четыре года), но органической связи между отдельными этапами в развитии партии за время, которое охвачено первым томом „Очерков по истории РКП (б)", тов. Невский не только не установил, но и даже как следует-то и не стремился к этому. Даже там, где он дает общие итоги (например, за период 1883—1894 гг., см. стр. 330—340), получается не картина того, „как в живой действительности складывается партия", а изолированные формулировки отдельных элементов процесса.

Ахиллесова пята книги В. Невского — это неумение его, как историка, от фактов итти к обобщениям, всю массу исторического материала охватывать единой схемой, осмысливающей данный исторический процесс, как единое неразрывное целое. Слабость В. Невского в этом отношении отражается также и при использовании им схем и теорий, которые он признает правильными и которым следует. Так, например, он берет замечательную теорию Ленина о привнесении „социал-демократического сознания" в ра-

бочее движение „извне" и применяет ее в своем первом томе. В результате у него получается вульгаризация теории Ленина, в лучшем случае такое применение ее, которое полно противоречивых замечаний и характеристик.

„...Точно так же и в России,—писал Ленин в „Что делать",—теоретическое учение соц.-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат мысли у революционно-социалистической интеллигенции". В этом смысле гр. „Освобождение труда" по заслугам именуется родоначальницей нашей партии. Но отсюда вовсе не следует, что чуть ли не каждый интеллигент-доброволец второй половины 80-х гг., нередко медленно и путанно переходящий к марксизму, является носителем „социал-демократического сознания". А, ведь, у В. Невского иной раз именно так и выходит.

Детальный разбор „Очерков по истории РКП (б.)" не входит в мою задачу, в противном случае мне пришлось бы отметить еще немало неправильных оценок, имеющихся в книге В. Невского. Я остановлюсь еще раз лишь на вопросе о „периодах".

История нашей партии распадается на три периода. Корни этого деления лежат в особенностях социально экономического развития России. В отличие от стран Западной Европы, переживавших с 70-х годов XIX века эпоху так-называемого мирного развития капитализма, российское государство в эти десятилетия проходило через эпоху революционного развития. Я не имею намерения подробно останавливаться на этом. Все необходимые разъяснения В. Невский может найти в моей брошюре „Основные моменты..." и в тезисах „25 лет РКП" (изд. Агитпропотдела ЦК РКП (б.) в 1923 г.). Ограничимся лишь тремя цитатами.

Почему мы имеем единый процесс партийного развития, складывающийся из трех основных периодов?

„Основные моменты..." отвечают на этот вопрос так: „Это развитие, как уже указано, прошло три основные момента и распадается на три периода. Всем им обще то, что партия на протяжении всех трех периодов неуклонно стояла на признании краеугольного камня революционного марксизма — революционной диктатуры пролетариата, имея конечной целью своей борьбы коммунизм, т.-е. общество, где не будет ни классов, ни государства. В этом смысле можно и должно говорить об единой истории коммунистической партии в России. Но в то же время каждому из трех основных периодов истории партии присущи свои особенности, которые делают каждый из предыдущих периодов подготовлением к следующему.

Особенности каждого из трех моментов в истории партии обусловливаются тем, что партии пролетариата на протяжении всей ее истории, от зарождения до последних дней, приходилось действовать в различные исторические моменты

перехода от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму, в зависимости от чего и менялись ближайшие задачи, стоящие перед пролетарской партией" (стр. 38).

А тезисы „25 лет РКП" конкретизируют эту схему следующим образом: „РКП в своем развитии прошла через три исторических периода: а) она оформилась до буржуазной революции, т.-е. возникла и действовала в полуфеодальном обществе; б) она, как вождь самого передового и революционного класса, шла во главе революционых сил, борющихся против самодержавно-крепостнического государства, т.-е. активнейшим фактором в ходе буржуазной революции и, в) доведя до конца буржуазную революцию, она подняла знамя непосредственной борьбы с капитализмом, и, вырвав власть у помещиков и капиталистов в октябре 1917 года, превратилась в правящую партию, строящую пролетарское государство" (стр. 3).

И, наконец, сами эти три „основные момента" и три периода формулированы мной так:

„История коммунистической партии в России от ее зарождения до настоящего времени прошла три основные момента:

Первый — создание социал демократической партии, как пролетарской партии, ставящей себе „ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой".

Второй — возникновение и развитие большевизма: борьба внутри с.-д. партии и рабочего движения двух тенденций, двух направлений, двух партий—революционной пролетарской и оппортунистической мелкобуржуазной, т.-е. подготовление элементов коммунистической партии, как партии, ставящей своей непосредственной задачей борьбу за социализм.

И, наконец, третий момент — образование коммунистической партии, борющейся за власть и строящей пролетарское государство.

В соответствии с этим развитие партии делится на три периода: первый охватывает время от половины 70-х гг. до 1903 г., второй — 1903 — 1917 гг. и третий период „начинается после Февральской революции и продолжается по настоящий день" (стр. 5).

Кстати, для историка партии исключительный интерес представляют два переходных момента в истории РКП: первый — зарождение большевизма (примерно годы 1900 — 1903) и второй — зарождение РКП (б.) (примерно годы с конца 1914 по апрель 1917).

В. Невский не привел по существу ни одного аргумента против установленной вышеприведенными цитатами схемы истории нашей партии. Сам же в своей книге фактически отказался от охвата единым пониманием всего громадного материала, составляющего в совокупности историю РКП. Этим он и предопределил все те дефекты своей работы, на которые я указал в настоящем разборе.

Когда же будет написана настоящая история нашей партии? Когда налицо будет не только тщательно собранный и проверенный исторический материал, но и будут разработаны вопросы методологии, связанные с историей РКП. И давно пора Истпарту, продолжая работу по собиранию и проверке материала, в качестве очередной задачи поставить перед собой разработку методологии. Этим же необходимо заняться и Институту Ленина. Тогда партия революционного пролетариата нашей страны будет иметь книгу, излагающую и объясняющую ее единственную в мире, замечательнейшую историю.

IV.

Агитация и пропаганда в развитии партии.

Величайшая способность РКП к сложному и в то же время смелому маневру, умение быстро учитывать соотношение сил и, учитывая, точно так же быстро менять тактику, — все это в максимальной степени сказывалось на агитации и пропаганде, сыгравших крупнейшую роль в истории наших побед, переходов от одних методов борьбы и лозунгов к другим, и в особенности в истории небывало подвижной, напряженной и кипучей гражданской войны последнего пятилетия.

Половина 90-х годов знаменует собой крупнейший перелом в развитии массового рабочего движения и пролетарской партии в России. Говоря словами Ленина, в это время „социал демократия появляется на свет божий как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия".

Эти годы были периодом перехода от кружковой пропаганды к массовой агитации. В эти годы в обстановке первого массового подъема рабочего движения окончательно складывались те приемы и формы просветительной работы нашей партии, которые в дальнейшем лишь несколько усложнились и стали более разнообразными. Подпольный пропагандистский кружок, полупропагандистская „летучка", „массовка", митинг, листок, листовка, газета и небольшая брошюрка, — вот тот арсенал орудий и инструментов агитации и пропаганды, которые существовали на протяжении всей истории нашей партии, вплоть до того момента, когда пролетарская партия стала партией правящей, когда целям массового просвещения начал служить аппарат государства, когда появились органы „государственной пропаганды коммунизма".

Прекрасный пример пропагандистской и агитационной работы того времени дает нам Москва. Зимой 1891 — 1892 г. в Москве организуется первый марксистский кружок, который занимается почти исключительно изучением марксистской литературы. В сентябре 1893 года из этого кружка выделяется новый кружок для пропаганды среди рабочих (Мицкевич, Мандельштам, Винокуров и др). Этот кружок организует, а затем и ведет пропаганду в нескольких кружках из рабочих механических заводов и железнодорожных мастерских. Программа занятий в кружках, как изла-

гает ее С. И. Мицкевич, была такова: „Сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала, далее беседа за беседой излагался I том „Капитала", при чем положение иллюстрировалось примерами из русской жизни и, таким образом, попутно рисовалась картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и пр. Потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме, и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которое может быть у нас совершено только рабочим классом". Одновременно распространялась и следующая литература: „Речь Петра Алексеева", „Речь Варлена", „8 часовой рабочий день" Плеханова, „Кто чем живет" Дикштейна, „Четыре речи петербургских рабочих на 1-е мая", а также ряд переводных брошюр Каутского, Шиппеля, Гэда и Лафарга. Кроме этого, самими пропагандистами был написан ряд популярных брошюр. Часть брошюр была рукописная, „для переписки их,—указывает тов. Мицкевич,—образовался целый штат переписчиков-студентов, курсисток, рабочих. Среди переписчиков было даже двое городовых, родственников рабочих".

Московский кружок очень быстро перешел к агитации в массе.

Агигация велась через рабочих-членов кружков, а также устраивались специальные собрания человек в 15—20, „летучки". Первый листок был издан в феврале 1894 года по случаю стачки на заводе, кажется, Вейхельта. Московский кружок имел гектограф, с конца 1894 года мимеограф и маленький типографский станок. В 1894 г. организация окрепла: имелось несколько кружков с центральным кружком во главе; осенью 1894 года был организован женский кружок. В это время возникла даже мысль о создании своей собственной, конечно, подпольной, рабочей газеты. В 1894 г. ко дню 1-го мая было издано 3 листка, которые были широко распространены по заводам. 30 го апреля была отпразднована маевка,—собралось около 250 человек, представлявших до 30 заводов и фабрик; произносились речи, пелись революционные песни. В день 1-го мая в празднование были втянуты довольно широкие массы в Сокольниках и на Девичьем поле. Присутствовавшие на маевке 30-го апреля рассказывали о ней рабочим, читали листки и т. д. „Слух о маевке,—говорит тов. Мицкевич,—разошелся по всему рабочему населению Москвы". Так велась агитация и пропаганда в 90 х годах. Как ликвидировали свою общую и „политнеграмотность" передовые рабочие в подпольные времена,— об этом рассказывает иваново-вознесенский ткач Федор Никитич Самойлов в своих „Воспоминаниях об иваново-вознесенском рабочем движении". „Читал я,—пишет он,—во время обеденных перерывов на фабрике и по вечерам на квартире. На фабрике во время обеденного перерыва я забирался в шлихтовку, садился где-нибудь на окошке и, выпив вместо обеда стакана два-три чаю с черным хлебом, брал книгу и читал до возобновления работ". Чтение это продолжалось и дома, при чем условия для чтения на дому были, мягко выражаясь, малоподходящими. „Квартирантов,—рассказывает

Самойлов,—было всего человек около 15-ти, помещались они все в одной средней величины комнате,—мужчины и женщины, старые и молодые, холостые и женатые спали на полу под ряд". При чем против этого вечернего чтения восставали все сожители тов. Самойлова.

Пусть нынешняя рабочая молодежь внимательно прочитает книжку тов. Самойлова. Она тогда ясно поймет, сколько настойчивости, выдержки, упорного труда, даже героизма требовалось в старые годы для того, чтобы их старшие товарищи могли хоть как-нибудь ликвидировать свою „политнеграмотность" и вылезти из вековой тьмы, в которой бесконечные десятилетия сиднем-сидели их деды и прадеды.

Начало 900-х годов, и особенно годы первой революции (1905—1907 гг.), гигантски расширили общие возможности для работы партии. В условиях бурного потока отдельных и всеобщих забастовок, демонстраций, крестьянских „беспорядков", студенческого движения, солдатских восстаний, сливавшихся в один могучий массовый натиск против цитадели дворянского самодержавия, работа агитации и пропаганды развернулась небывало широко. Партия не только продолжала свою подпольную пропагандистскую кружковую работу, но она в полной мере использовала открывшиеся легальные возможности. Не только увеличилось до сотен тысяч и даже миллионов количество прокламаций и листовок, выпускаемых партийными комитетами по всей России, но появились также и легальные социал-демократические газеты, которые, несмотря на все жандармские скорпионы, существовали на протяжении всех лет революции. Одновременно с этим развертывалась гигантская цепь митингов, лекций, диспутов и проч., и т. п. Всем памятны гигантские тысячные массовки в лесу в наших промышленных центрах. Всем памятны грандиозные массовые митинги на открытом воздухе, в театрах и даже в городских думах. Умение использовать самую микроскопическую зацепку для максимального расширения размаха работы в массах сказалось здесь в полной мере.

Избирательные кампании в государственные думы явились новой ареной, на которой чрезвычайно широко развернулась наша агитация. На предвыборных собраниях выступали с речами лучшие агитаторы и докладчики партии. Во время самих выборов пускались в ход самые разнообразные средства, дабы выбросить тот или иной революционный лозунг. Например, во время кампании во 2-ю думу в Москве были использованы разноцветные воздушные шары, к которым прикреплялись небольшие плакаты с революционными лозунгами. Такой шар, поднявшись над улицей, был абсолютно недосягаем для тут же стоящего „господина городового". Годы реакции опять вплотную почти вогнали нас в подполье. Но и здесь, в этих поистине каторжных условиях послереволюционной реакции, бегства из партии интеллигенции, всеобщего маразма и организационного разброда, партия большевиков нашла в себе силы терпеливо и упорно налаживать

дело революционной агитации и пропаганды. Были использованы в этих целях профессиональные союзы, клубы, кооперативы. Удавалось иногда выпускать небольшие журналы, и даже иногда использовать легальные газеты Одновременно с этим в подполье попрежнему шла кружковая пропагандистская работа.

Здесь, к слову сказать, большевикам пришлось поломать немало копий в жестокой борьбе с меньшевистским оппортунизмом и подлейшим ликвидаторством. Революционный подъем, широко развернувшийся с 1912 года, снова придал агитации широкий размах. На этом периоде нет надобности долго задерживаться: эпоха „Звезды" и „Правды" широко известна не только русским, но и международным рабочим. Если „Искра" в начале 900-х годов была газетой широкой политической агитации (я не касаюсь здесь гигантской организующей и организационной работы „Искры"), то „Правда" имела аудиторию в несколько десятков и, может-быть, даже сотен раз более обширную. Ежедневно „Правда", как гигантский кузнечный мех, раздувала могучее пламя революционного энтузиазма и классового сознания широчайших масс рабочего класса России. Центром, редакцией, сотрудниками, партийными организациями и передовыми рабочими в организационной работе „Правды" были проявлены настойчивость, неутомимость и ни с чем не сравнимое упорство. В этом деле наша партия с ее характерными особенностями отразилась так же, как солнце отражается в капле воды. Эпоха „Правды" была залогом того, что партия, ее создавшая, способна на великое историческое дело. В Москве, несколько позднее „Правды", организуется газета „Наш Путь".

„Правда" умела вести самые разнообразные кампании. Вот, например, данные о числе групп рабочих-подписчиков: за 1912 год—620 групп, за 1913 год—2.181 гр., за 1914 год (с 1-го января по 13 е мая)—2 873 группы, а за все время 5.674 группы. Размер сборов на „правдистские" газеты выражается в следующих цифрах: за время с 1 го января по 13 е мая 1914 года по всей России число сборов—3.586, собрано 21.584 руб. 52 коп.; из них на Петербург приходится 15.200 руб. 16 коп., на Москву—1.125 р. 01 к. и на провинцию—5.208 руб. 60 коп. В конце 1913 года — начале 1914 года велась кампания в связи с расколом с. д. думской фракции на „шестерку" (большевистскую) и на „семерку" (ликвидаторскую). О том, как „Правда" умела ставить такие кампании, говорят следующие данные о числе резолюций с подписями (за „шестерку"): в Петербурге—5 003, в остальной России—1.511, на Кавказе—208, и всего 6.722 резолюций. Я уже не говорю здесь об агитационных кампаниях (в связи с забастовкой или каким-нибудь выступлением, или какой-либо кампанией),—здесь „Правда" обнаруживала и кропотливую подготовку, и широчайший размах. Безмерно тяжелые и трудные годы империалистской войны оборвали всю эту работу партии. За эти годы партийная работа потерпела значительное сокращение, но, несмотря на это, оправившись, партия и в этих тягчайших условиях применяла в своей

агитации и пропаганде прежние методы, приемы и формы. Партия использовала в целях агитации против войны, например, кампанию выборов в военно-промышленные комитеты. Одновременно шла подпольная пропагандистская работа в кружках и обычная „листковая" агитационная работа в массах. После Февральской революции 1917 года партия большевиков развернула небывалую по напряженности и размаху агитационную работу. У всех еще в памяти этот всесокрушающий агитационный натиск, соединенный с терпеливой работой по прояснению классового сознания рабочих масс, по отколу революционных пролетариев от мелкобуржуазного оборонческого блока меньшевиков и эсеров, тянувших массы на поддержку империалистских планов капиталистов и помещиков. Октябрьская победа дала в руки большевистской агитации и пропаганды всю мощь и все средства государственного аппарата.

Период военного коммунизма выдвигал совершенно законченный тип агитационно-пропагандистской работы. Основной задачей времени была военная задача. Основной чертой всей партийной работы была ударность. В соответствии с этим агитационно-пропагандистская работа того периода целиком покрывалась массовой ударной политической агитацией. Пропаганда играла подчиненную роль в отношении к массовой агитации. Вся гигантская способность партии к массовому действию, к умению сосредоточивать все силы на самой главной для текущего момента задаче полностью обнаружилась в агитационно-пропагандистской работе периода гражданской войны. Все помнят ту изобретательность, нажим и гибкость, которые проявили органы партии в своей агитации на военных фронтах. Миллионы листков, агитационных плакатов, стенная газета, фронтовой театр, агитационные поезда, подвижные газетные типографии и т. д., и т. п. Немудрено, что из всех вопросов агитационно-пропагандистской работы VIII съезд партии (в марте 1919 года) остановился лишь на одном вопросе, именно на вопросе „о партийной и советской печати". Она обнаружила признаки ухудшения. Надо было в интересах всей партии и всего рабоче-крестьянского государства поставить ее на ноги. Пропагандистские мероприятия того времени служили лишь одной цели—молниеносной подготовке необходимейшего кадра партийных агитаторов и пропагандистов для массового обслуживания военных фронтов и бесконечных ударных хозяйственных кампаний („на топливо", „на транспорт", „против тифа", против вши" и прочие).

Свердловский ун-т в то время был краткосрочными курсами для подготовки агитаторов. Его выпуски измерялись тысячами (в 1918 году—2.000, в 1919 г.—2.800). На IX съезде партии (в марте 1920 года) задачам агитпропработы было посвящено лишь несколько строк в резолюции „об очередных задачах хозяйственного строительства". Так как,—утверждал раздел 19-й этой резолюции,—„первым успехом Советской Республики во всех областях, в том числе и хозяйственной, является систематическая агитация",

то следует обратить внимание на положение печати и на „совершенно недопустимое состояние нашей бумажной и типографской промышленности", от которой печать в первую голову зависит. В те времена массовая агитация нередко дополняло то, чего нехватало у тогда еще слабых органов рабоче крестьянского государства. Целый ряд советских кампаний велся не только под общим руководством, но и под прямым воздействием и при непосредственном участии всех органов партии. Рост партии за первые $1^1/_2$ года гражданской войны („партийные недели") выдвинул задачу об использовании новых членов партии, которая была поставлена тов. Бухариным на партконференции в декабре 1919 года, как задача повышения уровня сознательности и политической подготовки массы членов партии. В тезисах указывалось, что в этом направлении должен быть принят ряд мер. В первую голову должны были организованы элементарные лекции и кружки политической грамоты (то, что мы теперь называем школой политграмоты). Задача партийно - воспитательная тем самым начала выдвигаться, как важнейшая. X съезд партии (в марте 1921 года) делает уже новый шаг вперед в этом направлении. Резолюция по вопросу „о партийном строительстве", принятая съездом, отмечала, что „поднятие уровня членов партии с одновременным привлечением их к активному участию в общепартийной жизни становится центральной задачей дня". Тут же весьма энергично указывалось на значение работы среди беспартийных масс.

Период нэп'а с еще большей силой выдвинул эти задачи на первый план во всей системе партийной работы. Эти темы не так давно весьма усиленно разбирались на страницах наших газет и журналов, а поэтому я могу быть здесь кратким. Декабрьская всероссийская партийная конференция 1921 года в числе недостатков, „подрывающих сплоченность и единство партии", отметила также недостатки, зависящие „от слабости идейного воспитания и идейной спайки". Этим был дан еще новый толчок в том же направлении. XI съезд партии (в марте 1922 г.) наметил целый ряд практических мероприятий.

Целый ряд постановлений в плоскости агитационно-пропагандистской работы, принятых в этом году, значительно дополнил и развил программу, намеченную на XI съезде. С громадной остротой выдвинулась задача придания пропагандистской работе максимального размаха и глубины. Одновременно партия подошла вплотную к выработке плана агитационно-пропагандистской работы, который бы систематически проводился в жизнь всеми партийными органами, которым надлежит этим делом заниматься. Никогда еще партийно-воспитательная работа не выдвигалась с такой остротой, как в настоящее время. Партия должна считать ее задачей первейшей важности. Ликвидация политнеграмотности, улучшение постановки совпартшкол 1-й и 2-й ступени, расширение сети и улучшение организации комуниверситетов, правильная постановка марксистских кружков, партклубов, коммунистического

образования на дому, организация коммунистического просвещения по всей линии советских школ (особенно вуз'ы, особенно школы фабзавуча и школы для взрослых), всемерная поддержка делу печати, которая за последние месяцы во всех отношениях улучшилась, непрерывное внимание к делу советско партийной журналистики, дальнейшее развитие издательства, переход от массовой агитации к массовой пропаганде, усиление внимания к политической агитации и, наконец, превращение агитпропов в мощные партийные органы,—вот перечень задач, которые должны быть уложены в настоящее время в единую систему агитационно-пропагандистской работы. Нынешний год должен быть годом систематически-партийной учебы и массовой пропаганды. Этого требуют интересы партии и интересы рабочего государства.

V.

Великий строитель.

21-го января 1924 г. умер Ленин. Прошел год. И через год после его смерти мы должны не только вспоминать Ленина, но еще и еще раз поставить перед собой задачу понимать Ленина и через понимание Ленина отчетливее и глубже понимать наши современные задачи.

Владимир Ильич Ленин является великим строителем нашей партии в самом глубоком, самом разностороннем, самом всеобъемлющем значении этого слова. Вождь пролетарской революции не может не быть вождем партии революционного пролетариата, он должен быть теснейшим образом связан со всей историей коммунистической партии. Таким вождем и был В. И. Ленин.

Коммунистическая партия есть соединение рабочего движения с революционно-пролетарской коммунистической теорией.

„На основании этого процесса, — писал Ленин, — происходит постепенное выделение единиц, десятков, сотен, а затем тысяч сознательных пролетариев, которые и сплачиваются в политическую организацию рабочего класса, которая является его частью, которая впитывает в себя то, что в рабочем классе есть лучшего, наиболее героического, устойчивого, самоотверженного, передового, сознательного и является, таким образом, авангардом рабочего класса, т.-е. его партией".

Особенности в развитии коммунистической партии в России обусловливаются своеобразием социально-экономического развития нашей страны. В царской России на-ряду с экономической отсталостью, с пережитками докапиталистического полуфеодального порядка мы имели налицо самые высокие формы развитого европейского капитализма. Опутанное, задавленное полукрепостническим гнетом, нищенское крестьянское хозяйство и многотысячный гигант завод; допотопная соха и усовершенствованная дизельная установка,—таковы противоречия экономики царизма.

Многочисленный, сконцентрированный на крупнейших промышленных предприятиях рабочий класс, политически дряблая буржуазия и многомиллионное, затравленное полукрепостническим издевательством крестьянство, — таковы классовые соотношения в царской России.

Эпоха „мирного" империалистического развития в Европе с ее колониальным грабежом, бешеной конкуренцией крупнейших империалистских хищников на мировом рынке; эпоха надвигающейся, надвинувшейся и развернувшейся революции в России с ее обостреннейшей классовой борьбой и гигантскими историческими перспективами,—вот характеристика той обстановки, в которой росла и крепла наша партия. В одной из своих статей, написанных в 1899 году в сибирской ссылке, тов. Ленин писал:

„Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России [1]).

На протяжении всей своей жизни Ленин не переставал напоминать партии о том, что „роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией" [2]). И на протяжении всей своей жизни Ленин беспощадно боролся с самыми малейшими попытками извратить революционное содержание марксизма. В то же время, как никто другой, Ленин с поразительной ясностью понимал, что в России руководители революционной партии рабочего класса должны иметь в виду необходимость применения „руководящих положений" марксизма к своеобразию социально-экономического развития страны и хода классовой борьбы в ней. Выполнение этой задачи и стало исторической миссией Ленина, как основоположника ленинизма. В 1920 году Ленин писал:

„Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы" [3]).

И одновременно с этим Ленин утверждал, что „большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма".

Великий строитель нашей партии В. И. Ленин прошел через эпоху добуржуазной революции в России, через эпоху буржуазно-демократической революции и через эпоху первой империалистической войны и начало пролетарской революции. Имея в руках метод революционного марксизма и гениальное уменье применять его к анализу развития текущих исторических событий, Ленин на основе революционного марксизма создал ленинизм,

---

1) См. „Наша программа" (помещена в „Ленинском сборнике", III).
2) См. Н. Ленин, Собр. сочинен., т. V, стр. 136.
3) См. Н. Ленин, „Детская болезнь", стр. 10.

как теорию пролетарской революции. И тем самым он дал нашей партии такую революционную теорию, которая стояла на уровне современной революционной эпохи и поднимала нашу партию на гигантскую высоту передового бойца за дело освобождения человечества от гнета империализма. Краеугольными камнями ленинизма являются три идеи: идея диктатуры пролетариата, идея рабоче-крестьянского блока и ленинская постановка и разрешение национального вопроса. Еще в 1899 году Ленин выделял „особую постановку" крестьянского вопроса в России. И, указывая, что „крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе", тов. Ленин подчеркивал, что „рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, пройти мимо тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам" [1]).

И в этой же статье он употребил термин „рабочий-крестьянин", сказав, таким образом: „в нашей пропаганде и агитации мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т.-е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда" [2]).

Непосредственно перед революцией 1905 года Ленин выдвинул лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, отметив, что у этой диктатуры есть не только прошлое, но и „будущее", т.-е. „борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм", прибавив, что „тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазно-демократической республики к социализму" [3]).

Здесь уже в основном была заложена и идея перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, и идея рабоче-крестьянского союза. В своем „Письме о тактике" в 1917 году Ленин в соответствии с изменившимися условиями продвинул эту идею еще на один шаг вперед, ибо он тогда выдвинул лозунг революции „переходной к социализму". И общеизвестно, что вся наша политика после Октябрьской революции строилась, строится и будет строиться на основе учения Ленина о рабоче-крестьянском союзе.

Уже во времена „Искры" Ленин разрабатывал национальный вопрос, но вплотную он подошел к нему лишь с 1912 года. В своих „Критических заметках по национальному вопросу" в 1913 году тов. Ленин так формулировал основное в национальной программе нашей партии:

„Никаких, безусловно, привилегий ни одной нации, ни одному [illegible]у; решение вопроса о политическом самоопределении наций,

---

[1]) См. Н. Ленин, том I, стр. 387, 389.
[2]) См. Н. Ленин, том I, стр. 396.
[3]) См. Н. Ленин, т. VI, стр. 359.

т.-е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем“ [1]).

И в той же статье он со всей резкостью подчеркивал:

„Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием“ [2]).

А одновременно с этим тов. Ленин указывал на Восток и говорил:

„Но на смену этой, заживо гниющей буржуазии идет пролетариат европейских стран и молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам демократия азиатских стран“ [3]).

Говоря это, отмечая „пробуждение целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств“, Ленин подчеркивал, что „именно потому, и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе“. В 1916 году, предостерегая от ожидания „чистой“ социальной революции, т. Ленин писал: „Мы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать всякого народного движения против отдельных бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса“ [4]). Здесь уже целиком и полностью дана основа той линии национальной политики, которая проводится нами практически с момента победы Октябрьской революции. Она идет и к одной из последних статей Ленина, написанных им в 1923 году. В статье „Лучше меньше да лучше“ Ленин снова ставил вопрос о Востоке и развивающемся там освободительном движении. В заключение этой части своей статьи он писал: „Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое особождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена“ [5]).

Опыт революционной борьбы в России и опыт национальных движений в эпоху имериализма привел Ленина к внесению в марксизм двух новых крупнейших элементов: учения о рабоче крестьянском союзе и ленинского разрешения национального вопроса. Этим был поставлен и разрешен вопрос о союзниках, которые имеются у пролетарской революции. Победа пролетарской революции идет и может итти лишь через союз

---

1) См. Ленин, т. XIX, стр. 41.
2) См. там же, стр. 47.
3) См. там же, стр. 26.
4) См. Н. Ленин, том XIX, стр. 214.
5) См. Н. Ленин, том XVIII, часть II, стр. 137.

рабочего класса с крестьянством и через союз рабочего класса с освободительным движением колоний и угнетенных национальностей против империализма. Эти два краеугольных камня ленинизма теснейшим образом связаны с основной идеей ленинизма, с вопросом о диктатуре пролетариата.

В начале 1902 года, когда внутри редакции „Искры" шли споры по вопросу о программе нашей партии, тов. Ленин с особенной силой, настойчивостью, резкостью ставил вопрос о том, что „обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только единственно и исключительно пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает" [1]). И здесь же он добавлял: „У нас в России дьявольские муки „трудящейся и эксплоатируемой массы" не вызвали никакого народного движения, пока „горстка" фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта „горстка" гарантирует ее ведение, продолжение и расширение" [2]).

Таким образом, тов. Ленин в начале 90-х годов, перед революцией 1905 года, настаивал на необходимости выделения классовой борьбы одного пролетариата в целях обеспечения в дальнейшем гегемонии пролетариата, в интересах того рабоче-крестьянского блока, который является основой всей нашей современной политики. А в августе 1917 года в своей книге „Государство и революция" Ленин писал: „Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа" [3]).

Общеизвестно, что на этой основной идее ленинизма зиждется вся наша практическая политика после победы Октябрьской революции. В. И. Ленин на протяжении десятилетий своей революционной борьбы закладывал, вырабатывал и оформлял основы своей теории, основы ленинизма. Ленинизм есть знамя нашей партии. Ленин вырабатывал свою теорию в повседневной революционной практике. На протяжении десятилетий Ленин шел во главе великого революционного движения рабочего класса нашей страны. Ленин—великий строитель нашей партии.

За последнее тридцатилетие рабочий класс и наша партия прошли гигантские расстояния ожесточеннейшей классовой борьбы со своими врагами. Ленин неизменно шел во главе пролетарской партии, пролетарского движения. Через экономические стачки 90-х годов, всеобщие стачки и политические демонстрации начала 900-х годов, через революцию 1905—7 гг., через жесточайшую реакцию 1908—10 гг., через новый революционный подъем 1911—14 гг., через грабительскую империалистическую войну—к Февральской революции 1917 года, свергнувшей царизм,

---

[1]) См. „Ленинский сборник", II, стр. 132.
[2]) См. там же, стр. 133.
[3]) См. Н. Ленин, „Государство и революция", стр. 46.

к Октябрьской революции, к гражданской войне, через нее к нэпу, к новым задачам, к новым классовым битвам. Так шел путь борьбы революционного пролетариата и идущих за ним широких масс крестьянства в течение трех последних десятилетий. И одновременно шло развитие, оформление и укрепление нашей партии.

Через Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", через „Искру" и ее неутомимую работу по сплочению нашей партии—ко второму съезду партии в 1903 году; и далее через раскол на II съезде, через пятнадцатилетнюю борьбу большевизма с меньшевизмом, троцкизмом, ликвидаторством и социал-шовинизмом; через выход из подполья после Февральской революции, через апрельскую конференцию 1917 года—к Октябрю и РКП (б.). Так шел путь большевизма.

В. И. Ленин неизменно стоял во главе этой великой революционной работы по строительству нашей партии. Ленин—величайший революционный теоретик нашего времени. Ленин—величайший революционный практик нашей эпохи. Ленин—вождь мировой пролетарской революции.

VI.

Ленин и партия.

Было бы самым лучшим, если бы можно было при освещении той или другой стороны жизни и работы тов. Ленина, не прибегать к такому несовершенному инструменту, каким является доклад.

Было бы в значительной степени лучше, если бы можно было слова соединить с экраном и воспроизводить цитаты из сочинений тов. Ленина на больших освещенных полотнах.

Каждый, кто читал и перечитывал статьи, брошюры и книги тов. Ленина, знает, что нет лучшего способа рассказать о Ленине, как взять то, что он сам говорил по тем или другим вопросам. Это с особенной силой относится к той теме, которую на этом торжественном собрании должен осветить я.

Вождь пролетарской революции, каким был Ленин, не мог не быть вождем-строителем нашей партии. Пролетарская революция является движением исключительно массовым и в гигантской степени стихийным, и вождь такого массового, исключительного по своей стихийности движения, не может осуществить руководство массами, если само движение из недр своих не выдвинет такого стального передового отряда, каким является партия.

Если наша коммунистическая партия является соединением рабочего движения с коммунистической революционно-пролетарской теорией, то строитель этой партии должен являться активнейшим фактором, который принимает непосредственное участие в процессе соединений массового рабочего движения с революционно-пролетарской теорией.

Строителем нашей партии тов. Ленин был прежде всего потому, что он на основе тех заветов, которые мы имели от основоположников марксизма, сумел создать новое пролетарское учение, которое мы называем ленинизмом. Ленин никогда не противопоставлял свое учение марксизму; он всегда всю свою долгую революционную жизнь оставался правоверным марксистом, он всю жизнь отстаивал революционный марксизм от всяких попыток мелкобуржуазной ревизии, он давал резкий отпор тем, кто пытался исказить, подчистить, изуродовать революционный марксизм в угоду буржуазии, или ее приспешников из среды мелкобуржуазных групп.

Тов. Ленин много раз повторял, что роль передового борца может выполнить только партия, которая владеет передовой революционной теорией. Товарищ Ленин неоднократно отмечал важность выработки этой теории. Он об этом писал уже в статьях, написанных в сибирской ссылке (статьи эти помещены в только-что вышедшем третьем сборнике, изданном Институтом Ленина; до сих пор они не были опубликованы). В одной из этих статей тов. Ленин ставит задачу разработки теории Маркса применительно к условиям и обстановке данной страны. Он пишет так: „Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, что он положил только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если не хотят отстать от жизни.

Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России“ [1]).

Итак, товарищи, в 1899 году, сидя в глухом сибирском селе и размышляя о принципах марксизма и о задачах рабочего движения, т. Ленин ясно формулировал ту задачу, которую сам впоследствии и выполнил.

Он указал, что мы, революционные марксисты, должны заняться самостоятельной разработкой теории Маркса, которая дала нам самое основное,—краеугольные камни. В своих статьях, написанных позже, после первой русской революции, в 1908—09 годах, Ленин еще раз возвращается к этому же вопросу. Он повторяет знаменитое изречение Энгельса, которое вам всем известно и которое сводится к тому, что марксизм не является незыблемой догмой, а является непосредственным призывом к революционному действию.

„Наше учение,—говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга,—не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А, упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу, мы подрываем его коренные теоретические основания—диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории“ [2]).

Ленин в 1908 году говорит о том, что революционные марксисты за последние годы были поставлены перед необходимостью выдвигать то одну теоретическую задачу, то другую, в зависимости

---

[1]) См. „Ленинский сборник“, III, стр. 15—16.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 138.

от того, как менялась общая обстановка классовой борьбы, которая развернулась на протяжении трехлетия 1905—07 гг. в нашей стране. Вот как ставил Ленин вопрос о революционно-пролетарской теории, какое значение он в деле строительства партии этой теории придавал.

Великим строителем партии Ленин является прежде всего потому, что он был основоположником той теории, на которую опирается в своей политике наша партия. Ленин, вождь подымающейся революции, создал теорию, которая в настоящее время является передовой теорией нашей эпохи, которая является теорией пролетарской революции. И не случайно, что Ленин создал свое учение именно на рубеже двух исторических эпох. Он взял опыт всех массовых движений своей эпохи, и прежде всего он взял опыт российских революций и под углом зрения этого опыта разработал целый ряд основных вопросов марксизма. В результате марксистского анализа массовых движений Ленин создал теорию, отвечающую практическим потребностям гигантского международного пролетарского движения, развернувшегося в эпоху империализма.

Ленин, как и вся наша партия, прошел через целый ряд исторических переходов,—от полукрепостничества к капитализму и от капитализма к коммунизму. Наша партия является потому такой исключительной партией, что она прошла через ряд исторических переходов, получила исключительный по богатству и разнообразию опыт.

Наша партия оформилась в период добуржуазной революции. Где вы найдете страну в Западной Европе, где мы имели бы такую рабочую партию, которая создавалась бы до эпохи буржуазной революции? Там этого не было. У нас же это было, а потому это является первым своеобразием, первым оригинальным условием, которое характеризует нашу партию. Но, зародившись в эпоху добуржуазной ревслюции, наша партия оформилась и окрепла, как партия большевистская, как последовательная революционно-пролетарская партия в эпоху буржуазно-демократической революции, в эпоху, когда перед нами основной политической задачей стояло свержение самодержавия и установление демократической республики; тогда мы выдвигали задачу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. И затем дальше наша партия действовала и вела массы к победе в эпоху мировой империалистической войны и начала пролетарской революции. Опыт, который проделал русский рабочий класс, опыт, который проделала наша партия,—этот опыт систематизировал, обобщил и разработал Ленин на основе теории Маркса и Энгельса.

В ленинизме есть четыре основных вопроса. Это—учение о диктатуре революционных классов, учение о рабоче-крестьянском блоке, ленинская постановка и разрешение национального вопроса и ленинское учение о партии. Ленин в каждый данный момент развития освободительного движения пролетариата умел

направлять свой острый взгляд то на одну, то на другую проблему, выдвигал то один, то другой вопрос, разрешение которого было практически необходимо для данного периода в развитии классовой борьбы пролетариата.

Вы знаете, что Ленин является творцом идеи рабоче-крестьянского блока, которая является одним из главнейших залогов наших успехов. В то же время вы знаете, что Ленин создал свою собственную школу в национальном вопросе, ибо Ленин не только сумел сформулировать основное в нацвопросе (право наций на самоопределение вплоть до отделения), но он сумел также ясно поставить вопрос об угнетенных народах Азии, Африки. В свете учения Ленина колониальный вопрос приобрел исключительное значение, которое всегда затушевывал Второй Интернационал. Заслуга Ленина в национальном вопросе заключается, главным образом, в этих двух основных пунктах.

Я приведу сейчас цитаты из двух работ Ленина, которые разделяет промежуток в целое десятилетие. Эти выдержки покажут, как Ленин умел обращать исключительное внимание на какую-нибудь одну из революционных задач данного времени для того, чтобы, выделив ее, обогатить практику и теорию рабочего класса. Одна цитата относится к 1907 году, приблизительно к половине его, когда тов. Ленин уже полностью заложил основы своего учения о рабоче-крестьянском блоке.

Он пишет так: „Исход нашей революции действительно зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы“ (курсив мой. *А. Б.*).

Вторая формулировка, 1917 г., гласит:

„В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и контр-революцией вообще, — в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного могучего влияния“.

Теперь возьмем другую цитату, относящуюся не к 1907 или 1917 году, а к 1923 году, которая берет вопрос об освободительном движении угнетенных национальностей Востока: „Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения, а именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение и

так, что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена" (курсив мой. *А. Б.*).

Ленин пристально искал рабочему классу таких союзников, которые ему помогут свергнуть трон царя. Этих союзников он нашел в крестьянстве. Ход развертывающейся борьбы привел Ленина к идее сотрудничества пролетариата и крестьянства и после свержения буржуазии к идее диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство.

Маркс и Энгельс отмечали в ряде своих работ моменты, когда крестьянство идет рука-об-руку с пролетариатом. В „18-е брюмера Луи-Бонапарта" Маркс указал, что Бонапарт, являясь представителем кулацких (по нашей терминологии) слоев деревни, беспощадно боролся с беднейшими слоями крестьянства, которые блокируются с рабочими („то деревенское население, которое направляет свою энергию вместе с городами на разрушение старого порядка"). Ленин в статье „III Интернационал и его место в истории", отмечая, что в России отсталость ее своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков, пишет: „Маркс еще в 1856 г. указывал, говоря о Пруссии, на возможность своеобразного сочетания пролетарской революции с крестьянской войной" [1]).

Ленин изучает внимательным образом крестьянский вопрос. Аграрная проблема—это одна из тех проблем, над которой Ильич работал на протяжении всей своей жизни. Он в крестьянстве нашел силу, которая помогла рабочему классу свалить иго царизма. И тогда он стал постепенно подходить к проблеме еще более обширной. Он выдвинул вопрос об освобождении угнетенных колониальных национальностей с тем, чтобы в их лице найти такого союзника, который поможет мировому пролетариату разрешить его историческую задачу, т.-е. свергнуть империализм. Вы видите, что одна и та же задача в различных постановках решается Лениным по сути дела с чрезвычайной однообразностью и в то же время с гигантской проницательностью и умением четко выявить сущность вопроса.

Я коснулся крестьянского вопроса для того, чтобы показать вам, как Ленин разрабатывал теорию Маркса и создавал свою собственную теорию — ленинизм. Попробуйте проделать такую работу: возьмите все сочинения Ленина и выпишите из каждого тома отдельные цитаты и формулировки, скажем, по вопросу о рабоче-крестьянском блоке, и вы увидите, как одна и та же формулировка или ее оттенки у тов. Ленина изменяются. То же самое попробуйте сделать и с его формулировкой по национальному вопросу; проследите, как у Ленина на протяжении всей его деятельности формулировалось требование „права нации на самоопределение",— и вы увидите опять-таки, как Ленин эту формулировку из года

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 185.

в год изменяет, улучшает, уточняет. Эти изменения глубоко связаны с практикой рабочего движения, Ленин их вносит не по мотивам стилистики, а потому, что новые задачи, встающие перед пролетариатом в процессе борьбы, требуют уточнения, конкретизации основной формулировки.

Идею рабоче-крестьянского блока Ленин дал нам в первую русскую революцию. Еще в своих статьях 1899 года Ленин ставил вопрос таким образом: сумеет ли русское крестьянство, опутанное со всех сторон крепостническими путами, задавленное исправником, выполнить роль борца против абсолютизма, против самодержавия. В то же время он говорил, что мы не исполнили бы заветов марксизма, если бы отказались от поддержки революционного движения крестьян.

Затем движение начало подыматься на высшую ступень; мы пережили волны аграрных беспорядков 1902 года. В нашей программе на втором съезде партии в 1903 году основным лозунгом Ленина было требование так-называемых „отрезков", т.-е. возвращения крестьянам земель, которые служили в руках помещиков орудием закабаления крестьянского хозяйства [1]).

Наступают предреволюционные годы, развертывается революция 1905—1907 года. Ленин выдвигает лозунг революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян, Ленин ставит вопрос о крестьянине, как союзнике рабочего в его борьбе с царизмом со всей остротой, со всей резкостью и беспощадностью.

„В самом деле,—говорит Ленин,—не ясно ли, что борьба за республику немыслима для пролетариата без союза его с мелкобуржуазной массой народа? Не ясно ли, что без революционной диктатуры пролетариата и крестьянства нет ни тени надежды на успех этой борьбы? Бороться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры—это все равно, как если бы Ойяма решил бороться с Куропаткиным под Мукденом, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден. Ведь, если мы, революционный народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, хотим „вместе бить" самодержавие, то мы должны также вместе добивать, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его. (Оговариваемся еще раз во избежание возможных недоразумений, что мы разумеем под республикой не только, и даже не столько, форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум" [2]). Ленин говорил о том, что буржуазно-демократическая революция, во главе которой в России станет рабочий класс, может быть значительно более выгодна пролетариату, чем буржуазии. И Ленин в одной из своих статей 1908 года дает такую резкую формулировку этой мысли:

---

[1]) Материалы, опубликованные в „Ленинск. сборнике", III, дают полное и точное представление об аграрной программе Ленина 1902—1903 гг.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 136.

„Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это — факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата,—все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обусловливает лишь контр-революционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции. Ибо „коалиция пролетариата и крестьянства", одерживающая победу в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" [1]).

В соответствии с этим Ленин выдвигает требование национализации земли, как аграрное требование „эпохи революционного восстания" [2]).

Ленин в течение всей своей революционной деятельности интересовался национальным вопросом, но вплотную Ленин занялся национальным вопросом только с 1912 года.

Я вам заранее могу сказать, что если вы сравните выступления Ленина по нац. вопросу в 1903 г. с той группой статей, которые он писал в 1912—1913 и 1914—1916 годах, то вы увидите, что, несмотря на ряд различий, налицо единая принципиальная линия.

Ленин начал заниматься вплотную национальным вопросом в 1912 году. Почему это так?

Возьмите статьи тов. Ленина периода 1912—1913 года, и вы увидите, как он всюду и везде отмечает движение, пробуждающееся в Азии.

Но на смену,—говорит он,—этой заживо гниющей буржуазии идет пролетариат европейских стран и молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам демократия азиатских стран" [3]).

И не только потому начал разрабатывать Ленин национальный вопрос с 1912 года, что он почувствовал, что уже начал формироваться колоссальный резерв мирового пролетариата, что он уже услышал железную поступь многомиллионных батальонов „демократии азиатских стран", а также и потому, что в 1912 году в России начинается новый революционный подъем, идет новая буржуазно-демократическая революция.

Ленин понял, что именно национальный вопрос выдвигается в качестве основного вопроса. Я должен сказать, что и идея ра-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 78—79.

[2]) Об этом же требовании, как требовании „эпохи революц. восстания", Ленин говорит в своей „Аграрн. программе рос. социал-демократии" (см. Лен. сборн., III).

[3]) Ленин, т. XIX, стр. 26.

боче-крестьянского блока, и ленинское разрешение национального вопроса, и постановка Лениным вопроса об освободительном движении угнетенных национальностей Востока являются лишь частью того общего, основного вопроса, который характерен для ленинизма, который является основным вопросом ленинизма,—вопроса о диктатуре пролетариата.

Этот вопрос разбирался Лениным на протяжении всей его революционной работы, он лежит в основе всех его стратегических планов и тактических построений. Товарищ Ленин, на протяжении всей своей революционной деятельности, в строгом соответствии с тем, как развивалась революционная классовая борьба рабочего класса и крестьянства в России, как двигалось развитие революции в Персии, Турции и Китае, как постепенно поднимались те или другие слои угнетенных, выдвигал то ту, то другую проблему.

Революция 1905 года в России. Товарищ Ленин выдвигает вопрос о диктатуре, и здесь же разрабатывает идею рабоче-крестьянского блока. Наступает отлив движения и полоса реакции после разгрома царским правительством революции. Но в то же время поднимается волна революции в Турции, Персии и Китае, а в 1912 году у нас в России начинается новый революционный подъем, идет подготовка новой буржуазно-демократической революции. Ленин, не переставая внимательно шлифовать свое учение о рабоче-крестьянском блоке, напирает на национальный вопрос и своим решением его обогащает теорию марксизма.

Надо отметить, что революция 1905—1907 года выдвинула идею Советов, которые после октября 1917 г. развернулись в Республику Советов.

Ленин в первую революцию отчетливо сказал, что Советы являются зародышем революционной власти, власти рабочего и крестьянина.

Я уже говорил о том, что Ленин, как строитель партии, прежде всего является строителем нашей теории. Ленин стал строителем и вождем нашей партии не только потому, что он был ее революционным теоретиком и ее выдающимся практиком, не только потому, что не терял никогда связи с массовым рабочим движением, но также и потому, что Ленин, работая, как активная сила процесса соединения рабочего движения с революционно-пролетарской теорией, сумел создать учение о партии, и не только его создать, но и воплотить его в жизнь.

Ведь, наша партия создана на основе тех организационных принципов, которые были изложены Лениным в его замечательной книге „Что делать?".

Вы видите, из каких черт складывается то, что дает нам основание видеть в Ленине величайшего строителя нашей партии. Если Ленин был строителем нашей партии, то и наша партия на протяжении трех десятилетий сложилась в такую силу, которая достойна своего вождя. Наша партия создана Лениным, и в то же время наша партия создала Ленина. Если немыслима наша партия без

Ленина, то мы не можем мыслить Ленина без нашей партии, мы не мыслим и международной пролетарской революции, и гигантского массового движения без нашей партии и без Ленина. Ленин именно есть та стоящая на рубеже двух эпох гигантская фигура, которая сумела поднять не только рабочее движение, но и движение гигантских угнетенных масс, которая сумела в ходе этой борьбы создать самую передовую революционную теорию нашего времени и которая сумела, вырастая на этой громадной базе, явиться вождем мировой пролетарской революции.

21-го января 1924 года Ленин умер. Мы продолжаем его дело и осуществляем его заветы. Ленин создал нашу партию, и в нашей партии живет Ленин.

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия (большевиков)!

VII.

Мировая война и большевизм.

„Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней".

Так писал В. И. Ленин в „Письме издалека" после первых дошедших до него известий о победе Февральской революции.

Мировая война породила Февральскую революцию, Февральская революция породила великий Октябрь, Октябрь создал Республику Советов, Республика Советов в огне гражданской войны выковала рабоче-крестьянскую Красную армию, Красная армия есть орудие государства, осуществляющего диктатуру пролетариата.

И в день десятилетия первой кровавой империалистской бойни пролетариату всех стран, рабочим Союза Советских Социалистических Республик, крестьянам нашей многонациональной страны, всем воинам Красной армии надо вспомнить не только о разорениях, истреблениях и ужасах грабительской войны капиталистов, не только о гнусной измене социал-демократического Интернационала, не только о грозной опасности и бедствиях империалистских войн, подготовляемых в настоящее время капиталистами всего мира,— но и о той исторической роли, которую сыграл большевизм — этот авангард международного движения революционных пролетариев.

Мировая капиталистическая война и большевизм — это два врага, стоящие друг против друга только для того, чтобы один из них перестал существовать, это — бой не на жизнь, а на смерть. И не только потому, что большевизм теоретически обосновал и практически выдвинул лозунг „превращения империалистской войны в войну гражданскую", но и потому, что этим был сделан первый шаг к реализации диктатуры пролетариата, к созданию новой формы государства—государства Советов—и к организации, через вооруженную борьбу, классовой армии трудящихся, направленной остреем своим против капитализма и на борьбу за коммунизм.

Мировая война капиталистов породила гражданскую войну угнетенных против капитализма. Гражданская война рабочих и крестьян России против вооруженного натиска бывших царских

генералов создала, выковала и укрепила первую в мире классовую армию рабочих и крестьян — рабоче-крестьянскую Красную армию Союза Советских Социалистических Республик.

Первая империалистская война заканчивает собой эпоху „мирного" развития капитализма и одновременно начинает „эпоху конца капитализма", эпоху империалистических войн и пролетарских революций. Мировая война взорвала капитализм, вскрыла все его противоречия. На острее этого перелома и развернулась революционная, теоретическая и практическая, работа большевизма. Оглядываясь в настоящее время назад, можно сказать, что эта подготовительная в широком историческом смысле работа развертывалась по трем основным направлениям.

Первое — постановка, обоснование и разъяснение лозунга „превращения империалистской войны в войну гражданскую".

Второе — подход к постановке лозунга „Республика Советов".

Третье — разъяснение предпосылок организации Третьего Интернационала и практическая работа по созданию „международной марксистской организации".

„Превращение империалистской войны в войну гражданскую,— таков был основной лозунг,— пишет тов. Зиновьев,— выдвинутый нами в самом начале войны" (см. „Против течения", стр. XII). Обосновывая этот лозунг в ряде статей, товарищ Ленин выводил его из опыта Парижской Коммуны, резолюций Базельского конгресса (1912 г.) и „условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами". В статье „Конференция заграничных секций РСДРП" (см. „Социал-Демократ", № 40, от 29 марта 1915 г.). Ленин в таких словах разъяснял этот лозунг: „Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.".

Из такой постановки вопроса с чрезвычайной последовательностью и резкостью вытекала задача вооружения рабочего класса. Еще в статье от 1-го ноября 1914 года (см. „Социал-Демократ", № 33) Ленин писал: „Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн". И эту мысль по-разному, в различных формулировках, все с большей и большей резкостью и конкретностью он повторял, разъяснял и растолковывал почти в каждой из своих статей за все время мировой войны. И особенно точно, конкретно и ясно развил В. И. Ленин эту свою основную идею в замечательной статье о лозунге разоружения (см. сборник „Социал Демократ", № 2, декабрь 1916 года). „Но тот не социалист,— читаем мы в этой статье,— кто ждет осуществления социализма

помимо социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века,— как и вообще в эпоху цивилизации,— это не кулак и не дубина, а войско". И дальше читаем: „Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами". И отсюда для Ленина вытекала единственно возможная тактика рабочего класса— „тактика, преследующая цель вооружения пролетариата". „Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию". И, зная это, В. И. Ленин с особенной настойчивостью подчеркивал, что „лишь после того, как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но только тогда — никоим образом не раньше". Так большевизм в эпоху мировой войны пером своего гениального вождя формулировал и разъяснял угнетенным всего мира лозунги, которые определяли содержание громаднейшего исторического периода. И всякому, кто умеет понимать революционные лозунги, должно быть ясно, что практическим выражением революционных лозунгов большевизма о гражданской войне и вооружении пролетариата, в период до и после Октябрьской революции, явилась организация Красной гвардии и развившейся из нее регулярной Красной армии. При этом Ленин не только „провозглашал" эти революционные лозунги, но он учил партию намечать и проводить ряд таких практических шагов, успех которых „неминуемо ведет к гражданской войне". Тов. Ленин учил, что „надо было обдумать систематические, последовательные, практические, безусловно осуществимые при всяком темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции".

В эпоху мировой войны большевизм теоретически подготовил основные предпосылки для той грандиозной революционной работы, которая была осуществлена российским пролетариатом и после создания первого в мире советского государства. И одной из основных работ в этом направлении был подход к выработке лозунга Республики Советов.

В самом начале войны 1914 — 1918 гг. Центральный Комитет нашей партии выдвинул такой политический лозунг: „Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование Республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем, в отличие от буржуазии, которая готова „обещать" что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской" (см. „Война и российская „социал-демократия",— „Социал-Демократ", № 33, от 1 ноября 1914 г.). В № 40 „Социал-Демократа", от 29 марта 1915 года, по поводу этого

лозунга мы читаем: „Добавим, что по вопросу о лозунге „Соединенных Штатов Европы“ дискуссия приняла односторонне политический характер, и вопрос решено было отложить до обсуждения в печати экономической стороны дела“. И далее в № 44 „Социал-Демократа“ (от 23 августа 1915 года) в статье тов. Ленина излагаются те соображения, в силу которых „редакция ЦО пришла к выводу о неправильности лозунга „Соединенных Штатов Европы“. Какие же это соображения? Во-первых, Соединенные Штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны“; во-вторых, „Соединенные Штаты Мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом“; в-третьих, „как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты Мира был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом, во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным“. И далее, намечая действия пролетариата, завоевавшего власть „в одной, отдельно взятой капиталистической стране“, тов. Ленин утверждает, что „политической формой общества, в котором побеждает рабочий класс, явится демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму“. В № 47 „Социал-Демократа“ (от 13 октября 1915 г.) в редакционной статье, посвященной „злободневным вопросам“ социал-демократической работы в России, выдвигаются снова лозунги „трех китов“ (демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день). Причем делаются следующие „добавления“: 1) призыв к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны, 2) лозунг „учредительного собрания“, как самостоятельный лозунг, не верен, ибо весь вопрос теперь в том, кто созовет его“, и 3) „Советы Рабочих Депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться как органы восстания, как органы революционной власти. Пользы в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения“. На вопрос же о „социальном содержании ближайшей революции в России“ эта статья отвечала, что таковым содержанием „может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. Следует указать, что в значительно более поздней статье (см. статью В. И. Ленина в „Сборнике Социал Демократа“, № 1, октябрь 1916 г.), мы находим резкие возражения против тех большевиков, которые „готовы были встать на точку зрения условной обороны,— обороны отечества под условием победоносной революции и победы республики в России“. По мнению тов Ленина, эти большевики оставались верны „букве большевизма“, но „изменяли духу его“. А в выше цитирован-

ной редакционной статье мы также читаем: „Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их „отечества" в данной войне".

Как только Февральская революция победила, в первой же своей статье т. Ленин, отмечая своеобразие текущего момента, „перехода от первого ко второму этапу революции", говорил, что единственной гарантией свободы и разрушения царизма до конца есть „вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов" (см. „Первый этап первой революции", „Правда", №№ 14 и 15 от 21 и 22 марта 1917 года). И, наконец, в своих знаменитых апрельских тезисах т. Ленин, отмечая, что второй этап революции „должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства", указывал, что „СРД есть единственно возможная форма революционного правительства", и формулировал тезис 5 й, гласящий: „не парламентарная республика,— возвращение к ней от СРД было бы шагом назад,— а Республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху". И, несмотря на то, что, как говорил т. Зиновьев: „мы должны признать, что в этом вопросе (о „демократической республике". *А. Б.*) у нас с 1915—1917 года была некоторая недоговоренность и неясность" (см. „История РКП (б.)", стр. 177). Мы видим, как большевизм в течение долгих месяцев и лет империалистской войны, на основе опыта революции 1905 года в России и Парижской Коммуны 1871 года во Франции, подходил к постановке лозунга Республики Советов, которую Октябрьская революция сделала реальным фактом, столь ненавистным капиталистам всех стран мира.

В предисловии к книге „Против течения" т. Зиновьев, рисуя безмерно трудную работу большевизма по созданию предпосылок организации III Интернационала, говорит: „Мы начинали борьбу против тсоциал-шовинизма маленькой группой; мы начинали эту борьбу огда, когда мутная волна оборончества захлестывала рабочие организации всех стран, когда в Германии даже Карл Либкнехт еще не голосовал открыто против военных кредитов". Тогда уже большевизмом был выдвинут лозунг создания III Интернационала, очищенного не только от „перебежчиков", но и от „оппортунизма",— Интернационала против социал-патриотов и против каутскианского центра. Эта работа в годы империалистской войны была поистине грандиозна. Приходилось не только разъяснять изо дня в день необходимость организации Интернационала „только на базе невульгаризированного марксизма", который сплотил интернационалистические элементы международного рабочего движения. Приходилось бороться не только против шовинистов, последовательно проводивших „политику оппортунизма", но и против „людей", растерявшихся и колеблющихся, которые на словах энергично отмахивались от социал-шовинистов, а на деле плелись за самыми гнуснейшими предателями социализма. Тов. Ленин в одной из своих статей в „Социал-Демократе" (см. № 35, от 12 де-

кабря 1914 г.) писал, что „часть гибнущих" в этом течении „может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением", т.-е. с социал-патриотизмом. В те неслыханно тяжелые месяцы и годы приходилось собирать действительно интернационалистические элементы нередко чуть ли не по одному человеку. Недаром тов. Зиновьев отмечает, что „Циммервальдская левая представляла тогда численно очень небольшую силу". „Интернационал,— писал в то время тов. Ленин,— состоит в том, чтобы сближались между собой (сначала идейно, а потом, в свое время, и организационно) люди, способные в наши трудные дни отстаивать социалистический интернационализм на деле, т.-е. собирать свои силы и „стрелять вторыми" против правительства и командующих классов каждый своего „отечества". Под этим резко формулированным революционным лозунгом большевизму в те годы пришлось проделать и в России и за границей громадную организационную работу. И это была работа не только по созданию „Российской секции марксистского Интернационала", но и по закладыванию первых камней в фундамент Коммунистического Интернационала.

В эти годы большевизм выступил как организатор революционно-пролетарских сил в международном масштабе. Так-называемая „Циммервальдская левая" была первым организационным выражением этой работы большевизма. Так, в годы империалистской войны создавались предпосылки организации Коммунистического Интернационала. Здесь мы стоим у истоков Коминтерна.

С начала первой империалистской войны прошло десять лет. В настоящее время международный пролетариат имеет три основных силы, направленных против империалистской войны— Союз Советских Социалистических Республик, рабоче-крестьянскую Красную армию и III Коммунистический Интернационал. Бороться против грозной опасности новой капиталистической бойни — это значит в первую очередь укреплять Союз Советских Республик, Красную армию и Коминтерн.

В тягчайшие годы мировой войны, 1914 — 1918 гг., большевизм создал основные теоретические предпосылки, которые расчистили путь для создания и закрепления трех основных факторов, направленных против империалистской войны, против мирового империализма, за коммунизм. Первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, явилась той дорогой, которая привела международное рабочее движение к созданию советского государства, Красной армии и Коминтерна. Эти силы выросли только для того, чтобы сделать невозможным капиталистические войны. Они подготовят последнюю революцию, которая уничтожит империализм, а вместе с ним и кровавые империалистские войны.

VIII.

„Уроки Октября“ и троцкизм.

1. О чем говорит книга тов. Троцкого.

Мы принуждены говорить о новой книге тов. Троцкого „1917“ с введением „Уроки Октября“ — в первую очередь потому, что эта книга является не просто литературным произведением, она представляет собой политическое выступление, имеющее внутрипартийное значение. Характерной особенностью этой книги является то, что в ней т. Троцкий переходит в некое весьма решительное наступление. Против чего и против кого переходит в наступление в этой книге т. Троцкий? Это — первый вопрос, на который надо дать точный ответ.

Тов. Троцкий, как мы все прекрасно знаем, искусный литератор, и чтобы уловить основное в его новой книге, приходится эту книгу читать особенно внимательно. Тов. Троцкий касается целого ряда тем, теснейшим образом связанных с эпохой Октябрьской революции.

Он прежде всего характеризует те разногласия, которые имели место в 1917 году и говорит, что эти разногласия были „очень глубоки и отнюдь не случайны“ [1]). Для того, чтобы характеризовать глубину этих разногласий, т. Троцкий говорит следующее: „Если бы эта политика (т.-е. та политика, в которой он обвиняет известную часть руководящих кругов нашей собственной партии. *А. Б.*) воспреобладала, развитие революции пошло бы в обход нашей партии, и мы получили бы в конце-концов восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами, июльские дни гигантского масштаба, т.-е. уже не как эпизод, а как катастрофу.

Совершенно очевидно, что непосредственным последствием такой катастрофы явился бы разгром партии. Этим дается мера всей глубины разногласий“ [2]).

И далее т. Троцкий переходит к нынешнему дню. Он касается тех неудач, которые мы пережили в 1923 году—неудачи в Бол-

---

[1]) „1917“, т. III, ч. I, стр. XII.
[2]) Тоже, стр. XVIII.

гарии и неудачи в Германии. Оценивая неудачу германского восстания, т. Троцкий говорит: „Здесь мы наблюдаем классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения" (см. стр. XII).

Пойдем дальше: „конечно, — продолжает т. Троцкий,—одного изучения Октябрьской революции недостаточно для победы в других странах, но могут быть условия, когда все предпосылки для революции налицо, кроме дальнозоркого решительного партийного руководства" (см. стр. XIV).

Сопоставляя все то, что я сейчас процитировал из книги т. Троцкого, получается такая цепь умозаключений: первое — в Октябре 1917 года в нашей среде имели место такие разногласия, что ежели бы возобладала ошибочная позиция, то мы имели бы „катастрофу" и „разгром"; второе — в 1923 году в практике Коминтерна имелся „случай", когда была, по мнению т. Троцкого, упущена „совершенно исключительная революционная ситуация", и, наконец, третье — в связи с последним утверждается, что налицо были „все предпосылки для революции", кроме „дальнозоркого и решительного партийного руководства". Здесь т. Троцкий, нужно прямо это сказать, системой недомолвок, намеков и полунамеков бьет по тому, что названо „партийным руководством", свои обвинения он направляет по адресу „руководства" нашей партией и Коминтерном. Тов. Троцкий за последнее время не один раз выступал против руководящих кругов нашей партии, и здесь мы видим такую же попытку, при чем, как будет видно далее, эта попытка принимает иной характер, даже чем это было в его книге „Новый курс", выпущенной приблизительно полгода тому назад.

Известно, что в октябрьские дни т. Зиновьев и т. Каменев, которые сейчас входят в руководящее ядро нашего Центрального Комитета и руководящее ядро Коминтерна, сделали в то время ошибку, о которой, как говорил еще т. Ленин, у нас в партии „неохотно теперь вспоминают". И тов. Троцкий, говоря об „изучении Октября", фактически, на деле совершает вылазку, переходит в наступление против руководящих большевистских кадров, против Центрального Комитета, против нашего партийного руководства.

Тов. Троцкий говорит в своей книге: „было бы слишком мизерно пытаться делать из них (т. е. из октябрьских разногласий. *А. Б.*) спустя несколько лет орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался" [1]. На деле же под флагом „изучения" Октябрьской революции тов. Троцкий начинает снова свою работу по дискредитированию ближайших учеников Ленина. Если вспомнить некоторые писания т. Троцкого, относящиеся к прошлогодней дискуссии, то будет ясно видно, что в этом пункте т. Троцкий продолжает свою старую линию. Я позволю себе очень кратко на-

[1]) „1917", стр. XII.

помнить, что писал тогда т. Троцкий. Тогда т. Троцкий замахнулся на нашу старую большевистскую гвардию, говоря, что старой гвардии угрожает опасность перерождения, при чем он тут же сослался на пример вождей II Интернационала. Он писал в своей книжке „Новый курс" следующее: „Иначе старики могут окоснеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма" (см. стр. 80).

Тут мне приходится сказать, что, ведь, эта линия дискредитирования ближайших учеников Ленина, линия борьбы против вождей большевизма — это дело знакомо т. Троцкому по тем временам, когда он в нашу партию не входил, стоял вне рядов большевизма, и когда он, главным образом, занимался тем делом, которое, к нашему величайшему сожалению, он снова начинает в своей новой книге.

В этой книге он так изображает дело, что у всякого, и особенно молодого члена партии, создается совершенно превратное представление и о позиции Центрального Комитета в Октябре, и о роли Ленина в то время, и о роли Троцкого и т. д. Тов. Троцкий не только выступает против ЦК и партийного руководства,—он неправильно характеризует в книге состояние партии в предоктябрьскую и октябрьскую эпоху.

Тов. Троцкий пишет, что в моменты крупных исторических поворотов бывает так, что „партия разъедается кризисом, а движение идет мимо нее к поражению" [1]). И бывает это тогда: „если поворот слишком крут или слишком внезапен, а предшествующий период накопил слишком много элементов инерции и консерватизма в руководящих органах партии, партия оказывается неспособной осуществить свое руководство в наиболее ответственный момент, к которому она готовилась в течение годов или десятилетий" [2]).

Исходя из такой предпосылки, т. Троцкий обрушивается на партию с такой характеристикой: „Все, что в партии остается нерешительного, скептического, соглашательского, капитулянтского, меньшевистского, поднимается против восстания, ищет для своей оппозиции теоретических формул и находит их готовыми у вчерашних противников—оппортунистов. Это явление мы будем еще наблюдать не раз" [3]).

И, конечно, младенец понимает, куда метят все эти „характеристики", столь обильно рассыпанные во введении т. Троцкого „Уроки Октября".

Но в своей книге т. Троцкий касается не только этого вопроса, вопроса о партийной верхушке, о ЦК, о партийном руководстве и связывает все это с нынешним днем, — он касается также одной чрезвычайно важной темы, которая в свое время была предметом обсуждений и споров на протяжении чуть ли

---

[1]) „1917", предисловие, стр. XV.
[2]) Тоже, стр. XIV—XV.
[3]) Тоже, стр. XVI.

не целых десятилетий развития революционного движения в России, именно вопроса о характере революции, связывая это с Октябрем. Тов. Троцкий так и говорит: „Теперь, несколько лет после Октября, заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 года, значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики“ [1]).

Таким образом т. Троцкий имеет намерение на опыте Октябрьской революции возвратиться снова к „проверке точек зрения на революцию“. В прежние времена имелись три точки зрения на революцию. Одна, которую отстаивали мы, другая точка зрения, которую отстаивали меньшевики, и третья, которую отстаивал т. Троцкий. И т. Троцкий хочет опыт Октября привлечь к тому, чтобы снова „проверить“ эти точки зрения. Меньшевики проповедывали, что российская революция — буржуазная революция, что сделает ее буржуазия, что перед нами перспектива только парламентской буржуазно-демократической республики. Точка зрения наша была другая: мы выдвигали тогда идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. При чем уже тогда (в 1905 году) тов. Ленин писал о том, что „у революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контр-революцией возможно „единство воли“ пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму [2]).

Приведя эту цитату в „Письме о тактике“, он добавляет (в апреле 1917 года), что он не рассчитывает на „немедленное перерождение“ нашей революции в социалистическую [3]). Тов. Ленин сам понимал и нас учил тому, что нельзя перепрыгнуть через развитие крестьянского движения, что пролетариат может подниматься от буржуазно-демократической к социалистической революции (от капитализма к социализму), только поднимая крестьянство, не отрываясь от него, а ведя за собой миллионные массы крестьянства. В этом была и есть суть ленинской стратегии и тактики.

Тов. Троцкий стоял на точке зрения „перманентной революции“.

Эта точка зрения т. Троцкого, как об этом неоднократно говорил т. Ленин, страдала той ошибкой, что она недооценивала

---

[1]) „1917“, предисловие, стр. XVI.
[2]) Ленин, Соб. сочин., т. VI, стр. 359.
[3]) Тоже, том XIV, ч. 1, стр. 35.

роль крестьянства, что она, выдвигая лозунг социалистической диктатуры рабочего класса, перепрыгивала через революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, перепрыгивала через крестьянство, недооценивала роль последнего. Таким образом в своей новой книге т. Троцкий берет одну из важнейших тем, и если он здесь снова колеблется к своей старой позиции, тем самым он попадает в такое положение, что должен будет выступить против ленинизма и неправильно истолковать весь опыт Октябрьской революции. С т. Троцким такая история и произошла. Характерная особенность новой книги т. Троцкого в том и состоит, что он встал на свою старую троцкистскую позицию, перейдя при этом в решительное наступление. Я позволю себе прежде всего остановиться на ходе мыслей т. Троцкого.

Тов. Троцкий говорит, что „Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство". Это — первая формулировка. Дальше т. Троцкий дает вторую формулировку, где он подвергает сомнению правильность утверждения Ленина, что после Февральской революции революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства „уже осуществилась", стала фактом.

После Февральской революциии, в апреле месяце, т. Ленин писал об этом ясно и точно [1]). Против этого т. Троцкий пишет так: „демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднявшаяся до подлинной власти форма, как тенденция, но не как факт".

Тов. Ленин говорил в апреле месяце, что революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства в России стала фактом.

Это т. Троцкий подвергает сомнению. И дальше, он говорит следующее: третья формулировка — „На апрельской конференции формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства теоретически и политически распалась и выделила две враждебные точки зрения" [2]).

Вот какие три формулировки мы имеем у т. Троцкого по этому важнейшему вопросу о характере революции.

Ясно, что т. Троцкий пересматривает точку зрения Ленина на характер революции.

По Троцкому выходит, во-первых, что ленинская формула могла иметь значение „лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата..."; во-вторых, что, вопреки мнению Ленина, эта формула в жизни не осуществилась, и, в-третьих, что на

---

[1]) Ленин, Соб. сочин., т. XIV, ч. I, стр. 28 — 29.
[2]) „1917", предисловие, стр. XXXI.

апрельской конференции эта формула „теоретически и политически распалась".

Так Троцкий в 1924 году ликвидировал ленинскую идею о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. И делает он это в интересах защиты своей собственной точки зрения на характер революции, т.-е. защиты формулы перманентной революции. Здесь тов. Троцкий опять возвращается к своему старому, возвращается к тому времени, когда он не был в рядах нашей партии и против нее боролся. Но здесь он возвращается не только к своему давнему прошлому, но также и к своему недавнему прошлому, т.-е. к прошлогодней дискуссии. И опять придется напомнить то, что тов. Троцкий писал во время прошлогодней дискуссии. Он писал так: „Что касается теории перманентной революции я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что я писал по этому поводу в 1904-05—06 гг. и позже" [1]). И далее: „Таким образом, идея перманентной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма" (см. стр. 51). И, обращаясь к молодым товарищам, „которые не устают учиться", он говорит: „эти товарищи хорошо сделают, если самостоятельно прочтут, с карандашом в руках, тогдашние работы за и против перманентной революции и попытаются провести от этих работ нити к Октябрю, что не так уж трудно" [2]) Вы видите, куда и здесь метит тов. Троцкий. Он хочет того, чтобы молодые товарищи пересмотрели полемику Ленина и Троцкого о перманентной революции и провели ниточку от Троцкого к Октябрю. Едва ли эта работа в интересах партии, ибо она направлена к пересмотру ленинизма, т.-е. против него. Эту работу тов. Троцкий делал в прошлую оппозицию. В своей книге, о которой мы сейчас с вами говорим, он эту работу продолжает..

Из довольно обширного введения тов. Троцкого я взял лишь две темы: о партийном руководстве и о характере революции. Эти темы немаленькие, они имеют ближайшее касательство к тому, что называется ленинизмом. И мы видели, что тов. Троцкий продолжает свою работу, которую он вел год назад, т.-е. он стремится к восстановлению троцкизма и к подрыву ленинизма. Это нужно понять каждому члену партии. Раз тов. Троцкий этой своей работы не прекращает, и раз эта работа является отрыжкой того, что было характерно для Троцкого того времени, когда он не был еще большевиком, а нередко действовал вместе с меньшевиками против нас и тов. Ленина, то этот вопрос приобретает еще более крупное значение и заставляет нас напомнить, в первую голову молодым товарищам, некоторые факты из истории нашей партии.

---

[1]) Троцкий, «Новый курс», стр. 50.
[2]) Тоже, стр. 52.

2. Как Троцкий боролся против ленинизма.

Раз тов. Троцкий не отказывается от своих ошибок прошлогодней дискуссии, раз он повторяет не только свои прошлогодние ошибки, но и те, которые относятся к давнему прошлому, когда тов. Троцкий не был в рядах нашей партии, то приходится касаться сейчас таких тем, которых мы до сих пор не касались, которых мы не желали касаться, избегали это делать, и которые сейчас необходимо осветить перед партией со всей ясностью.

Тов. Троцкий вступил в РКП (б.) в июле 1917 года. До этого он находился вне рядов большевизма. Небезынтересно установить, где же в то время был тов. Троцкий? В § 41 политического устава, составленного в 1922 году, мы читаем:

„Председателем Революционного Военного Совета Республики и народным комиссаром по военным и морским делам по назначению ВЦИК'а с 1918 года состоит вождь Красной армии тов. Троцкий, Лев Давидович. Тов Троцкий родился в 1874 году в деревне Яновке, Елисаветградского уезда, Херсонской губернии. Молодым юношей он вступил в городе Николаеве в тайный „Южно-Русский союз". Здесь тов. Троцкий был арестован. Около $2^1/_2$ лет он просидел в тюрьме, а потом был сослан в Сибирь. Во время революции 1905 года тов. Троцкий был товарищем председателя Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Когда Совет был арестован, тов. Троцкий вторично приговорен к ссылке, но бежал за границу. За границей тов. Троцкий продолжал дело служения рабочему классу".

Посмотрим, в чем выражалось в то время служение тов. Троцкого делу рабочего класса. Начнем несколько ранее этого периода. Известно, что на II съезде нашей партии в 1903 году произошел раскол и образовались меньшевизм и большевизм. С тех пор в течение долгих лет большевизм, эта доподлинно революционная пролетарская партия, во главе с тов. Лениным, неустанно боролся против всех и всяческих попыток совлечения рабочего движения с правильного революционного пути. У большевизма было много противников. На него в течение многих лет наседал меньшевизм, наседали и эсеры. Немало стрел пустил в наш лагерь из своего колчана и тов. Троцкий. Когда на II съезде партии в 1903 году возгорелся спор о § 1 устава, т. е. о том, как следует строить партию рабочего класса, и когда тов. Ленин выступил со своим проектом организации партии, то тов. Троцкий, бывший до этого с Лениным, выступил против него. В 1904 году тов. Троцкий выпустил брошюру „Наши политические задачи", в которой весьма резко выступает против большевиков и Ленина. В этой брошюре он так характеризовал организационные методы большевизма: „Во внутрипартийной политике эти методы приводят... к тому, что партийная организация „замещает" собой партию, ЦК замещает собой партийную организацию и, наконец, „диктатор" замещает собой ЦК, далее к тому, что комитеты

делают „направление“ и отменяют его в то время, как „народ безмолвствует“ [1]). Относительно этого „диктатора“ там же мы читаем такие строки: „Поистине нельзя относиться с большим цинизмом к лучшему, идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин. Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства,—нет, это половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть“ (см. стр. 75). Там же тов. Троцкий называет Ленина „вождем реакционного крыла нашей партии“, который дает „такое определение социал-демократии, которое, по мнению Троцкого, представляет собой не что иное, как теоретическое покушение на классовый характер нашей партии“ (курсив Троцкого). Добавляя при этом: „Да, теоретическое покушение нисколько не менее опасное, чем критические идеи какого нибудь Бернштейна“ (см. стр. 98).

Тов. Троцкий не понимал тогда идеи диктатуры пролетариата и не понимал значения партии в установлении и удержании этой диктатуры. В то время уральские большевики, учитывая опыт Парижской Коммуны 1871 года, делали вывод, что рабочему классу нужна „сильная, властная организация“. Тов. Троцкий решительнейшим образом восстал против этого и писал так: „авторы документа имеют мужество отрыто заявить, что диктатура пролетариата рисуется им, как диктатура над пролетариатом,—не самодеятельный рабочий класс, взявший в свои руки судьбу общества, а „сильная, властная организация“, господствующая над пролетариатом и через него над обществом, обеспечит переход к социализму“ (см. стр. 102).

Вы видите, как резко выступал т. Троцкий против основ ленинизма. Далее, он бросал уральским товарищам такие обвинения: „Уральские товарищи вполне последовательны в деле замены диктатуры пролетариата диктатурой над пролетариатом, политического господства класса—организационным господством над классом. Но эта последовательность не марксистов, а якобинцев или их переложения на „социалистический“ язык—бланкистов... разумеется, с самобытным ароматом уральской культуры“ (см. стр. 102). И, переходя к Ленину, он бросает ему обвинения в том, что тот приготовляет себе местечко в этой системе диктатуры над рабочим классом. Он пишет так: „разве Ленин не знает, кому в системе уральского социал-демократического буланжизма уготовляется центральная роль. И разве он протестует против этого, возведенного в теорию издевательства над социалистической партией. Он молчит. Более того: он молчит по этим вопросам так красноречиво, что всем кажется, будто он предвкушает и внутренно охорашивается“ (см. стр. 106).

Так боролся т. Троцкий против Ленина и большевизма до ре-

---

[1]) Н. Троцкий, „Наши политические задачи“, Женева, 1904 г., стр. 54.

волюции 1905 года. В революции 1905 года т. Троцкий приближается к большевизму, но не настолько близко, чтобы притти к нему по-настоящему. В этот период он, между прочим, и выступает со своей теорией перманентной революции (см. его „Политические письма", 2-е издание). С наступлением реакции после поражения революции 1905 года т. Троцкий снова приближается, а потом и соединяется с самым отъявленным меньшевизмом. Мы знаем, что период 1908—1914 гг. был периодом, когда меньшевизм превратился в ликвидаторство. Тов. Ленин в то время так характеризовал ликвидаторов. Он писал: „Ликвидаторы — это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду. Ликвидаторы — изменники марксизма и изменники демократии". Ликвидаторы — эти бывшие меньшевики — ставили крест над революцией и отрекались от подпольной партии, заявляя, что тяга к революционному подполью является прискорбным фактом. Они вели самую беспощадную и самую бессовестную борьбу с большевиками. И в это время т. Троцкий на деле настолько близко подходит к этим „изменникам марксизма" и „изменникам демократии", что вступает с ними в блок. В это время т. Троцкий начинает издавать в Вене свою газету, которая называлась: рабочая газета „Правда". Он ставит себе целью объединение всех фракций. Он заявлял себя „нефракционным", но на самом деле поддерживал ликвидаторов и боролся с большевиками. В 1912 году тов. Троцкий входит в так-называемый „августовский блок" и принимает участие в конференции 1912 года. И здесь же небезынтересно привести свидетельства Мартова, с которым в те времена Троцкий находился в одном лагере. В письме Мартова к Ю. Чацкому от 16-го мая 1912 года читаем: „Сила вещей заставляет Троцкого итти меньшевистским путем вопреки его надуманным планам о каком-то „синтезе" между историческим меньшевизмом и историческим большевизмом. Благодаря этому и благодаря противоречию его движения намеченной им схеме он не только попал в лагерь „ликвидаторского блока", но и вынужден занимать в нем самую „драчливую" позицию по отношению к Ленину" (см. письма Аксельрода и Мартова, ч. I, 1924 г., стр. 233). В 1913 году у т. Троцкого вышла некоторая размолвка с ликвидаторами. Он выходит из состава сотрудников ликвидаторской „Нашей Зари". В своем письме в редакцию этого журнала он пишет следующее: „Из своего выхода я ни в коем случае не хотел бы делать политическую демонстрацию. Поэтому я не прошу вас печатать настоящее письмо. Но я весьма прошу вас опубликовать в ближайшей книжке список ваших сотрудников, опустив при этом мое имя".

Не зачем, надеюсь, пояснять, что мое выступление из „Н. З." не есть „разрыв с ликвидаторством",—по самому существу своему оно означает лишь то, что я не желаю нести ответственность за ликвидаторство, как таковое, после того, как созданы рамки партийно-оформленного сотрудничества с ликвидаторством" (там же, стр. 274; письмо Троцкого помечено 7-м февраля 1913 года)

Когда вышла „Правда", Троцкий встретил ее запросом: почему присваивается название его газеты? В этой же статье он не отказал себе в удовольствии охарактеризовать нашу партию—„Ленинский кружок", по его терминологии,— как „воплощение фракционной реакции и раскольнического своеволия". Тогда Троцкий держал курс на „европейскую социал-демократию". В журнале „Борьба" (1914 г.) т. Троцкий писал так: „Приступая к выполнению нашей задачи, мы исходим из основных идей, формулированных в августе 1912 г. Это значит для нас, прежде всего, в порядке исторического дня стоит действенное сплочение социал-демократических рабочих, независимо от их фракционнного происхождения. Это значит, далее, что мы не связываем судьбу рабочего движения с судьбой большевизма или меньшевизма, ленинизма или ликвидаторства, взятых в отдельности. Опыт слишком ярко свидетельствует, что эти линии не расходятся на практике, а наоборот, неотвратимо сближаются в направлении европейской социал-демократии". Во время войны он снова делает зигзаг в сторону большевизма, но так же, как и всегда, половинчато и далеко не до конца. Сам Троцкий пишет об этом в предисловии к I тому „Война и революция" (в марте 1919 г.) следующее: „Однако, было три пункта, где „Наше Слово"— и после того, как оно окончательно перешло в руки левого крыла редакции—не сходилось с „Социал-Демократом". Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. „Наше Слово" отвергало пораженчество. „Социал-Демократ" отвергал лозунг борьбы за мир, опасаясь, что за ним укроются пацифистские тенденции, и противопоставляя ему гражданскую войну. Наконец, „Наше Слово" стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. „Социал-Демократ" продолжал оставаться на позиции „демократической" диктатуры пролетариата и крестьянства. Мартовская революция ликвидировала эти разногласия" (см. стр. 27).

После Февральской революции т. Троцкий не сразу пришел к большевикам. Он вошел сначала в состав межрайонной организации. Тов. Еремеев в своих воспоминаниях о том, как Троцкий пришел в редакцию нашей газеты „Правда", рассказывает следующее: „Когда т. Троцкий приехал из за границы, т. Ленин уже был в Ленинграде, а также Зиновьев и Каменев. Тогда работа сосредоточилась в редакции „Правды", возобновившейся после военного разгрома. И я очень хорошо помню появление т. Троцкого. Он приехал и не показывался к нам никак недели две с небольшим, хотя было ожидание, и некоторые из нас были такими оптимистами, что думали, что как только т. Троцкий приедет, стремглав бросится в редакцию „Правды" и скажет: я ваш. На самом же деле он не пошел в редакцию „Правды"... и не пошел вообще ни в какую организацию, кроме районной организации, которая имела к нему тяготение".

И далее. „И когда он пришел в редакцию „Правды",

то там был Ленин, Зиновьев и Каменев. Сидел и я. И вот пришел Троцкий, закрыли дверь,—как же, надо поговорить серьезно. И разговор шел примерно такой, когда приходит джентльмен в малознакомое место и говорит о погоде. Потом Владимир Ильич смеялся: „Вот поговорили о погоде". Говорили так, между прочим, говорили вообще, но не приступили к делу. После этого отдельно с тов. Троцким говорил тов. Каменев и только тогда он дал свою первую статью".

На знамени, под которым шел в течение долгих лет тов. Троцкий было написано: „...разрушение самых основ ленинизма, который несовместим с партийно-политической организацией рабочих" (см. письмо тов. Троцкого к Чхеидзе от 1-го апреля 1913 года).

И характерным для Троцкого той эпохи было отношение к Ленину, выраженное в следующих словах: „...Ленин, этот профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении" (см. то же письмо).

В своих статьях, относящихся к периоду прошлой дискуссии, т. Троцкий писал: „Поскольку я лично вынужден на минуту спуститься в эту область (т.-е. в область справок биографического характера. *А. Б.*), скажу: я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком" (см. „Новый курс", стр. 48). Судите сами, насколько „надежен" и „прочен" был тот путь, которым шел Троцкий. Троцкий говорит, что он шел к Ленину с боями. Во-первых, он не шел, а стоял на одном месте рядом с меньшевиками и ликвидаторами, нередко вместе с ними. Во-вторых, стоя на этом самом месте в течение добрых полтора десятка лет, он вел непрестанные бои против большевизма и против Ленина. Троцкй пишет, что он пришел к Ленину полностью и целиком. По опыту нынешнего года вы можете прекрасно судить, насколько это утверждение правильно.

3. Как Ленин боролся против троцкизма.

Первой исторической справкой я имел цель показать, как в течение около полтора десятка лет тов. Троцкий боролся против большевизма и против Ленина. Теперь я позволю себе остановиться на том, как Ленин боролся с Троцким и троцкизмом.

Тов. Ленин в 1919 году в статье „Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата" писал: „Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе является длительная и упорная беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке. Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом (а равно и анархизмом) в рабочем движении не может быть и речи о дик-

татуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в 1917—19 гг., если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 гг., беспощадно изгонять из партии революционного авангарда и побеждать меньшевиков, т.-е. оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов [1]). Большевикам за время с 1903 по 1917 гг. пришлось выдержать ожесточенную борьбу не только против меньшевизма, ликвидаторства и социал-шовинизма, но таже и против троцкизма. Об этом до сих пор не было надобности вспоминать; сейчас же об этом приходится говорить. И если приходится об этом говорить, то надо говорить точно и определенно, всю правду до конца. Большевизму и Ленину пришлось немало копий переломать в борьбе с троцкизмом. Если просмотреть все то, что написано тов. Лениным за время с 1903 по начало 1917 года, то в каждом периоде мы можем видеть, как тов. Ленин борется не только с меньшевизмом, с ликвидаторством, с социал-шовинизмом, но и с троцкизмом. Я не буду останавливаться на этом хоть сколько-нибудь подробно. Ясно по предыдущему, что тов. Ленину приходилось очень часто в своих выступлениях, в статьях и брошюрах критиковать позицию Троцкого, бороться против троцкизма. Это мы наблюдаем и в период ликвидаторства в годы реакции. Это мы наблюдаем и во время войны. Еще на II съезде партии, выступая против Троцкого, поддерживавшего § 1 устава в формулировке Мартова, тов. Ленин говорил так: „Тов. Троцкий очень неправильно понял основную мысль моей книги „Что делать?“, когда говорил, что партия не есть заговорщическая организация (это возражение мне делали и многие другие). Он забыл, что я предлагаю в своей книге целый ряд различных типов организаций, начиная от самых конспиративных и самых узких и кончая сравнительно широкими и свободными. Он забыл, что партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает „под контролем или руководством“ партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию“ [2]). Но на втором съезде тов. Троцкий еще не развернулся, если можно так выразиться, в своих оппортунистических колебаниях. Известно даже, что Рязанов называл его в то время „ленинской дубинкой“. Вся линия зигзагов, колебаний и перелетов, которые столь характерны для Троцкого, лежит в дальнейшем в периоде с 1904 по 1917 год. Всей партии следует взять в руки том XII, часть 2-ю, сочинений тов. Ленина и там на странице 462—463 прочитать вводную характеристику Троцкого, данную тов. Лениным в мае 1914 года.

„Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это — типичная фигура для всех тех пяти заграничных груп-

---

[1]) Ленин, Соб. соч., т. XVI, стр. 458.
[2]) Протоколы II съезда РСДРП, изд. „Прибой“, 1924, стр. 231.

пок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во времена старой „Искры“ (1901 — 1903) для этих колеблющихся и перебегающих от „экономистов“ к „искровцам“ и обратно была кличка: „тушинский перелет“ (так звали в смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с „меньшевизмом“ и „экономизмом“ в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

„Тушинские перелеты“ объявляют себя выше фракции на том единственном основании, что они „заимствуют“ идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым „искровцем“ в 1901 — 1903 гг., и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 г. ролью „ленинской дубинки“. В конце 1903 года Троцкий — ярый меньшевик, т.-е. от „искровцев“ перебежавший к „экономистам“; он провозглашает, что „между старой и новой „Искрой“ лежит пропасть“. В 1904 — 1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым („экономистом“), то провозглашая несуразно-левую „перманентную революцию“. В 1906 — 1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих „нефракционных“ колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формации, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке „просторно“ было изображать из себя течение, группу, фракцию,—одним словом, „державу“ толкующую об объединении с другими.

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями, которые с 1908 года определили и установили отношение к ликвидаторству, ни с опытом современного рабочего движения в России, создавшего на деле единство большинства на почве полного признания указанных решений“.

Тов. Ленин очень хорошо знал, что наиболее опасными противниками внутри рабочего движения являются те люди, которые оппортунистическое содержание своей политической линии умеют прикрывать революционной фразой. Поэтому тов. Ленин столь часто возвращался к Троцкому и на протяжении 1908 — 1914 гг. и на протяжении 1915 — 1917 гг. Приведу еще лишь несколько характеристик Троцкого, сделанных Лениным за время с октября 1916 года по март 1917 года. В октябре 1916 года Ленин пишет „Каковы бы ни были субъективные „благие“ намерения Троцкого

и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-демократизм". В феврале 1917 года он дает такую краткую характеристику Троцкого: „Троцкий — левые фразы и блок с правыми против цели левых". И, наконец, уже после Февральской революции, а именно 17-го марта 1917 года, он снова предостерегает партию: „По-моему, главное теперь—не дать себя запутать в глупые „объединительные" попытки с социал-демократами или, еще опаснее, колеблющимися, в роде организационного комитета (меньшевиков) Троцкого и К°, и продолжать работу своей партии в последовательно-интернациональном духе".

4. Прошлое Троцкого тяготеет над его настоящим.

Проделав это довольно продолжительное путешествие в историю борьбы троцкизма и ленинизма, мы можем теперь еще раз взять в руки III том тов. Троцкого и присмотреться к основным идеям его „Уроков Октября".

В этой книге тов. Троцкий пытается снова повторить свои старые идеи. Он ставит перед собой задачу: „изучение Октябрьской революции как в партийном масштабе, так и в масштабе всего Интернационала". Он хочет, чтобы „вся партия, и особенно ее молодые поколения, проработали шаг за шагом опыт Октября" (стр. XIII). Задача очень большая и очень важная, беда, ежели при таком изучении не будет правильной оценки, ежели будет взята неверная исходная точка, неправильный подход, неправильный критерий. Уже вначале я говорил о том, что у Троцкого была своя точка зрения на характер революции—теория „перманентной революции". Против этой теории тов. Ленин выступал неоднократно. Много раз он предостерегал партию от этой теории, считая ее неправильной и вредной. В статье„ О двух линиях революции" Ленин пишет: „Эту задачу (т.-е. задачу выяснения соотношения классов в предстоящей революции. *А. Б.*) неправильно решает в „Нашем Слове" Троцкий, повторяющий свою „оригинальную" теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—„отрицание" роли крестьянства [1]). И как вывод из этого, он добавляет: Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под „отрицанием" роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию [2]). И уже после Февральской революции, полемизируя с Каменевым, давая формулу революции „переходной к социализму", тов. Ленин оглядывался на эту неправильную теорию Троцкого и писал в то время: „Но

---

[1]) Ленин, Соб. сочин., т. XIII, стр. 213.
[2]) Тоже, стр. 214.

не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание „перепрыгнуть" через незавершенную, не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической.

Если бы я сказал: „без царя, а правительство рабочее", эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это, а сказал иное". И далее: „Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через не изжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой игры в „захват власти" рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны [1]). Таким образом, т. Ленин неоднократно подчеркивает свое резко отрицательное отношение к троцкистской теории перманентной революции. И ежели тов. Троцкий приносит свои старые идеи в оценку Октябрьской революции, то естественно, что он преподносит молодому поколению такой, якобы, ленинизм, который резко расходится и противоречит теории Ленина.

Мне придется прежде всего заняться точным установлением того, как тов. Троцкий уже после Октябрьской революции ставил этот вопрос о перманентной революции, и как в этой постановке сказалось именно то, что тов. Троцкий с этой идеей не расстался до самого последнего времени.

12 марта 1919 года тов. Троцкий пишет предисловие к сборнику своих статей, трактующих о характере революции [2]). В этом предисловии читаем следующее: „Вопрос о характере русской революции был основным вопросом, по линии которого группировались различные идейные течения и политические организации в русском революционном движении". Что же говорит он здесь о теории перманентной революции?

Он говорит следующее: „Став у власти, пролетариат должен будет поэтому не ограничивать себя рамками буржуазной демократии, а развернуть тактику перманентной революции, т. е. уничтожить границы между минимальной и максимальной программой социал-демократии, переходить ко все более и более глубоким социальным реформам и искать прямую и непосредственную опору в революции на европейском Западе [3]). Читатель видит, как далека эта прямолинейная формула от глубоко диалектичной идеи Ленина о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в 1905 году и идеи революции, переходной к социализму в 1917 году.

А, ведь, это написано не больше, не меньше, как в марте 1919 года. И далее в том же предисловии т. Троцкий пишет: „Отстаивая в течение полутора десятилетий точку зрения перманентной революции, автор впадал, однако, в ошибку в оценке боровшихся фракций социал-демократии. Так как обе они исхо-

---

[1]) Ленин, Соб. сочин., т. XIV, ч. I, стр. 32.
[2]) Троцкий, „Итоги и перспективы", изд. „Советский Мир", 1919 г.
[3]) Тоже, стр. 5.

дили тогда из перспектив буржуазной революции, то автор полагал, что разногласия между ними не настолько глубоки, чтобы оправдывать раскол. В то же время он надеялся на то, что дальнейший ход событий обнаружит воочию бессилие и ничтожество русской буржуазной демократии, с одной стороны, и объективную невозможность для пролетариата удержаться в рамках демократической программы—с другой, и, таким образом, вырвет почву из-под фракционных разногласий" [1]).

Ни слова о крестьянстве. Голое указание на „бессилие и ничтожество русской буржуазной демократии". И констатирование „объективной невозможности для пролетариата удержаться в рамках демократической программы". Опять прямолинейная формула, без конкретного учета своеобразия соотношения классов в нашей революции.

И, как общий вывод, из оценки теории перманентной революции, сделанной самим автором этой теории в 1919 году, мы читаем: „Последней инстанцией для теории остается опыт. Неопровержимым доказательством того, что марксистская теория применяется нами правильно, является тот факт, что события, в которых мы теперь участвуем, и самые методы этого участия были предвидены в основных своих чертах полтора десятилетия тому назад" [2]).

Таким образом, в этом предисловии от 12-го марта 1919 года т. Троцкий, правда, в достаточно мягких и осторожных выражениях, отметил правильность своей старой троцкистской теории.

В том же марте того же 1919 года т. Троцкий написал введение к первому тому своих статей „Война и революция" (см. 1-е изд. в 1922 г. и 2-е издание в 1924 г.), где он одно из разногласий между „Нашим Словом" и „Социал-Демократом" в эпоху империалистической войны формулировал так: „Наше Слово" стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. „Социал-Демократ" продолжал оставаться на позиции „демократической" диктатуры пролетариата и крестьянства [3]).

И при этом добавил: „Мартовская революция ликвидировала эти разногласия" [4]).

Итак, почти в одно и то же время написано два предисловия,— в одном т. Троцкий говорит, что события 1917 г. были предвидены им полтора десятка лет до них, т.-е. что теория перманентной революции оправдалась (иначе понять этого нельзя), а другое предисловие утверждает, что мартовская революция ликвидировала разногласия между Лениным и Троцким по вопросу о характере революции. Постановка вопроса неясная, путаная. С одной стороны, теория Троцкого как-будто бы оправдалась,

---

[1]) Троцкий, „Итоги и перспективы", стр. 5.
[2]) То же, стр. 7.
[3]) Троцкий, „Война и революция", т. I, стр. 27.
[4]) То же, стр. 27.

а с другой стороны, разногласия между ним и Лениным ликвидированы. Что этим хочет сказать т. Троцкий? Как, по его мнению, ликвидированы разногласия? Чья позиция была выброшена ходом событий за борт—Троцкого или Ленина? Все это до последней степени запутывается двумя этими предисловиями, написанными т. Троцким почти в одно и то же время. Но пойдем дальше. В 1922 году выходят два издания книги т. Троцкого „1905 год". В предисловии к 1-му изданию (помещенному и во втором издании) имеется сообщение о том, что теория „перманентной революции" сложились у т. Троцкого „в промежуток между 9-м января и октябрьской стачкой 1905 г.", и далее идет заявление, что „хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком" (см. стр. 5).

Таким образом, от предисловия к сборнику „Итоги и перспективы" (март 1919 г.) до предисловия к „1905 году" (январь 1922 г.) прошло без малого три года,—за это время т. Троцкий пришел к точной оценке своей старой теории, он заявил уже без всяких неясностей, что она „подтвердилась целиком".

Но этим он не ограничился. На стр. 285 к положению об „антиреволюционных чертах большевизма", которые, как думал Троцкий в период реакции в России, „грозят огромной опасностью только в случае революционной победы" (подчеркнуто мной. *А. Б.*), имеется примечание к нынешнему изданию. Это примечание гласит так: „Этого, как известно, не случилось, так как, под руководством т. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г., т.-е. до завоевания власти" (см. там же, стр. 285).

Итак, „антиреволюционные черты большевизма" не проявились в момент революционной победы (т.-е. в октябре 1917 года) потому, что весной этого года произошло „идейное перевооружение" большевизма.

Что же выходит? В предисловии к сборнику своих статей, написанных в марте 1919 г., Троцкий говорит, что его предвидение, сделанное полтора десятка лет до 1917 года, засвидетельствовало правильность применения им „марксистской теории" к анализу характера русской революции. В почти одновременно написанном введении к т. I „Война и революция" Троцкий глухо утверждает, что Мартовская революция „ликвидировала" разногласия между троцкизмом и ленинизмом по вопросу о характере революции, но не указывает, в чью пользу ликвидировала, т.-е. чье понимание было отброшено ходом событий, как неправильное, ошибочное.

А в 1922 году, в предисловии к книге „1905 год" Троцкий уже категорически утверждает, что его оценка „подтвердилась целиком" (подчеркнуто мной. *А. Б.*), и в примечании на стр. 285 добавляет, что произошло „идейное перевооружение большевизма".

Подумайте теперь над всей этой цепью умозаключений: к чему вы неизбежно придете? Вы придете к тому, что т. Троцкий не

только не отказался от своей теории „перманентной революции", а, наоборот, утверждает, что наша партия весной в 1917 г. идейно перевооружилась, т. е. что она отбросила ленинское оружие, которое у нее было, и взяла то оружие, которое находилось в распоряжении у т. Троцкого. Вот ясный смысл всех „предисловий" и „введений" т. Троцкого за 1919 - 1922 гг. Выходит, что тов. Троцкий, придя в нашу партию, не только не отказался от своей старой теории „перманентной революции", но он думает, что мы отбросили ленинскую теорию и стали на точку зрения Троцкого. Выходит, что не Троцкий пришел к нам, а партия пришла к нему. Но это еще не все. В 1924 году т. Троцкий выпускает новую книжку „Новый курс", и в ней он заявляет: „Что касается теории „перманентной революции", то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—5—6 гг. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени" [1].

И далее: „Таким образом, идея перманетной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма" [2].

Здесь дело идет уже не об оценке прошлого (давнего и очень недавнего), а о настоящем,—„не вижу оснований отрекаться от того, что писал в 1904-5—6 гг.".

Вы видите, тут дело идет совсем по-другому,—здесь уже не осторожные формулировки и не только оценка прошлого, а боевой, точный, резкий язык человека, отстаивающего свою „теорию" и для настоящего.

А теперь снова возьмем книгу, которая вышла через полгода после „Нового курса" и является последним литературным произведением тов. Троцкого. В этой книге он переходит в наступление еще более решительно. Я показал, как т. Троцкий выступает против ряда утверждений т. Ленина, касающихся важнейшего вопроса—оценки хода революционных событий. Троцкий опять выступает против Ленина, выступает по одному из важнейших вопросов нашей теории. Это—возврат к старому, к давно прошедшим временам.

И характерно, что когда т. Троцкий пытается дать анализ конкретного соотношения классовых сил, реального хода революционных событий,—он разрывает с ленинской постановкой вопроса, с ленинским методом. В введении к своему III т. он пишет: „Наступивший после февральского переворота период можно было, следовательно, рассматривать двояко: либо как период закрепления, развития или завершения „демократической" революции, либо как период подготовки пролетарской революции. На первой точке зрения стояли не только меньшевики и эсеры,

---

[1] Троцкий, „Новый курс", стр. 51.
[2] Троцкий, „Новый курс", стр. 51.

но и известная часть руководящих элементов нашей собственной партии" [1]).

Таким образом, когда т. Троцкий от критических замечаний против теории Ленина перешел к конкретной оценке периода после февраля 1917 г., то он дал такую формулировку, которая абсолютно неверна и целиком разрывает с ленинской диалектикой. Тов. Троцкий противопоставляет процесс завершения демократической революции процессу подготовки пролетарской революции.

Это противопоставление есть отказ от диалектики, есть отказ от ленинизма. Об этом т. Ленин писал в 1921 г. в своей статье „К 4-летней годовщине Октябрьской революции" так: „И анархисты, и мелкобуржуазные демократы (т.-е. меньшевики и эсеры, как русские представители этого международного социального типа) говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической (т.-е. пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердилась за четыре года полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой" [2]).

И дополнял это таким заключением: „Кстати сказать, все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хилквиты, Лонге. Макдональды, Туратти и прочие герои „$2^1/_2$-ного" марксизма не сумели понять такого соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба, и только борьба, решает, насколько удается второй перерасти первую" [3]).

Ленин напирает на то, что „только борьба" решит, насколько нам удастся продвинуться вперед. Ленин остается верен своей теории, которая воплощается в настоящее время в идее „союз рабочего класса с крестьянством". У Троцкого „либо, либо", а у Ленина единый процесс, взятый в диалектическом развитии, через сложные переходы на основе данного соотношения классовых сил. И это вопрос не академический, а злободневный, имеющий решающее значение и для практики нынешнего дня, ибо с вопросом о крестьянстве мы встречаемся ежедневно, он стоит перед нами в ряде практических требований и повседневных задач. Ясно, что весь спор, который мы сейчас ведем,

---

[1]) Троцкий, „1917", т. III, ч. I., стр. XVIII.
[2]) Ленин, Соб. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 363—334.
[3]) Там же, стр. 365—366.

имеет, в силу сказанного, ближайшее практическое значение. И если мы еще раз внимательно сопоставим все написанное т. Троцким в указанных выше книгах, то станет очевидным, что т. Троцкий не только не отказался от троцкизма, но пытается изобразить дело таким образом, что наша партия приняла троцкизм (идею парманентной революции) в свой большевистский арсенал. Это есть такое грубейшее искажение ленинизма, которое свидетельствует, что троцкистское прошлое т. Троцкого целиком и полностью над его настоящим тяготеет, при чем этот вывод вытекает сам собой, ибо за последнее время т. Троцкий сделал ряд новых шагов к своему прошлому.

В марте 1919 года по вопросу о теории „перманентной революции" он давал весьма осторожные формулировки. Пройдя через дискуссию 1921 г., т. Троцкий в 1922 году находит в своем лексиконе уже более ясные твердые слова для защиты своей старой, ликвидированной ходом событий теории.

Пройдя снова через новую дискуссию 1923—24 г., т. Троцкий не ограничивается положительной оценкой своих прежних „предвидений", его не удовлетворяет даже и „открытие" „идейного перевооружения" большевизма, он переходит в наступление против ленинской теории. Он сделал этот новый шаг в „Новом курсе", он продолжает свое наступление и в „Уроках Октября". Эта книга стала „модной книгой". Она преподносит массе молодых членов нашей партии такую „теорию", которая отравлена ядом троцкизма, которая искажает ленинизм, которая выступает с критикой его основ и которая, в этом смысле, является антиленинской теорией.

5. Большая ошибка тянет все остальные.

В своем отныне знаменитом введении к III тому своих сочинений т. Троцкий жесточайшим образом расправился с историческими фактами.

В силу этого приходится заняться их восстановлением, приходится остановиться на замечаниях менее принципиального, более мелкого, хотя нередко и не менее важного характера,—это на некоторых фактических неточностях, ошибках и искажениях, которые допущены т. Троцким в его книге. Можно сказать: большая ошибка тянет за собой все остальные. Тот „заряд", который столь ясно чувствуется в введении, толкает т. Троцкого не только на крупные принципиальные ошибки, но и неизбежно вызывает ряд фактических неточностей и искажений. Я здесь остановлюсь на некоторых из них, потому что нет никакой возможности заниматься сейчас рассмотрением всего фактического содержания этой книги.

Прежде всего, относительно той „внутренней борьбы", которая имелась налицо в нашей партии в течение марта—ноября 1917 г. Здесь сам т. Троцкий опровергает т. Троцкого. Для того,

чтобы это видеть, надо сравнить его нынешние литературные выступления с более ранними.

В неоднократно уже цитированном мною предисловии к „Итогам и перспективам" (март 1919 г.) т. Троцкий пишет, что „когда разразилась революция 1917 года", большевистская партия определила после небольшой внутренней борьбы свою тактику в сторону социалистической диктатуры рабочего класса" (см. предисловие, ст. 5, подчеркнуто мною. *А. Б.*).

В примечании на стр. 285 своей книги „1905 год", т. Троцкий отмечает, что „свое идейное перевооружение" большевизм совершил „не без внутренней борьбы" (подчеркнуто мною. *А. Б.*).

А во введении к III тому он о том же самом пишет уже в таких выражениях: „И, тем не менее, даже в этой партии, на верхах ее, перед моментом решающих действий, выделилась группа опытных революционеров, старых большевиков, которая встала в резкую оппозицию к пролетарскому перевороту и в течение наиболее критического периода революции с февраля 1917 г. примерно по февраль 1918 г. занимала во всех основных вопросах социал-демократическую, по существу, позицию. Чтобы охранить партию и революцию от величайших замешательств, вытекавших из этого обстоятельства, нужно было исключительное беспримерное уже и тогда влияние Ленина в партии [1]). (Подчеркнуто мною. *А. Б.*). Ясно для каждого, что здесь Троцкий марта 1919 года и января 1922 года опровергает утверждения Троцкого последней формации, т.-е. сентября 1924 года.

И, исходя из этой неправильной оценки основного характера внутрипартийных отношений в период с марта по ноябрь 1917 года, т. Троцкий допускает целый ряд неправильных оценок, а нередко и прямых искажений фактов, относящихся к различным моментам дооктябрьской истории. Тов. Троцкому чрезвычайно резким представляются разногласия на апрельской конференции нашей партии. Точку зрения „оппозиции" на апрельской конференции он характеризует как „явно меньшевистскую". Я утверждаю, что, несмотря на то, что расхождения тогда были, что колебания безусловно были,—они не носили того характера и размаха, которые хочет придать им в настоящее время т. Троцкий.

Около четырех лет тому назад мне пришлось так оценить эти колебания: „В факте незначительности этих колебаний сказался тот революционный закал, который был приобретен большевистской партией за пятнадцатилетний период борьбы с меньшевиками, ликвидаторами и социал-шовинистами" [2]). Чрезвычайно показательны в этом отношении и голосования на конференции. На апрельской конференции было 133 делегата с решающим голосом и 18 с совещательным. Просмотрите все голосование,—

---

[1]) Троцкий, „1917", т. III, ч. I, стр. LI.
[2]) См. выше, стр. 26.

вы увидите такую картину: резолюция о войне была принята большинством при 7 воздержавшихся; резолюция о временном правительстве—при 6 воздержавшихся и 7 против; резолюция по земельному вопросу—при 11 воздержавшихся; резолюция о текущем моменте—при 8 воздержавшихся; резолюция о коалиционном министерстве—при 2 воздержавшихся и, наконец, резолюция об Интернационале была принята всеми при 6 воздержавшихся.

Разве можно говорить о резких расхождениях, когда имеем такую картину голосования на конференции. Возьмите выборы в Центральный Комитет. В числе избранных — т. Каменев и т. Ногин.

При чем все участники конференции помнят, что не кто другой, как т. Ленин, при выборах выступал за Каменева и Ногина, при противодействии некоторых местных товарищей, например, части москвичей. Разве это говорит в пользу утверждения Троцкого? Всякий понимает, что это опрокидывает умозаключения т. Троцкого об апрельской конференции нашей партии. Далее остановимся на некоторых выводах т. Троцкого в связи с несостоявшейся демонстрацией 10 июня 1917 г.

Тов. Троцкий пишет: „Попытка, по инициативе Ленина, устроить демонстрацию 10 июня подверглась обвинениям в авантюризме со стороны тех же товарищей, которые были недовольны характером апрельского выступления [1]). Относительно апрельской конференции известно, что, если и было „столкновение" по этому поводу, то с „левым" т. Богдатьевым и его единомышленниками.

В отношении июньского „случая" т. Троцкий весьма неосторожно бросает свои выше цитированные замечания.

Демонстрация 10 июня была отменена и состоялась она 18 числа уже с разрешения меньшевистско-эсеровского Совета. Против отмены этой демонстрации возражали настойчивой и упорно товарищи из Петроградского комитета нашей партии, а защищал эту отмену т. Ленин. На закрытом заседании Петроградского комитета 11-го июня выступал с докладом т. Ленин, и вот что слышим мы от него по поводу отмены демонстрации:

„Тов. Ленин соглашается, что недовольство большинства товарищей отменой демонстрации весьма законно, но поступить иначе ЦК не мог".

И далее он говорит следующее: „Даже в простой войне случается, что назначенные наступления приходится отменять по стратегическим причинам, тем более это может быть в классовой борьбе в зависимости от колебания средних мелкобуржуазных слоев. Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях. Отмена явилась безусловной необходимостью, что доказывается дальнейшими событиями" [2]).

---

[1]) Троцкий, „1917", т. III, ч. I, стр. XXXI.
[2]) „Красн. Летопись", № 9 1925 г., стр. 11.

Заканчивает же свою речь т. Ленин так: „Мы не должны давать повода к нападению, пусть нападают они, и рабочие поймут, что они делают покушение на самое существование пролетариата. Но жизнь за нас, и еще неизвестно, как удастся им нападение: на фронте стоят войска, дух недовольства у них очень силен, в тылу дороговизна, разруха и пр. ЦК не хочет произвести давление на ваше решение. Ваше право протестовать против действий ЦК законно, и ваше решение должно быть свободным" [1]).

При изучении обязательно знакомство хотя бы с важнейшими документами, к изучаемому событию относящимися. Тов. Троцкий напрасно упустил из виду речь т. Ленина на заседании ЦК от 11-го июня 1917 года,—ему бы не пришлось тогда бросать столь неосторожные замечания. Остановимся теперь на некоторых фактах, связанных с Октябрем.

У нас имеются сейчас протоколы ЦК партии, касающиеся основных моментов эпохи Октября—протокол 10-го октября 1917 г. и протокол 16-го октября того же года. Протокол 10-го октября 1917 г. свидетельствует о том, что в Центральном Комитете по вопросу о вооруженном восстании были разногласия, но в то же время те же протоколы говорят, что большинство ЦК было за восстание,—10 за и 2 против (на заседании 10/X 1917 г.). Затем выбирается первое Политическое Бюро Центрального Комитета. Кто выбирается в это Бюро? Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов. Зиновьев и Каменев—это те два товарища, которые 10/X голосовали против, и, несмотря на это, их выбирают в Политбюро накануне восстания. Неужели это ничего не говорит т. Троцкому? Заседание 16-го октября рассматривает тот же вопрос о вооруженном восстании. Присутствуют, кроме членов ЦК, тт. Калинин, Шмидт, Крыленко, Бокий, Шляпников, Володарский и др. За резолюцию Ленина (в основу) голосуют 20 против 2 и воздержалось 3. Опять дружное голосование. ЦК организует военнно-революционный центр в составе: тт. Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Колебания перед Октябрем были,—это известно. Но зачем т. Троцкому понадобилось раздувать эти разногласия!

Нелишне будет привести факты, говорящие о том, как была встречена резолюция ЦК от 10-го октября в верхушке Московской областной организации. В протоколе заседания Московского областного бюро от 14-го октября 1917 года читаем: „Без всяких прений областное бюро целиком присоединяется к резолюции ЦК (речь идет о резолюции 10/X. *А. Б.*), ибо она вполне совпадает с принятой на пленуме 27—29-го сентября резолюцией" (см. протокол заседания МОБ РСДРП от 14-го октября 1917 г., стр. 55).

А трения, которые имели место в этот же период между Моск. обл. бюро и МК, благополучно разрешаются, как это видно из протоколов Мос. обл. бюро от 23, 24 и 25-го октября (вопрос „о партийном боевом центре"). И когда тов. Троцкий в

---

[1]) „Красн. Летопись", № 9 1923 г., стр. 12.

своем III томе рвет и мечет против „правого крыла“ партии, бросает слова о меньшевизме и пр., а в своей книге „О Ленине“ утверждал категорически: „Ленин с тревогой наблюдал возрастающее несоответствие в настроениях части партийных верхов и миллионов рабочих масс“,—то приходится пожалеть, что такие фактические материалы и выводы преподносятся партии под лозунгом „изучения Октября“. Партия не извлечет никакой пользы из такого „изучения“.

Придется остановиться и на знаменитой идее тов. Троцкого о том, что октябрьское восстание 25-го числа было лишь „дополнительным восстанием“ что настоящее-то восстание произошло до этого. Тов. Троцкий пишет об этом так: „С того момента, как батальоны по приказу Военно-Революционного Комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25-го октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно“ [1]).

И далее: „Мы имели возможность, в большей или меньшей степени, приурочивать захват власти к моменту Съезда Советов только потому, что „тихое“, почти „легальное“ вооруженное восстание—по крайней мере, в Петрограде—было уже на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом“.

Прежде всего, отмечу, что история Октябрьской революции знает различные типы захвата власти и различные типы восстания. Ведь, Октябрьская революция была и в Петрограде, и в Москве, и в Иваново-Вознесенске, и в Луганске, на фронтах и в деревнях. Будущим историкам Октябрьской революции придется обнять своим изучением всю массу этого фактического материала, и только тогда будем мы иметь настоящую картину Октябрьской революции. Это дело надо начинать сейчас (оно уже и началось), но не так, как делал это т. Троцкий. Мы знаем, как шло восстание в Петрограде. Мы знаем, что в Москве оно имело иной характер,—там имели место длительные уличные бои, в которых с нашей стороны принимали участие не только солдаты и вооруженные рабочие (Красная гвардия) Москвы, но и других городов Московской области. Московское восстание носило затяжной характер. Но Октябрьская революция была и в Иваново-Вознесенске. Вот как она там происходила: Октябрьская революция в Иваново-Вознесенске носила своеобразный характер. Рабочие Иваново-Вознесенска забрали в свои руки власть гораздо раньше, чем это было сделано не только в Москве, но даже и в Петрограде. И это совершилось самым безболезненным образом, без какого-либо насилия со стороны „захватчиков“, без единого выстрела и без пролития крови. С первого взгляда это кажется неправдоподобным, но на самом деле это было так.

---

1) Троцкий, ч. I, т. III, стр. 49—50.

Власть в Иваново-Вознесенске перешла к коммунистической партии за два месяца до Октябрьской революции, когда выяснились результаты выборов в первую демократическую послефевральскую городскую думу. И вот в этой новой думе, избранной на основе всеобщего, равного, тайного и пр. голосования, свыше 80% гласных составляли коммунисты, остальные 20% гласных, т.-е. около 20 чел., состояли из эсеров, меньшевиков и прочих партий и беспартийных. Ясно, что при таком положении вещей, на первом же заседании думы хозяевами положения стали коммунисты" [1]). А вот как было встречено в Иваново-Вознесенске известие о победе рабочих в Петрограде: „Телеграмма из Петрограда о происшедшем (октябрьском) перевороте была получена в Иванове вечером, во время заседания городской думы. Сообщение председателя о переходе власти к Советам и коммунистической партии было встречено оглушительными рукоплесканиями гласных и присутствующей многочисленной публики и возгласами: „Наконец-то, давно пора!". Затем собрание перешло к дальнейшему обсуждению вопросов повестки дня [2]). А как шел этот же процесс захвата власти на фронтах? Было бы чрезвычайно интересно иметь анализ того, как и почему не дошли до Петрограда многочисленные полки, которые в октябре 1917 года были брошены на Петроград для подавления восстания. Выяснилась бы, между прочим, и роль большевистских ячеек.

Едва ли она, кстати сказать, была столь невелика, как полагает т. Троцкий, когда в своей книге „Как вооружалась революция" говорит, что „чисто-организационная роль большевистских ячеек в полках не была особенно заметна" (см. т. I, стр. 13). Едва ли значение большевистских ячеек состояло лишь в отборе „комендантов". Но это—дело историков. Остановимся сейчас лишь на восстании в столице.

В 1923 г. описание восстания в Петрограде было дано тов. Подвойским. Воспользуемся его материалами.

„В виду этого намерения правительства Керенского,—читаем мы у тов. Подвойского,—стремившегося таким образом обескровить, лишить активной силы Петроградский Совет, последний 9 октября по вопросу об обороне Петрограда принял резолюцию, предложенную большевиками, в которой говорилось о необходимости создания особого военно-революционного штаба, в противовес штабу Петроградского военного округа, которому пролетариат столицы имел все основания не доверять" [3]).

Далее: „Следующее закрытое заседание Совета 12-го октября было посвящено уже техническим вопросам в связи с организацией этого революционного штаба, и, невзирая на протесты меньшевиков, принято положение о нем и название последнего: „Военно-Революционный Комитет", а 16-го, несмотря на яростную

---

[1]) „Красн. Летопись", № 6 1923 г., стр. 279.
[2]) Там же, стр. 280.
[3]) „Красн. Летопись", № 8 1923 г., стр. 15.

агитацию тех же меньшевиков, назвавших ВРШ „штабом для захвата власти", положение о нем и организация были утверждены пленумом Петроградского Совета" [1]).

И, наконец, „21-го октября ночью комиссары Военно-Революционного Комитета были направлены в полки петроградского гарнизона". [2]).

Это — первый этап. „22-го и 23-го октября, — пишет т. Подвойский,—началась подготовка. Каждый атом революционной силы был приведен в сильнейшее движение и поставлен на определенное ответственное место. Вызваны были из Кронштадта и Гельсингфорса балтийские моряки; из Кронштадта вызваны боевые суда. Стоявшие около Петрограда суда: крейсер „Аврора", „Заря Свободы" включены в цепь операции. Срепетированы моряки „Авроры", которые охраняли Зимний дворец" [3]).

По т. Троцкому выходит, что к этому времени дело восстания уже на 9/10 было закончено, а т. Подвойский утверждает: „22-го и 23-го октября **началась подготовка**. Каждый атом"... и т. д. (Подчеркнуто мною. *А. Б.*).

Вооруженные силы восстания определяются т. Подвойским так: „Военно-Революционный Комитет решил вести на восстание в первую очередь самые стойкие части. Центр наступления должен был составить Петроградский полк, а фланги—левый: Кексгольмский гвардейский полк и 2-й Балтийский флотский экипаж, имея за собою Егерский и Измайловский полки, а правый: Павловский полк вместе с Красной гвардией. На Финляндский и 180-й полк возложена была задача обеспечить Васильевский остров, держать в своих руках все переправы через Неву. То же на Петербургской стороне было поручено Гренадерскому полку и Огнеметно-Химическому батальону, на которых возложены были операции на Петербургской стороне, занятие там всех стратегических пунктов и Троицкого моста, а также всех переправ на Петербургскую сторону через Неву, и ликвидация возможных контр-революционных выступлений там. На Московский полк и на Красную гвардию Выборгской стороны возлагалась оборона Литейного моста и всех переправ на Выборгскую сторону, а также занятие Финляндского вокзала. Им же, как и Гренадерскому полку, было поручено выдвинуться авангардом к Белоострову, дабы не дать правительству возможности продвинуть со стороны Финляндии какие-нибудь части с неясной для ВРК физиономией. В Центральном участке были Литовский, Волынский, части Павловского и Преображенского полков. Остальная же масса Литовского, Волынского, 1-го Запасного и Гвардейского полков и 6-го Саперного батальона получили задачу обороны всех подступов к Смольному институту на случай, если бы правительственные войска прорвали цепь, окружающую Зимний дворец, или на случай при-

---

[1]) Там же, стр. 15.
[2]) Там же, стр. 18.
[3]) Там же, стр. 20.

бытия войск откуда-нибудь из окрестностей. Части Измайловского и Петроградского полков были выдвинуты на охрану подступов к Петрограду со стороны Варшавской и Балтийской ж. д. и Нарвского шоссе" [1]).

И, наконец: „Руководители решили, что войска будут наступать на Зимний дворец в ночь на 25-е октября" [2]). Правительство Керенского, как известно, тоже принимало в это время ряд мер военного характера. Временное правительство,—говорит тов. Подвойский,—потрясая воздух обещаниями уничтожить большевиков, принялось за мобилизацию своих сил. Оно еще несколько дней до этого вызвало из Петергофа и Ораниенбаума юнкеров, разместив их в Зимнем дворце. Юнкера петроградских военных училищ также были приведены в боевое состояние и частью переведены в Зимний дворец. 22-го числа юнкерская охрана в Зимнем дворце была усилена юнкерскими отрядами Михайловского, Владимирского и Павловского училищ и друг. На площадь были стянуты английские броневики с английской же прислугой. 22-го октября караул матросов „Авроры" отказался дальше охранять правительство Керенского и был заменен юнкерским караулом. Был введен взвод артиллерии Михайловского военного училища с пушками" [3]).

Правительство переходит в „наступление". Вот факт.

„В ночь на 24 е при помощи отряда юнкеров закрываются большевистские газеты „Солдат", „Рабочий Путь" и типографии, в которых они печатались. Против редакторов этих газет и авторов статей, призывающих к ниспровержению существующего строя, временное правительство предлагает министру юстиции немедленно возбудить судебное преследование.

Кроме того, издается постановление о возбуждении уголовного преследования против членов Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете, которым вменяется в вину распространение воззвания с призывом к неповиновению властям и деятельность, направленная против власти.

В то же время министр юстиции в срочном порядке отправляет прокурору палаты приказ о немедленном аресте всех тех большевиков, участников событий 3—5 июля, которые после освобождения под залоги, проявили себя какою-либо противоправительственной агитационной деятельностью" [4]).

Командующим Петроградским военным округом одновременно с этим был издан ряд „наступательных" приказов. Мы „оборонялись". Я не касаюсь ряда последующих событий,—юнкерских восстаний в Петрограде, захвата войсками Керенского Гатчины и Царского Села и т. д.

---

[1]) „Красн. Летопись", № 8, стр. 23—24.
[2]) Там же, стр. 24.
[3]) „Красн. Летопись", № 8, стр. 21—22.
[4]) Архив револ. 1917 г. Октябрьский переворот, изд. „Нов. Эпоха" 1918 г., стр. 164—5.

Но и сообщенного мной достаточно для того, чтобы судить, было ли восстание 25-го октября „дополнительным“, „тихим“, „сухим“ и т. д., как характеризует его т. Троцкий.

Я разобрал основные ошибки, которые были допущены т. Троцким в введении в его „Уроках Октября“. Я рассмотрел целый ряд неточностей и искажений фактического порядка, которые допущены в этой книге. Эта книга не литературное произведение, а политический документ, который свидетельствует о наступлении т. Троцкого против ленинской теории и руководящих кадров большевизма.

IX.

Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма.

(По поводу книги т. Ваганяна).

Мы переживаем такое время, когда на сцену снова вышло слово „ревизия". Правда, те, кто работает под знаком „ревизии" представляют из себя генералов без армии, но все же партия не может пройти мимо этих попыток. Тов. Ваганян в своей только-что выпущенной книге о Г. В. Плеханове, находится под сильнейшим влиянием этого „духа" времени. Поэтому мне представляется необходимым подвергнуть разбору книгу тов. Ваганяна именно с этой стороны.

Считаю нужным оговориться, что поднимаемое в настоящее время из архивных ящиков литературное наследство Ленина раскрывает перед нами ряд новых сторон в жизни, работе и борьбе основоположника ленинизма. А одновременно с этим тов. Ваганян приступает к ревизии роли Ленина в истории русского марксизма, которая неизбежно приводит к неправильному истолкованию различных моментов в истории выработки Лениным основ своего мировоззрения.

Книга Ваганяна посвящена Плеханову, но попутно автор касается и деятельности Ленина,—именно там, где она протекала совместно с Плехановым. И в этих пунктах от книги В. Ваганяна нередко отдает самым бесцеремонным и легкомысленным искажением позиции В. И. Ленина. Я остановлюсь на следующих трех моментах, имевших немалое значение в истории русского марксизма: 1) на борьбе Плеханова и Ленина с так-называемым „легальным марксизмом" и его представителями (П. Струве и К-о); 2) на борьбе Плеханова и Ленина с „экономизмом" и 3) на разногласиях между Плехановым и Лениным при выработке проекта программы нашей партии.

Тов. Ваганян в своей книге пишет: „Долгое время Плеханов не обращал внимания на Струве и на иных легальных марксистов. Даже позже, в эпоху „Искры", на неоднократные предложения Ленина ответить Струве он отвечал отказом, ссылаясь на

то, что он ничего нового по сравнению с тем, что говорили до того разного толка ревизионисты, не говорит".

„Но взяться за ответ все-таки пришлось, ибо критические упражнения Струве стали совершенно неприкрытым походом против идей революции, против диктатуры пролетариата. В этих блестящих статьях, уничтожающе критикующих „наших критиков", дано много чрезвычайно ценных теоретических страниц" [1]). Известно, что против Струве выступал с резкой критикой не кто иной, как Ленин. Тов. Воровский в своей брошюре „К истории марксизма в России" так характеризовал роли Плеханова и Ленина в борьбе с легальным марксизмом: „С определенной и резкой критикой струвизма выступил К. Тулин (Н. Ленин) в статье „Экономическое содержание народничества и критика его в книге господина Струве". И далее он писал: „Менее определенную позицию занял другой представитель революционного крыла марксистов—Н. Бельтов" (Г. В. Плеханов) [2]).

О том же самом писал в свое время и тов. Зиновьев. В книжке „Из истории нашей партии" он так характеризовал выступление Плеханова и Ленина против „легальных марксистов": „И величайшая заслуга, отчасти Плеханова, но гораздо большая заслуга Ленина заключается в том, что уже тогда, в конце 90-х годов, они стали выступать на борьбу против „легального марксизма" [3]). На-ряду с этим тов. Зиновьев в таких выражениях характеризовал „оттенки" выступления Плеханова и Ленина против Струве: „Плеханов тоже полемизировал со Струве, но полемизировал академически. Плеханов вообще был академик и теоретик. Он брал книгу, как книгу. Как чистый литератор, он вел преимущественно словесный спор. Он говорил автору: у тебя вот тут-то и там-то промахи, но он не умел нащупать живой нерв, как нащупал его у Струве Ленин. Ленин первый почувствовал, что этот самый Струве завтра будет сторонником буржуазии, что завтра он будет превозносить уже не прогрессивные стороны капитализма, а станет прямо прославлять капиталистов, что завтра он просто продастся капиталистам. Ленин первый подчеркнул это, первый резко отмежевал подлинный революционный марксизм от „легального марксизма" [4]). И едва ли какие-либо новые документы заставят нас пересматривать эту характеристику „оттенков" в выступлениях Ленина и Плеханова против Струве и его единомышленников. Тов. Ваганян думает, очевидно, иначе, ибо он в своей книге подвергает коренному пересмотру вышеуказанную точку зрения. Он изображает дело таким образом, что наиболее последовательную, наиболее ортодоксальную и наиболее непримиримую позицию по отношению к струвизму занимал не Ленин, а Плеханов.

---

[1]) В. Ваганян, „Г. В. Плеханов", Гиз. 1924 г., стр. 308—9.
[2]) См. Орловский, „К истории марксизма в России", изд. 1919 г. стр.30, 31.
[3]) Г. Зиновьев, „К истории нашей партии", издан. 1919 г., стр. 11).
[4]) Там же, стр. 12.

Рассматривая вопрос о струвизме, тов. Ваганян пишет: „Все это (т. е. то, что наиболее опасным врагом рабочего класса были либеральные критики революционного марксизма. *А. Б.*) Плеханову было хорошо известно задолго до того, как он выступил публично против Струве, и решение о необходимости провести точное размежевание с новым либерализмом созрело в нем еще в конце 90-х годов, о чем свидетельствует В. И. Ленин".

В записи „О том, как чуть не потухла „Искра" он рассказывает, что одним из основных принципиальных вопросов, по которым наметились расхождения между ним и Плехановым, был вопрос о том, пригласить или нет Струве и Туган-Барановского в качестве сотрудников предпринимаемого журнала [1]).

„Итак,—добавляет т. Ваганян,—Ленин и Потресов полагали, что Струве „идет к нам". А что оказалось на деле? На деле Струве оказался человеком, уже „осознавшим" себя, чувствующим себя представителем определенного политического течения, который хотел равноправного участия в журнале. С точки зрения Струве единственно приличным modus vivendi казалось именно такое равноправие, что, разумеется, ни в какой мере не входило в расчеты Ленина".

„Такой исход переговоров нужно было предвидеть, он был заложен в характере того критического похода, который предпринял Струве против Маркса. Но Ленину нужен был еще предметный урок, и он его получил" [2]).

Вот как изображает дело тов. Ваганян. И здесь уже становится ясным, куда намерен направить тов. Ваганян свой „ревизионистский" пыл. Здесь уже начинаешь понимать, что им владеет некая предвзятая „теория", которая делает его совершенно глухим к голосу действительных исторических фактов. Оставим пока тов. Ваганяна наедине с его „теорией". Обратимся лицом к историческим фактам.

Известно, что в самом конце 90-х и в начале 900-х годов громадное значение для строительства нашей партии Ленин придавал созданию общерусской политической газеты. В имеющих появиться в 3-м номере „Ленинского сборника" статьях Ленина, написанных им в Сибири в 1899 году, еще более отчетливо выясняется то значение, которое Ленин придавал созданию такой газеты. В статье „Наша ближайшая задача" Ленин выдвигает задачу единой „централистической партии", которая покончила бы с „кустарничеством" с „узкой местной раздробленностью" и с „узкой кружковщиной". В этих целях Ленин и выдвигал план организации „правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа". „Организация революционных сил,—писал Ленин,—дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных

---

[1]) „Ленин, сборник", II, стр. 229—30.
[2]) Там же, стр. 231.

форм и правил ведения дела, без установления через посредство центрального органа ответственности каждого члена партии перед всей партией".

Выдвигая эту идею, Ленин придавал ей исключительное значение. Он утверждал, что на осуществление этой насушнейшей задачи необходимо „сосредоточить все силы партии—все литературные силы, все организаторские способности, все материальные средства и проч." При этом Ленин подчеркивал, что все формы деятельности партии, все формы революционной борьбы как-то: „местная агитация, манифестации, бойкот, травля шпионов, травля отдельных представителей буржуазии и правительства, демонстративные стачки и проч.", теряют „девять десятых" своего значения, ежели они не объединяются в центральном органе всей партии. Ленин прямо утверждал, что „без революционной газеты у нас невозможна никакая широкая организация всего рабочего движения". Тов. Ленин представлял себе, что такая газета должна быть общерусской, должна быть политической и в то же время должна быть, как он выражался, „в то же время и передовым демократическим органом". Отсюда понятно, какое значение придавал Ленин снабжению такой газеты различным политическим материалом, характеризующим политическую жизнь всей страны, всех ее классов, групп и политических образований. В статье „Наша программа" Ленин писал „Русская социал демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой". Исходя из этого, он говорил, что „социал-демократия видит одну из важнейших задач политики в том, чтобы пользоваться содействием прогрессивных классов против реакционных". Общерусская политическая газета была нужна Ленину, между прочим, и потому, что при отсутствии такой газеты эта задача, как он говорил, „почти не исполняется".

„Только общий орган партии,—утверждал Ленин,—последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа. А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя в современной России крупнейшую политическую силу.

Приехав в 1900 году из ссылки за границу, Ленин главнейшей своей задачей ставил создание именно такой общерусской газеты, которая смогла бы выполнить насущную задачу момента, выдвигаемую Лениным в то время перед местными партийными организациями. Подготовку к созданию такой газеты—„Искры"—Ленин начал в России и с исключительной энергией и напряжением

продолжал и за границей. Создание такой газеты Ленин не мыслил без участия группы „Освобождение труда", Плеханова в первую очередь. При этом Ленин, придавая громадное значение для газеты политического материала, стремился привлечь к сотрудничеству П. Струве и М. И. Туган-Барановского.

На совещаниях, которые происходили за границей в связи с организацией „Искры", этот последний вопрос являлся спорным. В „записи" Владимира Ильича, озаглавленной им „Как чуть не потухла „Искра", он, между прочим, в таких словах касается этого вопроса: „Были „трения" и по вопросам тактики журнала: Г. В. (Плеханов) проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность. Наши заявления, что мы обязаны быть елико возможно снисходительны к Стр(уве), ибо мы сами не без вины в его эволюции: мы сами и Г. В. (Плеханов) в т(ом) ч(исле) не восстали тогда, к(ог)да надо было восстать (1895, 1897). Г. В. (Плеханов) абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей, вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не разъясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта... дипломатичность поражала крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, ч(то) в 1895 г. ему, Г. В. (Плеханову), будто бы, было „приказано" (??) „не стрелять" (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!). Зачем обманывать себя, уверяя, ч(то) в 1897 г. (когда Стр(уве) писал в „Нов(ом) Сл(ове)" о своей цели опровергнуть одно из основных положений марксизма, он, Г. В. (Плеханов), не выступал против, ибо абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками. Эта неискренность страшно раздражала тем более, что Г. В. (Плеханов) старался в спорах представить его так, будто мы не хотим беспощадной войны со Стр(уве), будто мы хотим „все примирить" и проч." [1]). Вот как обстояло дело А увлеченный своей, неизвестно из каких источников почерпнутой схемой, тов. Ваганян развязно утверждает, что Ленин в роде того что не совсем еще раскусил в то время господина Струве, и что ему нужен был в этом деле еще „предметный урок". Это весьма неумное умозаключение т. Ваганяна основано на явном непонимании им причин расхождения между Плехановым и Лениным по вопросу о Струве. В записи Ленина от 29/XII—1900 г. по этому поводу читаем следующее:

„По первоначальной передаче дела Арс(еньев)ым (Потресовым) я понимал так, что бл. (Струве) идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны,—оказалось к(а)к-раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, ч(то) Арс(енье)ву (Потресову) очень уже хотелось того, чем „манил" бл. (Струве), именно политического материала, корр(еспонденций) etc., а чего хочется,

[1]) См. „Лен. сборник", I, стр. 72.

тому верится" и Арс. (Потресов) верил в возможность того, чем манил бл. (Струве), хотел верить в искренность бл(изне)ца (Струве), в возможность приличного modus vivendi с ним". Прочитав внимательно эту „запись", диву даешься, каким это образом тов. Ваганян мог сделать из этого эпизода выводы, которые он сделал в своей книге, исказив позицию Ленина самым непозволительным образом.

Вот что значит находиться во власти предвзятой схемы. В угоду ей тов. Ваганян замалчивает все факты. Да и зачем они ему, когда у него есть столь милая его ревизионистскому умонастроению „теория". Спрашивается только, откуда он ее выкопал, кто это ему ее насвистел в уши.

Но обратимся снова к фактам.

Ленин разглядел в Струве подлинного либерала еще в 1895 году; тогда уже он выступил против него со всей резкостью и решительностью.

И последующие годы могли служить для Ленина лишь подтверждением правильности занятой им по отношению к Струве позиции. Ленин в этом вопросе ни в каких „предметных уроках" не нуждался. Все разговоры о том, что Плеханову кто-то в 1895 году приказывал „не стрелять" в Струве, являются, говоря прямо, сказками. „Стрелял" в Струве в 1895 году не кто иной, как Ленин, а Плеханов в это время взял Струве под свою защиту.

Пусть т. Ваганян возьмет еще раз в руки книгу Н. Бельтова „К монистическому взгляду на историю", изд. 1906 г.; и развернет стр. 248—9, 277 и 281. В деле непримиримости принципиальной позиции Ленину 90-х и 900-х годов нечему было учиться у Плеханова, ибо прав тов. Зиновьев в своем утверждении, что Ленин первый резко отмежевал подлинный „революционный марксизм" от „легального марксизма". И весьма странным является то, что т. Ваганян не заметил в цитированной выше „записи" фразы, что Плеханов „старался в спорах представить его так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве". Ведь, здесь Ленин очень резко подчеркивает, что он стоял на точке зрения „беспощадной войны со Струве". А по Ваганяну получается, что в 1900 году Ленин думал, что Струве „идет к нам", ошибался в этом и получил „предметный урок". Все это было бы лишь вздорными пустяками, если не было бы легкомысленнейшим извращением позиции Ленина.

В той же „записи", которую я уже цитировал выше (от 2/IX 1900 г.), Ленин пишет: „Ставятся вопрос об отношении к Бобо (Струве) и Мих. Ив. (Туган-Барановскому). Мы стоим за у с л о в н о е приглашение; (нас неизбежно толкала на это резкость Г. В. (Плеханова): мы хотели этим показать, ч(то) желаем иного отношения". И далее Ленин рассказывает, как после целого ряда переговоров и окончательного выяснения отношений Плеханова к этому вопросу он решил уступить,—в записи читаем следующее: „Видя, что мы оба с Арс. (Потресовым) решили уступить и с самого начала вечернего заседания заявили, что „по насто-

янию Г. В. (Плеханова) отказываемся“ [1]). И опять-таки весь этот эпизод обнаруживает совсем не то, что Ленину нужен был „предметный урок“, а то, что Ваганян до последней степени исказил, не понял сущности отношения к этому вопросу Плеханова, с одной стороны, и Ленина—с другой. Разница в отношении этих двух людей к Струве была, но эта разница заключалась совсем не в том, в чем видит ее тов. Ваганян. В позиции Плеханова чувствуется не практик, а теоретик, и от резкой постановки вопроса о Струве веет на нас прежде всего некоторой отвлеченностью и теоретичностью. Ленин же подходил к этому вопросу, как практик, теснейшим образом связанный со всеми нуждами рабочего движения и строительства партии. Ленин глубоко понимал практику революционного дела, был теснейшим образом связан с ним и одновременно стоял на высоте самой передовой, самой революционной теории нашего времени, которая давала ему возможность безошибочно определять свою позицию по отношению к врагам марксизма и рабочего класса. Плеханов, будучи оторван от практической работы, значительно менее остро, чем Ленин, понимал ее насущные задачи. Поэтому нередко Плеханов только внешне казался, якобы, „ортодоксальнее“ Ленина, на самом же деле настоящая ортодоксия была на стороне Ленина. Так было и в разбираемом случае. Тов. Ваганян обнаруживает здесь уже не только пренебрежение к фактам, а явное непонимание самой сути, „духа“ ленинской линии,—глубочайшей, непрерывной, все собой проникающей, теснейшей связи теории и практики движения. Чувствуя себя стоящим непоколебимо на основе самой передовой теории современности, Ленин мог в интересах практики дела вступить в те или иные временные комбинации и политические соглашения. Недаром он говорил, что бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется [2]). И впоследствии Ленин неоднократно возвращался к оценке своего „союза“ с „легальными марксистами“ (см. т. V, стр. 128 - 9, и т. VIII, стр. 473—476), и, между прочим, неоднократно предостерегал от точки зрения людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело [3]). Ленин, когда был убежден в полезности данного соглашения для практики революционного дела, не боялся итти на целый ряд „уступок“, ибо он чувствовал себя на крепкой теоретической позиции и ясно видел все возможные опасности того или иного соглашения. И одной из характернейших особенностей ленинской тактики была величайшая гибкость, уменье сочетать теоретическую непримиримость со способностью ни на одну секунду не отрываться от практических требований данного момента.

У Плеханова не было этого ленинского качества. В разобранном мною эпизоде все это и оказалось в полной мере. Тов. Ва-

---

[1]) См. „Ленинский сборник“, т. I, стр. 36.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. V, стр. 36.
[3]) Там же, 129.

ганян обнаружил такое безграничное непонимание всего этого эпизода и так извратил роль Ленина в нем, что приходится прийти к выводу, что не просящий „пощады" у критики исследователь Плеханова поверил здесь больше некоторым критикам Ленина, чем самому Ленину, „записи" которого („Как чуть не потухла „Искра"), кстати сказать, он обвиняет в „чрезмерном субъективизме" (см. стр. 128).

Дальнейшие события этого же порядка, связанные уже с работой „Искры", дают лишь подтверждение именно нашей оценке.

Между Струве и „Искрой" (в 1900—01 г.) шли переговоры об издании специального журнальчика „Современное Обозрение", который явился бы приложением к журналу „Заря". В связи с этим естественно разрешался и вопрос об использовании для „Искры" политического материала, приходящего в „Современное Обозрение". В письме Ленина к Плеханову от 30 января 1901 года по этому поводу мы читаем следующее: „Насчет „демократической оппозиции" Иуда не спорил: он не романтик, и его словами не запугаешь. А вот насчет „7-го пункта" (утилизация материала для „Искры",—материала, приходящего в „Современное Обозрение") он ловко обошел наших, которые все, и П. Б. Аксельрод у compris, встали за него против меня". Далее Ленин поясняет: „Он требует, чтобы утилизация материала для „Искры" была возможна только по соглашению с представителем „Современного (Обозрения)"... И добавляет: „Выпускать он хотел бы ежемесячно по пяти листов, сиречь около 200 тысяч, как-раз столько, сколько в двух листах „Искры". Из этого Ленин делает такой вывод: „дело ясное: конкуренция направляется не столько против „Зари", сколько против „Искры": то же преобладание пол(итического) материала, тот же газетный характер—о б о з р е н и е текущих событий, коротенькие статьи (Иуда (Струве) с очень верным тактом придает громадное значение частому выходу тоненьких книжек с маленькими статьями). Нас будут заваливать материалом сего рода, мы будем бегать по исполнению поручений Иуды (Струве), который своим хозяйничанием в „Современном Об(озрении)" (дело очевидное, что хозяин, и хозяин полный, будет там он, ибо у него деньги и 99% материалов,—мы разве изредка мало-мало что в состоянии будем дать туда) сделает великолепную л и б е р а л ь н у ю к а р ь е р у и попытку оттереть не только тяжеловесную „Зарю", но и „Искру".

„Спрашивается,—продолжает Ленин,—неужели пресловутая „гегемония" соц(иал)-демократии не окажется при этом пустым cant'ом. В чем она выразится, кроме словечка: „приложение к со-(циал)-д(емократическому журналу)"? Что материалом он нас задавит,—это несомненно, ибо мы и для „Зари"-то с „Искрой" не успеваем писать". В заключение Ленин пишет следующее: „Если нам суждено и возможно добиться действительной гегемонии, то исключительно при помощи политической газеты (подкрепленной научным органом), и когда нам с возмутительной наглостью заявляют, что политический отдел нашей газеты не должен кон-

курировать с политическим предприятием гг. либералов, то наша жалкая роль ясна, как божий день". И, как практический вывод, Ленин приглашает Плеханова тоже поднять знамя восстания. „Лучше разрыв,—добавляет он,—чем это фактическое подчинение программе credo на-ряду с громкими фразами против cred'изма". Это письмо целиком подтверждает нашу точку зрения и целиком опровергает тов. Ваганяна. Здесь Ленин, придававший большое значение „политическому материалу" для „Искры", хотел использовать П. Струве и К⁰., но в то же время он ни на одну иоту не собирался поступаться „гегемонией социал демократии". И когда обнаружилась в этом пункте опасность („он ловко обошел наших, которые все, и П. Б. Аксельрод у compris, встали за него против меня"), то Ленин немедленно же бьет в набат и приглашает Плеханова „тоже поднять знамя восстания". Плеханов в ответ, повидимому, на это письмо Ленина пишет следующее (см. письмо Плеханова к Ленину, суббота, февраль 1901 г.): „Необходимо согласиться, поторговавшись, однако, насчет материала для „Искры". Обстоятельства таковы, что разрыв теперь погубит нас, а после мы посмотрим". И это письмо опять-таки направляется против точки зрения тов. Ваганяна. Ибо в этом письме Плеханов занимает примирительную позицию. Это не значит, конечно, что здесь Плеханов отошел от ортодоксальной точки зрения, это значит лишь, что безысходно запутался тов. Ваганян, когда он в предыдущем эпизоде практическую гибкость Ленина понимал как чекоторую уступку, направленную чуть ли не против ортодоксии.

В практике „Искры" был еще один эпизод, который еще раз обнаружил точки зрения всех членов редакции „Искры" в вопросе о либералах. Этот эпизод связан со статьей Ленина „Гонители земства и Аннибалы либерализма", направленной против Струве.

В настоящее время мы имеем переписку между всеми редакторами „Искры" по поводу этой статьи Ленина. Эта переписка будет целиком напечатана в 3-м номере „Ленинского сборника".

В письме от 9-го июля Ленин пишет Аксельроду:

„Я написал статейку по поводу записки Витте и предисловия к ней, разругал, конечно, г. Р. Н. С. (Струве)—Вел(ика) Дм(итриева)—(Засулич) очень недовольна, и придется посылать статью Г. В. (Плеханову) и т. д.: больной пункт—этот господин Р. Н. С. (Струве)".

Статья была послана Плеханову. И вот что мы читаем по поводу этой статьи в письме Плеханова к Ленину от 14-го июля:

„Статью вашу я прочитал с величайшим вниманием и скажу вот что: отзывы ваши о г. Р. Н. С. (Струве) вполне определенны, но... и тут кое-что надо смягчить. И вот почему. В ваших отзывах слышно весьма понятное нам раздражение. Но читателю ваше раздражение может быть непонятно".

И далее, переходя к существу вопроса, Плеханов формулирует свою точку зрения таким образом:

„Не следует теперь ругать либерала вообще. Это нетактично,

надо от плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно".

Плеханов еще раз подчеркивает эту свою мысль в таких выражениях:

„Следует несколько раз оговорить, что те, которых вы презрительно аттестуете, собственно говоря, недостойны называться либералами, что плохи так-называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большего уважения. Мы, ведь, должны относиться к либералам, как к возможным союзникам, а тон у вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его, голубчик; статья сама по себе прекрасная, и было бы жалко, если бы производимое ею впечатление было отчасти испорчено некоторыми слишком резкими выражениями по адресу либерализма. Вы говорите как враг, а надо говорить как союзник (хотя бы только в возможности)".

А в конце своего письма Плеханов еще раз советует Ленину:

„Итак, смягчайте, голубчик, либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это—большая ошибка".

Здесь перед нами, несомненно, выступают два „оттенка" в отношении к либералам и либрализму. И не оставляет никакого сомнения то, что Ленин не нуждался ни в каких предметных уроках для того, чтобы раскусить русского либерала; наоборот, Плеханов обнаруживал некоторые, выражаясь, современным термином, „уклоны". В архиве Института Ленина имеется письмо Мартова к Ленину (от 17/IV 1902 года), в котором тот передает свой разговор с Плехановым и формулировку последнего, что имеются две точки зрения на либерализм—„бельтовская" и „тулинская". А различие между Бельтовым и Тулиным, т.-е. различие между Плехановым и Лениным, в отношении к либерализму 1895 г. мы уже видели: Ленин звал „стрелять" и „стрелял" уже по Струве, а Плеханов предпочитал защищать его.

И после этого Ваганян считает возможным утверждать в своей книге, что:

„Письма Плеханова внесут немало коррективов в наше представление о влиянии Плеханова на кристаллизацию линии „Искры" по отношению к либералам" [1]).

Дальнейшее разъяснение этого утверждения не оставляет сомнения в том, что тов. Ваганян представляет себе дело таким образом, что именно Плеханов являлся наиболее последовательным в борьбе с „критиками" из либерального лагеря. На самом деле положение было, несомненно, совсем обратное. И если кто в действительности самым решительнейшим образом влиял на кристаллизацию линии старой „Искры" по отношению к либералам, то, несомненно, этим был не кто иной, как Ленин. Вновь публикуемые материалы из литературного наследства Ленина с особенной ясностью обнаруживают, что именно с начала 900-х

---

[1]) См. там же, стр. 231—32.

годов Ленин твердо занимает пост настоящего вождя революционной социал-демократии.

По вопросу о помещении статьи Ленина Аксельрод занял примирительную, колеблющуюся позицию. В своем письме к мюнхенской части редакции (без даты) он пишет следующее:

„Я должен сознаться, что если бы статья прислана была посторонним сотрудником, то я стал бы за ее помещение в ее настоящем виде, по той причине, что революционный дух ее очень подкупает и освежающим, бодрящим образом действует".

В том же письме Аксельрод отмечает:

„Если Р. Н. С. (Струве) грешит сбивчивостью и колебаниями вправо, то наш автор грешит теми же недостатками — под влиянием радикальных симпатий. Поэтому-то он впадает в обличительно-полемический тон, который, говорю откровенно, и мне местами казался nicht am Platze, по крайней мере, настолько не мотивированным, что я опасался, что он „непонятен будет читателю".

В письме от 19-го июля Аксельрод заявляет:

„Еще раз: я не вотирую против печатания статьи".

Статья тов. Ленина, как известо, была помещена. Что же отвечал сам Ленин на те возражения, которые были сделаны против его статьи. В письме Аксельроду от 21-го июля он пишет:

„Г. В. (Плеханов) написал уже мне довольно подробно, в чем он видит желательные изменения, и я, конечно, постараюсь сделать все эти изменения (только относительно перемены тона... не знаю уже, удастся ли. Вряд ли смогу в дипломатическом тоне писать о господине, вызывающем во мне бурные чувства. И вряд ли вполне прав Г. В. (Плеханов), что моя ненависть непонятна будет читателю: сошлюсь для примера на Parvus'а, который, не зная автора, вынес из чтения предисловия тоже вражду к этому „тетереву", как он выразился, но это в скобках)".

В письме к Плеханову от 5-го июля по тому же поводу Ленин пишет:

„Я получил свою статью от П. Б. (Аксельрода) с его письмом. П. Б. (Аксельрод) тоже стоит за смягчение. И я, разумеется, внес все конкретно указанные вами и П. Б. (Аксельродом) смягчения".

И добавлял он: „Если бы у меня не было „раздражения" против автора, я бы и не писал так. А раз есть „раздражение" (понятное не только нам, но и всякому социал-демократическому читателю предисловия), то мне уже его не скрыть и тут уже не схитрить. Постараюсь еще и еще смягчить и еще и еще оговорить: м(ожет)-б(ыть), кое что и удастся".

Таким образом, Ленин шел на смягчение своей статьи под напором Плеханова, Аксельрода и Засулич, отбрасывая при этом все основное в мотивировке соредакторов. Отвечая на упреки в „упорстве", он писал Аксельроду в письме от 26-го июля:

„Напрасно только вы думаете, что я чересчур („порядком") „упорен". Все ваши указания на смягчение определенных мест, как и все указания Г. В. (Плеханова), я принял во внимание, т.-е. везде смягчил".

А в дальнейшем он дает такое разъяснение направлению своего упорства: „Вообще,—пишет Ленин,—я вовсе не так уже упорен насчет смягчений частных, но принципиально не могу только отказаться от мысли о нашем праве (и нашей обязанности) разнести Р. Н. С. (Струве) за его политическое жонглерство".

Вся эта переписка, между прочим, свидетельствует о том, что те „бурные чувства", которые „чувствуются" в „тоне" статьи Ленина против Струве, являются в известной степени отражением последних „встреч" со Струве. В письме к Аксельроду от 26-го июля Ленин так и пишет: „В свою критику я внес все, что дали нам последние месяцы (т. е. Verhandlungen с „теленком" (Струве), попытки договора etc.), так-сказать, душу отводил, сводя счеты с этим субъектом". Таким образом и этот эпизод в выработке „Искрой" своего отношения к либералам свидетельствует лишний раз о непонимании т. Ваганяном роли Ленина в данный период развития нашей партии. Тов. Ваганян буквально, как гимназист, „очарован" Плехановым. Это мешает ему видеть действительное положение вещей. Это толкает его к извращению роли Ленина.

Буквально то же самое обнаруживается и в вопросе об „экономизме". Тов. Ваганян опять-таки изображает дело так, будто бы только Плеханов стоял на точке зрения беспощадной борьбы с „экономистами", и будто бы Ленин обнаруживал в этом вопросе примиренчество и колебания.

Тов. Ваганян пишет: „Плеханов не мог выносить не только прямых примиренческих половинчатостей, но и простых упоминаний о возможной мягкости по отношению к экономистам, в то время как Ленин и Потресов были настроены более мирно, во всяком случае не столь резко". Объясняет „это" тов. Ваганян следующим образом: „Плеханов вел борьбу уже четвертый год, ему был совершенно ясен оппортунизм экономистов, и чем меньше были шансы на возможность скорой организации партии революционной с.-д., способной отвергнуть решительно экономический оппортунизм, тем решительней и непримеримей были его отношения ко всяким, хотя и малым, хотя бы кажущимся уклонениям от ортодоксии, незначительным послаблениям ревизионистам всяких толков. Это было неизбежно, это было разумно и необходимо".

„Мы не хотим оправдать тон разговоров Плеханова: он был недопустимо запальчив, мы хотим только подчеркнуть законность занятой им позиции: она была безупречна" [1]).

„Плеханов,—пишет Ваганян,—вел борьбу уже четвертый год".

А Ленин, спрашиваю я, сколько лет он вел эту же борьбу? „Ему, т.-е. Плеханову,—продолжает Ваганян,—был совершенно ясен оппортунизм экономистов". А Ленину, позвольте узнать, разве был менее ясен этот оппортунизм? Если не кто иной, как Ленин, первым начал „стрелять" по Струве, то не кто иной, как тот же Ленин, первым разгромил идеологию cred'изма. „Позиция Плеха-

---

[1]) См. В. Ваганян, там же, стр. 129.

нова,—отмечает тов. Ваганян,—была безупречна". Это, может быть, и так. Но зачем же заниматься намеками на то, что Ленин, якобы, повинен в „уклонениях от ортодоксии" и в „послаблениях ревизионистам всяких толков". А, ведь, этим с большой настойчивостью и развязностью занимается тов. Ваганян, хотя он и делает это в уклончивой форме. Но, как бы он ни осторожничал в формулировках, для всякого внимательного читателя совершенно ясно, что тов. Ваганян и здесь снова стремится изобразить Ленина чуть ли не примиренцем и колеблющимся.

А Плеханова, наоборот, он стремился самым тщательнейшим образом „защитить" от всех и всяческих упреков. Плеханов не нуждается в защите. Прекрасно известно, что на целом ряде книг Плеханова учились целые поколения революционных марксистов.

Зачем же, спрашивается, понадобилось тов. Ваганяну пускаться в такие „предположения" о Плеханове, какими он счел нужным заняться на странице 322 своей книги. Он пишет там: „Разумеется, если бы Плеханов был в России и мог наблюдать текущую работу ячеек и отдельных организаций, процесс возникновения „экономического" течения был бы ему виден, и, быть-может (вернее—наверное), он на много ранее 1898 года открыл бы борьбу против экономизма, как, вероятно, он начал бы борьбу с нео-народничеством и либерализмом уже со второй половины 90-х годов. Он бы, вероятно, имел возможность гораздо ранее того, как новое течение оформилось, разоблачить оппортунистические тенденции его".

Однако, промедление было лишь промедлением темпа, отнюдь не запозданием критики. Неужели Ваганян думает, что, „обставив" Плеханова бесконечным числом „если бы", „быть-может", „вероятно" и т. д., тем самым он поднимает значение Плеханова в борьбе с экономизмом и бернштейнианством. Для всякого ясно, что этим самым тов. Ваганян сбивает с толку в первую голову самого себя и обнаруживает наглядно свою полную неспособность не только по заслугам оценить Плеханова, но и понять Ленина. Не дано сие В. Ваганяну. Ленин тоже не нуждается в защите. Но, ведь, свою книгу Ваганян писал, полагаю, не для архивных мышей, а для людей. И книгу он написал „солидную" и „фундаментальную". А мы живем в такое время, когда на сцену снова вышло слово „ревизия", а тов. Ваганян еще в прошлом году обнаруживал свои антиленинские наклонности. Поэтому придется и в данном случае заняться некоторыми разъяснениями и опровержениями дабы облегчить тем людям, которые будут читать книгу тов. Ваганяна, быстрейшее понимание ошибок и извращений, которые в ней содержатся. В письме к Якубовой от октября 1900 г. тов. Ленин писал следующее: „Неужели вы думаете, что возможно обойтись без такого определения, без прямой и открытой расчистки поднятой „кредистами" и бернштейнианцами мути". И далее, он продолжает: „Начинающие борьбу в настоящее время отнюдь не разрушают единства. Единства уже нет, оно уже разрушено по всей линии. Русский марксизм и русская социал-

демократия—рассыпанные храмины, и прямая борьба против „критиков" бернштейнианцев и против „экономистов" (вы глубоко заблуждаетесь, если не видите, что те и другие—родные братья)—одно из необходимых условий восстановления единства". В „Ленинском сборнике" № 1 имеется письмо Владимира Ильича, адресованное Х-у, в котором Ленин спустя несколько дней после событий, описанных в записи „Как чуть не потухла „Искра", определяет свое отношение к „Союзу русских социал-демократов", находившемуся тогда в руках экономистов. В этом письме читаем: „Перейдем к делу по существу. Слияние невозможно. Федерация тоже невозможна, если понимать это слово в его настоящем смысле, т.-е. известное соглашение, договор, взаимные обязательства и т. п.". В этом же письме он решительнейшим образом возражает против утверждения, что между группой „Освобождение труда" и „Союзом русских социал-демократов" нет „принципиальных разногласий". Он пишет так: „Вы пишете, ч(то) принц(ипиальных) раз(ногласий) нет, и ч(то) С(ою)з готов на деле доказать свою решимость вести б(орь)бу с экон(омическим) напр(авлением). Мы убеждены, что по обиим этим пунктам вы ошибаетесь". „И,—добавляет он,—мы намерены литературно же выступить с опровержением мнения об отсутствии принц(ипиальных) разногласий, так что нек(ото)рые отношения к С(ою)зу у нас будут: отношения между полемизирующим". Эти документы совершенно опрокидывают все умозаключения тов. Ваганяна о каком-либо даже намеке на возможность того, что Ленин по отношению к экономистам был настроен „более мирно", чем Плеханов. Если тов. Ваганян вздумал утверждать такие вещи, то приходится особо подчеркнуть, что именно не кто иной, как Ленин, является застрельщиком в борьбе с Credo (протест 17-ти).

Ленин сразу занял к нему непримиримую позицию и никогда с этой позиции не сходил. И, будучи чрезвычайно близок к практике рабочего движения, превосходно понимая все насущные нужды именно этой практики, он, как никто другой, умел брать „быка за рога", выступая не только как теоретик, но и как доподлинный политический вождь. Вот этого-то и не в состоянии понять тов. Ваганян. Вот именно это-то он и искажает в своей книге. Это же непонимание обнаруживается им и при анализе тех споров, которые в 1902 году велись внутри редекции „Искры" между Лениным и Плехановым. Это один из интереснейших вопросов, какие можно только встретить на протяжении всей замечательной истории нашей партии и революционного марксизма в России.

И хотя тов. Ваганян не рассматривает „вопрос о программе в целом", что, несомненно, является уже ошибочным, но все же неоднократно в своей книге он подходит к оценке программных вопросов и даже касается наиважнейших вопросов, которые являлись предметами спора при выработке программы 1903 года. Так, на странице 245 он указывает на разногласия между Плехановым и Лениным по такому „крайне важному вопросу", как вопрос об

отношении пролетариата к мелкой буржуазии, а на странице 348 и следующих он подробно уже разбирает вопрос о программе в связи с вопросом о конечных целях. При чем он полагает, что именно решение этого вопроса являлось „показателем степени выдержанной революционной последовательности". Повторяю, то, что тов. Ваганян счел возможным не рассматривать вопроса о программе в целом, безусловно, являлось ошибкой, ибо это привело его сразу же к тому, что он оторвал вопрос о диктатуре пролетариата от тех споров, которые имели место внутри редакции „Искры" при выработке партийной программы по вопросу о взаимоотношениях пролетариата и „мелких производителей". А для всякого ясно, что решение этого вопроса в постановке, сделанной Лениным, имело теснейшее отношение к вопросу о гегемонии пролетариата, т.-е. к вопросу о диктатуре. Основная характеристика позиций Плеханова и Ленина в программных спорах 1902 г. дана тов. Ваганяном в такой формулировке: „Как всякое коллективное произведение, наша программа была результатом компромисса. В занимающем нас вопросе Плеханов представлял левое, наиболее резкое, так-сказать, якобинское крыло, в то время как все остальные члены редакции занимали позицию европейской ортодоксии, представляемой Каутским. Мы потому так долго и задержались над историей этого вопроса, что полагали чрезвычайно важным это его положение не только для характеристики личности, но и для правильного понимания мировоззрения его" [1]). Таким образом, по Ваганяну выходит, что в программных спорах 1902 года Плеханов представлял „якобинское крыло", а Ленин стоял на точке зрения „европейской ортодоксии".

Вот до каких умозаключений со ступеньки на ступеньку докатился тов. Ваганян.

Свои обширные замечания на „второй проект" Плеханова Ленин заключает следующим резюме: „Резюмируя все вышеприведенные замечания, я нахожу в проекте четыре основных недостатка, делающие, по-моему, этот проект неприемлемым:

1) крайняя абстрактность многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций;

2) отстранение и затемнение вопроса о специально русском капитализме — особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма: мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму;

3) совершенно односторонее и неправильное изображение отношения пролетариата к мелким производителям, отнимающее у нас базис в войне и с „критиками", и с мн(огими) др(угими);

4) стремление постоянно дать в программе объяснение процесса; объяснения дать все равно не удастся, а изложение

---

[1]) В. Ваганян, „Г. В. Плеханов", стр. 361.

становятся растянутым, встречается масса повторений, программа постоянно сбивается на комментарий" [1]).

Таким образом, Ленин требовал от партийной программы, чтобы она, во-первых, была программой „боевой партии"; во-вторых, была „прямым объявлением войны именно русскому капитализму" и, в-третьих, содержала бы такое „изображение отношения пролетариата к мелким производителям, которое давало бы „базис в войне и с „критиками" и с мн(огими др)угими". Таким образом, Ленин напал на проект Плеханова не с точки зрения „европейской ортодоксии", а с точки зрения революционной марксистской теории, опирающейся на практику периода, непосредственно примыкающего к первой российской революции. И если бы тов. Ваганян дал бы читателю своей книги в руки приведенную мною ленинскую оценку плехановского проекта, то тем самым он дал бы такую путеводную нить, которая, без сомнения, давала бы читателю возможность разобраться во всех тех искажениях, которые допускает тов. Ваганян при оценке позиций Плеханова и Ленина в программных спорах 1902 года. Но он здесь предпочел умолчать об этой замечательной ленинской оценке плехановского проекта. Ошибки, искажения и извращения тов. Ваганяна станут особенно ясными, если мы от общей оценки перейдем к рассмотрению отдельных пунктов проекта программы 1902 года. Тов. Ваганян неоднократно отмечает, указывает и подчеркивает, что „Ленин и Мартов находились под сильнейшим влиянием Каутского" [2]). Приведя замечания Ленина на VIII параграф первого проекта Плеханова (о диктатуре пролетариата) [3]), тов. Ваганян пишет: „Его (т.-е. Ленина) коробят ясные и слишком определенные слова Плеханова насчет того, каковы будут средства завоевания этих средств". И далее он продолжает так: „Со всех точек зрения приведенные замечания характерны и еще раз и особенно убедительно показывают, что В. И. Ленин находился под сильным влиянием немецких теоретиков, в частности Каутского, чья программа и служит все время образцом для сравнения. Именно немецкая манера была к тому времени избегать говорить слишком определенно о диктатуре и о переходной эпохе борьбы за конечные цели, как-раз Каутский к началу столетия вел свою „каучуковую" тактику, которая и диктовала ему необходимость стирать наиболее острые углы, чтобы не дразнить бернштейнианцев, чтобы не создавать повода к резкой внутрипартийной борьбе" [4]).

Разберем этот пункт внимательно. В своих замечаниях к параграфу VIII первого плехановского проекта Ленин наставил немало вопросительных знаков, но разве из этого можно сделать

---

[1]) См. „Ленинский сборник", II, стр. 86—7.

[2]) См. В. Ваганян, там же, стр. 354.

[3]) К параграфу VIII (абзац о диктатуре) Ленин сделал такое замечание: „Г(осподи)н полож(ения)", „беспощ(адно) раздав(ить)", „дикт(ат)ура". (Довольно с нас социальной революции). См. „Ленинский сборник", II, стр. 28.

[4]) В. Ваганян, там же, стр. 354—5.

те выводы, которые мы читаем в книге Ваганяна. Безусловно, нет, ибо надо взять не только эту стадию спора, но и весь его в целом. А, беря его весь в целом, мы увидим, что в ленинском проекте программы, составленном после плехановского проекта (после совещания редакции „Искры" от 21-го января 1921 года), имеется параграф IX, который сформулирован следующим образом: „Чтобы совершить эту социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть, к(ото)рая сделает его господином положения и позволит ему устранить все препятствия, стоящие на пути к его великой цели. В этом смысле дикт(а)т(у)ра прол(етариата) составляет необходимое политическое условие социальной революции". А тов. Ваганян этой формулировки Ленина не выделил, не подчеркнул.

Приведя все пять параграфов, относящихся к вопросу о конечной цели, он счел возможным сопроводить их таким замечанием: „сравнивая эти параграфы с проектом Плеханова, нетрудно заметить, что В. И. Ленин действительно вытравил из них все, что могло хотя сколько-нибудь показаться несдержанным и резким" (стр. 357).

Бесподобно сказано! Хорош „исследователь"! О Каутском поговорил, на „каучуковую" тактику самым недвусмысленным образом намекнул, а мимо ленинского § IX, формулирующего ясно и точно „диктатуру пролетариата", прошел, фактически его замолчал.

Таким образом, формулировка вопроса о диктатуре в IX параграфе ленинского проекта ничем не отличается от плехановской. Пойдем дальше. В то время как Ленин в своем проекте, написанном после первого плехановского проекта, вставляет специальный пункт о диктатуре пролетариата, Плеханов во втором своем проекте вместо этого пункта дает весьма расплывчатую формулировку. Ленин в своих замечаниях на этот второй проект указывает на это упущение. Там мы читаем: „Кстати. В проекте упущено указание на диктатуру пролетариата, бывшее первоначально" [1]). И тут же Ленин указывает: „Признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением Ком(мунистического) Ман(ифеста), что пролетариат один только есть действительно революционный класс" [2]). Плеханов согласился на вставку „диктатуры пролетариата" (см. письмо Плеханова к Засулич от 19-го марта 1902 года) [3]). Рассмотрев всю эту историю с пунктом о диктатуре, тов. Ваганян не может удержаться, чтобы не взять здесь под свою защиту Плеханова против Ленина, ибо иначе никак нельзя понять следующего вывода, который имеется на странице 359 его книги: „Таким образом,—подчеркивает тов. Ваганян,—смягчение явилось результатом уступок Плеханова Ленину" [4]). Далее, Ленин

---

1) См. „Ленинский сборник", II, стр. 80.
2) Там же, стр. 80—81.
3) См. там же, стр. 95.
4) См. В. Ваганян, там же, стр. 359.

не ограничивается только этим, но он и в дальнейшем самым внимательнейшим образом следит за формулировкой пункта о социальной революции и диктатуре пролетариата. В комиссионном проекте партийной программы в пункте VIII содержалась такая формулировка: „В то же время усовершенствование техники, обобществляя процесс труда внутри мастерской и концентрируя производство, создает возможность такой социальной революции, которая составляет“ ...[1]) Ленин в своих замечаниях уже на этот комиссионный проект программы предлагает в этом пункте прибавить: „И необходимость“ (социальной революции) [2]). И когда тов. Ваганян хочет изобразить дело таким образом, что именно этот вопрос был „главным боевым вопросом“ [3]), и что в этом вопросе Плеханов занимал левую позицию, то здесь он не только безбожно путает, но и доказывает, что он ничего не понимает в программных спорах 1902 года. Конечно, вопрос о диктатуре пролетариата является важнейшим вопросом, но в программных спорах между Плехановым и Лениным он, как таковой, не был ни „главным“, ни „боевым вопросом“, ибо здесь-то как-раз между ними не было разногласий. И совсем уж не зачем изображать дело так, как-будто бы Ленин по этому вопросу выступал защитником „каучуковой тактики“. Это—вздор и явное искажение. Ленин связывал вопрос о диктатуре пролетариата с вопросом о взаимоотношении пролетариата и мелкой буржуазии. А в этом последнем и действительно важнейшем пункте разногласий Ленин не только обнаружил последовательнейшую ортодоксальность (против Плеханова), но и дал такое понимание этого вопроса, которое имеет исключительно важное значение для уяснения всей позиции Ленина в вопросе об отношении пролетариата и мелкой буржуазии, пролетариата и крестьянства. И следует особо подчеркнуть, что именно в этом пункте тов. Ленин сугубо „напирает“ на протяжении всех споров вокруг программы партии. Я возьму лишь наиболее отчетливые окончательные формулировки, данные по этому вопросу. В комиссионном проекте параграф VIII был формулирован следующим образом: „Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные капиталистическому способу производства, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей и обостряется борьба ее передового представителя, пролетариата, с защитниками этого порядка“ [4]). В своих замечаниях Ленин самым решительнейшим образом протестует против мысли, выраженной в последней части этого параграфа (о „передовом представителе“). Ленин пишет: „Параграф VIII показывает у п о р н о е н е ж е л а н и е комиссии соблюсти точное и недвусмысленное условие, поставленное ей при самом ее „рождении“. На о с н о-

---

[1]) См. там же, стр. 125.
[2]) См. там же, стр. 125.
[3]) См. „Ленинский сборник“, II, стр. 123.
[4]) См. „Ленинский сборник“, II, стр. 123—4.

вании этого условия должна быть сделана вставка, к(ото)рую комиссия и сделала в § 10, при чем до вставки речь должна итти только о классовой борьбе одного пролетариата. Последнего требования, ясно выраженного в примирительном договоре комиссия не исполнила, и я считаю себя в праве настаивать на его исполнении" [1]). И тут же он добавляет: „Чтобы иметь право говорить о движении пролетариата, о классовой его борьбе и даже о классовой диктатуре, обязательно сначала выделить этот один класс, а потом уж сделать добавление о его роли представителя" [2]). Повторяю, Ленин придавал этому вопросу исключительное значение, и в программных спорах 1902 года он постоянно его выделяет, им тщательно занимается и на него „напирает". Исключительное внимание Ленина к этому вопросу проходит красной нитью через все программные споры 1902 года. Ленин знал, на что и когда надо нажимать. И в начале 900-х годов, непосредственно перед первой российской революцией, он указывал и настаивал на необходимости самого резкого выделения классовой борьбы пролетариата, обязательного выделения „одного" этого класса, и делал он это в интересах именно того, чтобы пролетариат в дальнейшем смог повести за собой массы эксплоатируемой капитализмом мелкой буржуазии, т.-е. в интересах того рабоче-крестьянского блока, который является альфой и омегой всей нашей нынешней политики. В своих дополнительных замечаниях на комиссионный проект программы, Ленин в специальном „добавлении" к вопросу о классовой борьбе" пишет: „Желательно привлечь всех мелких производителей,—конечно. Но мы знаем, что это—особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячью нитей и переходных ступеней, но все же особый класс".

„Обязательно сначала огородить себя от всех, выделить один только, единственно и исключительно, пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает".

„Я согласен на это „потом", но я требую раньше этого „сначала".

„У нас в России дьявольские муки „трудящейся и эксплоатируемой массы" не вызывали никакого народного движения, пока „горстка" фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта „горстка" гарантирует ее ведение, продолжение, расширение. Именно в России, где и критики (Булгаков) обвиняют с(оциал)-д(емократов) в „крестьянофобстве", и с(оциалисты)-рев(олюционеры) кричат о необходимости заменить понятие классовой борьбы понятием „борьбы всех труд(ящихся) и эксплоатируемых" (В(естник) Р(усской) Р(еволюции), № 2),—именно в России мы должны сначала самым резким определением одной только классовой борьбы одного

---

[1]) Там же, стр. 124.
[2]) См. там же, стр. 124.

только пролетариата отгородить себя от всей этой швали,— а потом уже заявлять, что мы всех зовем, всех возьмем, все сделаем и все расширим".

„А комиссия „расширяет", позабывши отгородить... И обвиняют меня в узости за то, что я требую предпослать расширению эту „отгородку"... Ведь, это—подтасовка, господа". В этой последней цитате Ленин с особенной силой, отчетливостью и ясностью сформулировал свою точку зрения. Эта цитата ярким светом освещает нам не только позицию Ленина „искровского" периода, но и весь его гениальный подход к вопросу об отношении пролетариата и крестьянина, который является одним из краеугольных камней ленинизма. И диву даешься, каким образом ухитрился тов. Ваганян обойти эту постановку Ленина, каким образом, имея в руках весь текст программных споров 1902 года, нашел он смелость, мягко выражаясь, наговорить в своей книге таких небылиц о позиции Ленина при выработке программы II съезда. Я не говорю уже о том, что, исказив позицию Ленина, тов. Ваганян тем самым неправильно представляет и позицию Плеханова. Он не понимает того, что в программных спорах 1902 годе Ленин выступает как политический вождь, который ведет свою линию в полнейшем соответствии с требованиями эпохи. Новое, что вскрыли перед нами опубликованные в „Ленинском сборнике" программные споры внутри редакции „Искры", заключается именно в том, что с опубликованием этих материалов перед нами в полный рост встала гигантская фигура Ленина, который не только в вопросах политики и практики, но и в вопросах программы уже тогда фактически стоял во главе и шел и в программных вопросах впереди Плеханова. Тов. Ваганян весьма подчеркивает, что „Ленин унаследовал от Плеханова основные элементы своей грядущей аграрной политики", но он совершенно проходит мимо того, что Ленин дал такую постановку аграрной проблеме в России, до которой не поднялся, да и не мог подняться, Плеханов. Еще в 1899 году в своей статье „Проект программы нашей партии" Ленин отмечал, что в нашей программе должна найти полно выражение та „особенность России", которая выражается „особой постановкой крестьянского вопроса" [1]). И характеризуя особенности постановки крестьянского вопроса в России в отличие от Запада, тов. Ленин, между прочим, подчеркивает, что на Западе „промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни", а в России он „связан еще с деревней" [2]). В той же статье Ленин пишет: „В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т.-е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, ездят туда. Вопрос о выкупных платежах, о круговой поруке, об арендной плате живо интересует сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об ураль-

---

[1]) См. Ленин, Собрание сочинений, том V, стр. 382.
[2]) Там же, стр. 387.

ских, например, рабочих, в среду которых тоже начала проникать с.-д. пропаганда и агитация). Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позаботились о том, чтобы дать точное руководство для с. д-тов и сознательных рабочих, попадающих в деревню" [1]). Одновременно с этим Ленин отмечал также и особенности в положении крестьянства в России и писал так: „Рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, пройти мимо тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементаи. Сумеют ли эти революционные элементы русского крестьянства проявить себя хоть так, как проявили себя западно-европейские крестьяне при низвержении абсолютизма,—это вопрос, на который история еще не дала ответа. Если не сумеют,—социал-демократия нимало не потеряет от этого в своем добром имени и в своем движении, ибо не ее вина, что крестьянство не ответило (м.-б., не в силах было ответить) на ее революционный призыв. Рабочее движение идет и пойдет своим путем, несмотря ни на какие измены крупной или мелкой буржуазии. Если сумеют,—то социал-демократия, которая не оказала бы при этом поддержки крестьянству, навсегда потеряла бы свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию" [2]). Особо Ленин отмечал, что „мы должны выделить революционное содержание народничества" [3]). Сопоставьте все это с тем, что мы знаем теперь о позиции Ленина при обсуждении проекта партийной программы, и станет отчетливо ясным то новое в точке зрения Ленина, что поднимало его над всей редакцией „Искры". И какими курьезными, смешными, ничтожными после этого кажутся попытки тов. Ваганяна превратить Ленина в какого-то подражателя „каучуковой" тактике Каутского. Тов. Ваганян вполне доказал своим изложением позиции Ленина, что он ничего не понял в ленинизме, что он „глух" и „слеп" к ленинизму. Он доказал также, что для изложения Ленина мало обладать „смелостью" и элементарным умением изложения чужих мыслей. Надо еще уметь понимать их. „Смелость" в соединении с непониманием превращаются в легкомысленную развязность, ведущую к грубейшему извращению основного в рассматриваемом вопросе. И так как тов. Ваганян полагает, что Ленин находился под сильным влиянием „немецких теоретиков" и Эрфуртской программы, то придется остановиться и на этом вопросе. И чтобы не отягощать читателя изобилием цитат, придется прежде всего лишь указать на то, что Ленин с своей, уже цитированной мною статье „Проект программы нашей партии" подчеркивал, что проект программы русских социал-демократов, изданный группой „Освобождение труда", не потерял своего значения и для настоящего момента и „стоит вполне на уровне со-

---

[1]) Там же, стр 396.
[2]) Там же, стр. 389.
[3]) Там же, стр. 395.

временной социал-демократической теории“ [1]). И на странице 379 Ленин в небольшом абзаце дает исчерпывающую мотивировку того, почему он считает правильным такую оценку программы группы „Освобождение труда“. В этой характеристике затронуты буквально все вопросы, в том числе и вопрос о диктатуре пролетариата, а как известно в программе группы „Освобождение Труда“ 1887—8 года этот вопрос сформулирован совсем не плохо, и не только для того времени, но и вообще для революционно-марксистской постановки этого вопроса. Далее, в той же статье тов. Ленин в таких выражениях определяет свое отношение к Эрфуртской программе: „Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее. Но подражание ни в коем случае не должно быть простым списыванием. Подражение и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же основные процессы развития капитализма, те же основные задачи социал-демократов и рабочего класса, но они ни в коем случае не должны вести к забвению особенностей России, которые должны найти полное выражение в особенностях нашей программы“. Для всех и каждого ясно, что здесь тов. Ленин намерен подражать „хорошему“ в Эрфуртской программе и в то же время ни в коей мере не собирается заниматься простым „списыванием“ с нее. Зачем же тов. Ваганяну понадобилось изображать дело так, что Ленин находится чуть ли не в плену именно у „каучуковой“ стороны программы Каутского.

Подчеркивая необходимость отражения в программе нашей партии особенностей России, Ленин в программных спорах 1902 года с особенной настойчивостью выдвигал вопрос „о специально-русском капитализме“, настаивая на том, что мы должны выступить „с прямым объявлением войны именно русскому капитализму“. Одновременно с этим Ленин тоже с искючительной настойчивостью отстаивал конкретность основных формулировок тенденций капиталистического развития, т.-е. требовал наибольшей резкости характеристик основных тенденций капитализма, объективно подготовляющих социалистическую революцию.

И если тов. Ленин был намерен подражать некоторым „немецким теоретикам“ именно в этом направлении, а это было именно так, то это лишний раз подчеркивает правильность позиции тов. Ленина и выбивает у тов. Ваганяна всякую почву для защиты его столь легкомысленных умозаключений. Ленин еще в 1899 году имел намерение при разборе программы группы „Освобождение труда“ особо выделить и „очертить основную тенденцию капитализма“, в таком понимании этой тенденции, какое изложено было им и в программных спорах 1902 года (см.

---

[1]) Там же, стр. 379.

стр. 380—81 тома V соч. Ленина). Но тов. Ваганян не удовлетворяется теми искажениями, которые были допущены им при характеристике точки зрения тов. Ленина в разобранных мною выше вопросах.

В своей книге он пишет: „И Ленин, и Мартов находили проект абстрактным, слишком отвлеченно-теоретическим, и, что важнее всего, они обвиняли Плеханова в том, что он уделяет слишком много внимания полемике с Бернштейном“ [1]). Прочитав это, прямо руками разводишь перед той... бесшабашной лихостью, которую обнаруживает здесь тов. Ваганян.

Ленин первым начал „стрелять“ в Струве. Ленин из Сибири поднял знамя борьбы против cred'изма. Ленин в своих статьях из сибирской ссылки в 1899 году неоднократно подчеркивал важность и необходимость борьбы с бернштейнианцами, подчеркивая правильность тактики Плеханова, подвергавшего „беспощадной критике новейшую „критику“ Бернштейна“. Ленин в переписке, относящейся к 1900—01 гг., которую я выше цитировал, неоднократно и весьма определенно высказывался по этому вопросу. И, наконец, в программных спорах 1902 года Ленин стремится к такой формулировке нашей программы, чтобы она дала „базис в войне и с „критиками“, и с мн(огими) др(угими)“. И тут же он неоднократно, весьма конкретно, совершенно определенно и резко формулирует свою точку зрения в этом вопросе (см. стр. 72, 78, 86—87 и 132—33).

И после этого приходит Ваганян и, ничтоже сумняшеся, с видом весьма развязным, заявляет: а, ведь, Ленин, как оказывается, в 1902 году обвинял Плеханова в том, что тот слишком энергично борется с Бернштейном. В своей книге о Плеханове тов. Ваганян в полной мере показал, что он не понял и до сих пор не понимает Ленина. Тов. Ваганян, очевидно, в дни своей юности встал на колени перед Плехановым, и его книга показывает, что и до сих пор он не изменил этой позы. Коленопреклоненный перед Плехановым, тов. Ваганян не в состоянии правильно оценить Плеханова. Одновременно он лишен возможности понять и Ленина. Для того, чтобы написать хорошую, большевистскую книгу о Георгии Валентиновиче Плеханове, надо было тов. Ваганяну не заниматься неумеренным подчеркиванием плехановского „учительства“ в отношении Ленина. Это факт общеизвестный. Ленин начал не на пустом месте, он имел предшественников, в числе их, несомненно, стоит и Плеханов. Это, повторяю, общеизвестно. Тов. Ваганяну именно для изучения Плеханова, раз уж он взялся писать о нем книгу, надо было тщательно, со всем вниманием, добросовестно изучить и, главное, понять (а вам этого-то и не дано, тов. Ваганян), понять самостоятельную ленинскую линию еще в „доискровский“ и „искровский“ период развития нашей партии и революционного марксизма в России. И надо было показать, какие плехановские „уклончики“ привели

[1]) См. В. Ваганян, там же, стр. 353—363.

Плеханова - „искровца“ к Плеханову-меньшевику. Архивы уже сейчас дают нам материал для такого изучения. Надо было этим воспользоваться и дать партийной молодежи такую книгу, по которой она сумела бы, как следует, по-большевистски понять и Плеханова и научиться понимать ленинизм. Коленопреклоненный перед Плехановым, Ваганян не дал и не мог дать такой книги. Он дал такую книгу, в которой исказил роль Ленина в важнейший период в истории русского марксизма. Тов. Ваганян не понимает того, что Ленин приехал из сибирской ссылки за границу, имея все данные политического вождя. В 1900—1901 гг. за границей он прошел через такой опыт, который сделал его вождем. И надо понять, что с этого момента во главе революционной пролетарской партии и революционного марксизма в России стоит уже не Плеханов, а Владимир Ильич Ленин. Он идет во главе партии, он то кропотливо и настойчиво, то громадными шагами двигает вперед передовую революционную теорию нашей эпохи. Кто не поймет этого, тот ничего не поймет в истории русского марксизма и нашей партии с начала XX столетия.

Книга В. Ваганяна дает образец такого непонимания. Она, безусловно, возникла под знаком „ревизионистского“ отношения к Ленину и ленинизму и в полной мере несет на себе этот отпечаток.

X.

Строители.

В этих строках я расскажу о тех, кто нашу партию строил, создавал остов партии и ее первые рабочие кружки и группы, связывал их в повседневной работе с массами и громадным, ежесекундным риском закладывал основы организации ее вооруженных сил, организуя ее боевые дружины. Я не хочу брать сухие исторические факты, даты и соображения, я возьму живых доподлинных строителей истории нашей партии, с которыми мне лично довелось встретиться. И не потому и все члены партии, и рабочая масса должны вспомнить их в день великого юбилея, что они так много сделали для партии, для рабочего движения,—это, конечно, своим чередом,—а потому, что те, о которых будет здесь рассказано, замечательны, прежде всего, как исключительно яркие представители главнейших моментов работы партии. Это три замечательных российских пролетария: один из первых социал-демократов в России, ткач Федор Афанасьев („Отец"), широко известный по летней иваново-вознесенской стачке 1905 года, Евлампий Дунаев („Александр") и совсем не известный начальник боевой дружины ивано-вознесенской, а потом шуйской соц.-д. организации Иван Уткин („Станко"). Петербургская работница В. Карелина в своих воспоминаниях о с.-д. работе начала 90-х годов говорит о Федоре Афанасьеве: „замечательный это был человек", „он, как практик и организатор, был выдающимся человеком". И действительно, ткач Федор Афанасьев был замечательным организатором. Мне пришлось встретиться с ним летом 1905 года во время большой иваново-вознесенской стачки. В это время иваново-вознесенская группа Северного комитета была переименована в Иваново-Вознесенский комитет партии. Афанасьев входил в его состав. Он был тем центром, к которому сходились все связи, имевшиеся тогда у организации, он был главный конспиратор, который внимательно следил за тем, чтобы в этом отношении не было допущено никаких промахов и ошибок. Уже несколько поздней мне вспоминается, как, ни говоря никому даже из членов комитета, он устраивал в секретном месте в лесу нечто в роде секретного архива. Во всей его работе, конспиративных привычках, какой-то удивительной объединяющей всех манере

действовать и убеждать, сказывалась многолетняя подпольная выдержка стариннейщего пионера рабочего движения. С его знанием, опытом и умением подходить к каждому человеку, мне самому пришлось познакомиться непосредственно. В конце стачки и сейчас же после нее Афанасьев устраивал и проводил целый ряд „летучек", на которых он собирал человек по 20—30 рабочих и работниц как Иваново-Вознесенска, так и близлежащего села Кохмы. Довольно часто на эти летучки водил он меня, заставляя обосновывать, главным образом, отдельные требования нашей программы-минимум (о 8-часовом рабочем дне, о косвенных налогах, о демократической республике в связи с государственным устройством стран Западной Европы и т. д.). По городу мы шли с ним всегда на некотором расстоянии друг от друга, он впереди, я сзади,—за городом, в лесу шли уже вместе. И тут „Отец" вел всегда со мной разговоры на самые разнообразные темы. Этот человек не один раз держал в своих руках „Капитал", он очень хорошо знал марксистскую литературу, имел также знания в самых разнообразных областях, и в области истории культуры, и естествознания, и русской литературы. На летучках, он уже в качестве массовика, ставил различные вопросы, наталкивая ими на такие разъяснения, которые были безусловно необходимы и полезны всем присутствующим. Иногда вопросы эти были весьма затруднительны и тогда сам „Отец" приходил мне на помощь, не ставя меня в неловкое положение перед аудиторией. Ткач Федор Афанасьевич бы тем доподлинным организатором, которым крепка и жива партия пролетариата в России. Он был символом пролетарской выдержки, настойчивости, мудрого такта и организующей воли. 22-го октября 1905 года (по старому стилю) тов. Афанасьев был убит черносотенцами и казаками на реке Талке, близ Иваново-Вознесенска. Ночь его прах пролежал спрятанным в лесу, а рано утром на следующий день мы завернули его в красное знамя и похоронили тут же на берегу реки. „Через несколько дней, остервенелая черная сотня вырыла его оттуда, перенесла на кладбище, при так называемой „больнице чернорабочих", и положила его в могилу под крестом. В день великого юбилея красные пролетарские знамена должны склониться перед памятью об этом строителе нашей партии.

Евлампий Дунаев был сделан совсем из другого материала, но он также должен быть отнесен к тому славному поколению рабочих людей, которые нашу партию строили. Дунаев играл громаднейшую роль в большой иваново-вознесенской стачке. Он был типичный массовик, он был сама масса. Вместе с массой он колебался (примеров тому немало), вместе с массой поднимался в историческом развитии классового самосознания русского рабочего. Он превосходно знал массу, понимал ее, умел к ней подойти, объяснить ей на своем живом, образном, картинном и горячем языке то, что было неопреодолимо трудно объяснить подчас самому умелому, самому опытному, самому образованному агитатору. Я до сих пор помню его замечательные речи на мно-

готысячных рабочих собраниях. 12-го мая, в первый день стачки на городской площади Дунаев произнес краткую речь. „Товарищи,—говорил он, между прочим,—вы, ведь, знаете: наши фабриканты, ведь, они отцы наши, благодетели", и тут же, сделав маленькую паузу, он совсем другим голосом добавил: „кровопийцы, сукины дети". Рабочая масса сразу понимала живой и яркий смысл таких построений. 23-го июня, на общем собрании бастующих рабочих, на той же площади перед городской управой, Дунаев сказал так от имени всей массы рабочих, которая пришла, после полуторамесячной стачки, требовать хлеба и работы: „Мы не можем дальше вести себя спокойно, видя, как голодают наши дети, в то время, как виновники этого голода, наши хозяева, владельцы предприятий, будучи сытыми, не хотят пойти на облегчение наших страданий. Мы больше не можем терпеть этого издательства. Работы! Хлеба! Хлеба или свинца!" Однажды на Талку к бастующим рабочим приехало начальство—полицеймейстер Иванов и фабричный инспектор Полубенин. Иванов с бочки стал призывать рабочих к порядку, пугая их и уговаривая. После него выступил Дунаев и сказал, обращаяясь к рабочим: „Товарищи, здесь представитель самодержавного беспорядка призывал нас, рабочих, к порядку. Нас, которые именно добиваются того, чтобы на земле был настоящий порядок". Начальство, конечно, уехало несолоно хлебавши. Всем участникам стачки, наверное, памятно, как однажды на многотысячном собрании на Талке, во время же стачки, Дунаев с бочки руководил судом над напившимися пьяными несколькими рабочими. Так умело мог делать это только человек, сам из рабочей массы вышедший и с ней теснейшим образом связанный. Популярность Евлампия среди рабочих иваново-вознесенской округи была колоссальна Однажды Дунаев пошел во время стачки по каким-то делам в село Лежнево; сторож при волостном правлении, узнав, что этот небольшой, сухенький, рябой, с черной бородкой и в синей блузе рабочий пришел из Иванова, спросил его, между прочим: „А Дунаева ты знаешь? Евлампий ему на это ответил: „Да я сам Дунаев и есть". Тогда сторож расхохотался, махнул рукой и шутливо выругался, он не поверил, что такой замухрышка мог быть Дунаевым. Дунаев не сразу пришел к большевикам. На Стокгольмском съезде он был в большевистской части московской делегации и с тех пор до конца своей жизни твердо стоял в рядах нашей партии. Евлампий Дунаев был не только замечательным вожаком массовой борьбы, не только поразительным агитатором, но и изумительным рассказчиком и интереснейшим человеком вообще. О нем можно было написать десятки, сотни страниц, и они будут читаться с захватывающим интересом. Дунаев умер от тифа в Нижнем-Новгороде, кажется, в 1920 году. В день великого юбилея красные пролетарские знамена должны склониться перед памятью этого строителя нашей партии.

И опять-таки совсем другого типа работником нашей партии

был Иван Уткин. Он был членом первого Совета Рабочих Депутатов в Иваново-Вознесенске, он принимал деятельное участие в иваново-вознесенской стачке, он выполнял разнообразные партийные обязанности, но не в этом была его особенность и его сила. Всю свою жизнь целиком Уткин положил на дело организации вооруженных сил партии, он был боевиком. „Станко", так он назывался в те времена, принимал участие в московском вооруженном восстании, неоднократно перевозил типографский шрифт и занимался транспортом оружия. Он был долгое время начальником боевой дружины Иваново-Вознесенской партийной организации. Боевики охраняли митинги и массовки в лесах, нередко они патрулировали комитетские собрания, приходилось им также выполнять и непосредственную боевую работу. В Иваново-Вознесенске „Станко" стоял во главе этого дела, которое требовало громаднейшей выдержки, закала и исключительного мужества. Иван Уткин с исключительной преданностью, нужно сказать, любовью и настойчивостью работал над созданием иваново-вознесенской боевой дружины, устанавливал в ней должную дисциплину, организовал склады оружия и принимал руководящее участие в ее боевых выступлениях. В черные дни иваново-вознесенского погрома (22—25-го октября 1905 года) он не только принимал ближайшее участие в собирании разгромленной полицией и черносотенцами организации, но и с оружием в руках охранял собрания в лесах, обеспечивая своим патрулированием благополучное возвращение в город, в то время по ночам наполненный непрерывно разъезжающими казачьими патрулями и постами городовых на каждом посту и перекрестке. Когда революционное движение пошло на убыль и вооруженная борьба стала распыляться в отдельные партизанские выступления, Уткин был тем начальником боевиков, который вел беспощадную борьбу с бандитскими тенденциями в партийной боевой дружине. Его имя должно быть поставлено рядом с тов. „Камо" (Тер-Петросовым), стоявшим во главе кавказской боевой дружины. В конце 1906 года — начале 1907 года Иваново-Вознесенскому комитету пришлось много потратить энергии на борьбу с элементами разложения партийных боевых организаций. Мне помнится, что Шуйский комитет, входивший в состав иваново-вознесенского союза нашей партии, осенью 1906 года, исключил из организации целый ряд боевиков, заразившихся этим разложением. Мне пришлось однажды в те времена иметь по этому поводу разговор с тов. „Станко". Тогда за ним по пятам гонялись полицейские ищейки, во главе с шуйским урядником Никитой Перловым (в которого в свое время, к сожалению, неудачно стрелял тов. Фрунзе). Встреча была организована в лесу около Шуи. Это был последний раз, когда мне пришлось увидеться с Уткиным; с тех пор я его уже не видал (вскоре он был арестован). Умение точно разобраться в создавшейся обстановке и колоссальная настойчивость сказались в Уткине здесь в полной мере; он в разговоре со мной развил целый план очищения дружины от уголовных и авантю-

ристских элементов; он настойчиво доказывал, что необходимо всеми мерами стремиться к укреплению боевых сил партии, он рисовал план того, как можно организовать массовое обучение владеть оружием; он доказал, что дружину можно очистить, не распуская ее, что нужно привлечь новые силы к этой работе, и что, наконец, можно сделать так, чтобы разделенная на пятки и десятки, дружина имела в своих руках оружие только тогда, когда это нужно для дела. Уже после отъезда Уткина из Шуи партийному комитету пришлось принимать в направлении реорганизации боевой дружины ряд мер. Ряд боевиков был исключен, многие указания тов. „Станко" пригодились. Иван Уткин умер от чахотки в 1908 году на царской каторге. Из остатков наших славных партийных боевых дружин создалась после Февральской революции большевистская Красная гвардия, она дала нам не одного искусного командира. Иван Уткин, если бы он дожил до эпохи гражданской войны, был бы, несомненно, в первых рядах наших боевых командиров. В день великого юбилея красные пролетарские знамена должны склониться перед памятью этого строителя нашей партии.

Эти три замечательных российских пролетария, о которых я рассказал здесь, являются лучшими представителями того славного поколения, которое нашу партию выпестовало. Их было не трое и не десяток, а многие сотни. Они создали нашу партию такой, какой мы ее знаем в последнее пятилетие, в дни великих испытаний, тяжелых поражений и блестящих побед.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие ко 2-му изданию	3
I. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России	5
II. Общие вопросы истории РКП	40
III. История без „философии“	46
IV. Агитация и пропаганда в развитии партии	56
V. Великий строитель	63
VI. Ленин и партия	69
VII. Мировая война и большевизм	78
VIII. „Уроки Октября“ и троцкизм	84
IX. Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма	112
X. Строители	135

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА.

И. СТАЛИН

НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ.

СТАТЬИ И РЕЧИ.

Март—Октябрь 1917 г. Стр. 280 Ц. 1 р. 35 к.

Весьма ценным вкладом в нашу партийную литературу является новая книжка тов. И. Сталина „На ПУТЯХ к ОКТЯБРЮ". Она представляет собой собрание документов и материалов, имеющих значение неопровержимых исторических данных. Это — речи и статьи тов. Сталина по самым жгучим вопросам подготовки великого Октября.

Книжка, страница за страницей, возвращает читателя к ушедшей в прошлое знаменательной и поучительной исторической эпохе непосредственной подготовки Окрября, восстанавливает всю картину борьбы и колебаний партии и отдельных лиц и освещает ход событий с точки зрения ленинца-практика, рука об руку с тов. Лениным боровшегося и проводившего через тернии и идеологический хаос старую испытанную ленинскую большевистскую линию, приведшую нас к такой победе.

Книга издана очень хорошо. В. Орский. („Коммунист, Харьков, 1925

ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВО

ЛЕНИН В. И.

О ПАРТИЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

СТАТЬИ И РЕЧИ ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. Пред. и прим. К. П. Новицкого.

Изд. 2-е пополн. Стр. 592. Ц. 1 р. 60 к. ВЫСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ.

ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ РКП (б)

СБОРНИК. Стр. 206. Ц. 90 к.

УСТАВ РКП (б.) И ПОПРАВКИ К НЕМУ

Разработанные Орграспредотделом ЦК РКП. Ц. 20 к.

МАТЕРИАЛЫ ПО ВОПРОСАМ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

СБОРНИК Орграспредотдела ЦК РКП

Ц. 50 к.

Рыклин Г. и Трунтаев В.

ЯЧЕЙКА и СОВЕТЫ в ДЕРЕВНЕ

Сборник статей и материалов.

Под ред. Я. Яковлева и М. Хатаевича.

Стр. 124. Ц. 60 к.

МЕСТНЫЙ АППАРАТ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ, ТОРГОВЫХ И КРЕДИТНЫХ ОРГАНОВ

По материалам Орграспредотдела ЦК РКП Ц. 40 к.

ВАРЕЙКИС И.

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

ОТНОШЕНИЕ ПАРТИИ К ТРОЦКИЗМУ. Стр. 104. Ц. 60 к.

ЛЕЖАВА Л. и РУСАКОВ Г.

ПАМЯТНИК БОРЦАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,

ПОГИБШИМ в 1917—1918 гг.

Изд. 3-е, испр. и доп. в одном томе. Стр. 780. Ц. **4** р. **50** к.

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

КРОНШТАДТ и ПИТЕР

в 1917 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Февральская революция. Революционный Кронштадт. Работа в Кронштадте. Апрельские дни. Кронштадтская республика. Вокруг Финского побережья. Июльские дни. В тюрьме Керенского. Накануне Октябрьской революции. Октябрьская революция.

Стр. 249. Цена **2** руб.

Я. ГАНЕЦКИЙ

В. В. ВОРОВСКИЙ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Стр. 102. Цена **60** коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Телеф. **2-22-24.**
Телеграфный адрес: **Москва Торгсектор.**

ЛЕНИНГРАД, Ленинградское Представительство, Моховая, 36.
Телеграфный адрес: **Ленинград Россгосиздат.**

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4) высылает немедленно по получении заказа любую книгу наложенным платежом, почтовыми посылками или бандеролью.

При высылке денег вперед (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка БЕСПЛАТНО.

КАТАЛОГИ и БЮЛЛЕТЕНИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ.

85 коп.

МАГАЗИН № 7